ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 12 МАРТ 1989

ВИДЕНИЯ ФРЭНСИСА БЭКОНА

ПРЕЧУДНЫЙ ОСТРОВ ВАЛААМ

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ФОТОКАМЕРОЙ

ЗЕМЛЯ — КРЕСТЬЯНАМ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (3217)

18—25 МАРТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Вилнис Чаче — шофер колхоза «Блазма» — живет на хуторе Тирели. (См. в номере материал «На перекрестке».)

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 24.02.89. Подписано к печати 14.03.89. А 08830. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 239. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЖИТЬ И И

С членом ЦК КПСС, секретарем ВЦСПС, членом Комитета особого управления Нагорно-Карабахской автономной области Виктором Максимовичем МИШИНЫМ беседует обозреватель «Огонька» Анатолий ГОЛОВКОВ

Имя Виктора Мишина многие знают главным образом по комсомольской жизни 70 — начала 80-х годов. Его взлет за сравнительно короткое время от секретаря комитета ВЛКСМ МИСИ имени Куйбышева до первого секретаря Центрального Комитета комсомола со стороны казался головокружительным, хотя на самом деле путь был тернист. Ему выпало работать под руководством трех Генеральных секретарей ЦК КПСС.

Сейчас Виктор Максимович — секретарь ВЦСПС. Во время встреч и долгих бесед с ним хотелось понять прежде всего, в какой степени и как эволюционировало его мышление: в прошлом все-таки аппаратного работника «застойных лет»; в настоящем — государственного деятеля, которому доверены ответственные сферы общественной и политической жизни страны.

— *Виктор Максимович, два с лишним года назад ваш переход из ЦК ВЛКСМ в ВЦСПС породил немало самых противоречивых слухов. Не смогли бы вы пролить свет гласности на это «белое пятно»? С чем, на ваш взгляд, связано то обстоятельство, что сразу три бывших первых секретаря ЦК ВЛКСМ направлены за рубеж на дипломатическую работу? Можно ли в этой связи предположить, что ЦК ВЛКСМ отводилась роль некоего филиала Дипломатической академии МИД СССР?*

— Жизнь гораздо сложнее упрощенных схем. Не секрет, что к моменту моего ухода с поста первого секретаря ЦК ВЛКСМ мои предшественники работали за рубежом Чрезвычайными и Полномочными послами СССР. Сер-

Фото Игоря ГАВРИЛОВА.

мать специалисты-дипломаты. Впрочем, были времена, когда комсомольские руководители заканчивали карьеру куда трагичнее. Но времена, к счастью, меняются. К тому же никаких обвинений в искажении политики партии или претензий личного порядка мне и не предъявлялось. Все же, хотя я и был на десять лет моложе своего предшественника, прекрасно понимал, что в сорок три года пора покидать комсомол. Узнав о моем предполагаемом переходе, председатель ВЦСПС Степан Алексеевич Шалаев предложил мне попробовать свои силы на профсоюзной работе. Руководство ЦК КПСС поддержало это предложение, и вопрос был вынесен на пленум ВЦСПС, который избрал меня секретарем.

— Как вам работается? Изменилось ли ваше материальное положение? Не жалеете ли вы о таком повороте судьбы?

— Наоборот, считаю его удачным для себя. Участок работы мне поручен очень интересный и важный. Должен сказать, что самостоятельности, пожалуй, теперь у меня даже больше, чем на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ. В зарплате, правда, несколько потерял, но и оставшихся 550 вполне достаточно.

Когда меня избрали первым секретарем, я несколько недель не спал. Такой груз давил. Нормальный человек не может, по-моему, не чувствовать всей тяжести такой ответственности. А главное, я понимал, что комсомол работать по-старому не может и не должен.

Последние годы работать «на комсомоле» было нелегко. Но впечатлений, конечно, осталась масса. Я ведь еще при Л. И. Брежневе работал секретарем ЦК ВЛКСМ. Кое-что видел и слышал сам, о многом знал; то, что в газеты тогда не попадало. Уже тогда были у меня и конфликты с Игорем Щелоковым, работавшим заведующим отделом. Были попытки скомпрометировать меня анонимками, всякое было. Но старался работать честно, видеть прежде всего дело.

И Ю. В. Андропов, и К. У. Черненко, как правило, наши предложения поддерживали, жаловаться грех. Было одобрено непростое решение о проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Михаил Сергеевич Горбачев вообще к комсомолу, к молодежи с таким пониманием и заботой относился и относится, что минать, но ведь то, чем сейчас комсомол гордится, зарождалось еще в «застойное время». Принципиальное для нас решение о создании единой общественно-государственной системы НТТМ было принято задолго до XX съезда ВЛКСМ. Евгению Королеву еще десять лет назад изо всех сил помогали пробить в жизнь идею МЖК как новой социальной общности, а не только жилого дома для молодых.

— Известно, что в комсомольскую бытность вы являлись организатором отправки молодежных комсомольских отрядов на ударные стройки по всей стране. Если взять в скобки положительный эффект такого рода эксплуатации энтузиазма, то результат во многом оказался плачевным. БАМ приносит стране ежегодно 200 миллионов рублей убытков. Благодаря труду молодых на Тюменском Севере (о социальных условиях тоже умолчим), десятки миллиардов золотых рублей, вырученных за нефть и газ, ни на йоту не улучшили уровень жизни населения, если, конечно, не считать ежегодные закупки канадской и американской пшеницы. Мелиоративная программа, в которой активно участвовал комсомол, нарушив экологический баланс, обесплодила миллионы гектаров земли. Можно было бы привести десятки других примеров... Как вы ко всему этому относитесь теперь, спустя годы, не пересмотрели ли свои взгляды?

— Прежде всего хочу сказать, что мне не по душе навязчивое стремление положительные результаты брать в скобки и замалчивать, а негативные моменты, напротив, выпячивать. Особенно когда охаивание сделанного в прошлом не слишком доказательно.

Я не готов нести ответственность за экономическую стратегию партии в 70-е и начале 80-х годов. Не берусь обстоятельно анализировать ее с научными выкладками в руках — я не экономист. Мнений ученых — и разных мнений — на этот счет публикуется достаточно.

Если же говорить об участии молодежи в реализации крупных народнохозяйственных проектов, я не считаю это ошибкой комсомола. При всех издержках, а они были, молодежь внесла конкретный вклад в решение экономических проблем страны теми методами, которые были на вооружении нашего народного хозяйства.

ЗВЛЕКАТЬ УРОКИ

гей Павлович Павлов — в Монголии, Евгений Михайлович Тяжельников — в Румынии, Борис Николаевич Пастухов — в Дании. В один прекрасный день поехать в заокеанскую страну было предложено и мне. Предложение исходило от людей, работавших да и сейчас работающих в аппарате ЦК КПСС, со ссылкой на пресловутое «есть мнение». Я честно ответил, что если это решение Центрального Комитета партии, я готов его выполнить, а если это пока только чье-то мнение, прошу по возможности учесть и мое. Я, знаете ли, коренной москвич, патриот своего города, вдали от него быстро начинаю не то что тосковать, а как-то тяготиться. К тому же хотелось активной работы дома, в Союзе. А в стране, куда мне предложили поехать, похоже, нужны были не столько энергия и опыт, а другие личные качества, коими я вряд ли обладаю в достаточной мере. По складу характера я не самый большой дипломат, хотя практика международного общения была: Ну, а самое главное, о чем я и сказал тогда,— в этой стране не было советской школы, негде было учиться 12-летнему сыну. Ведь, согласитесь, что итог нашей жизни подводят не столько служебная карьера, сколько наше наследие и наши наследники, причем и в буквальном смысле. А на изломанные судьбы оставленных дома детей дипломатов я, слава богу, насмотрелся...

— И ваши аргументы были приняты во внимание?

— Можно считать, что да. Мне предложили вскоре страну, где школа имелась... Я дал согласие, хотя и напомнил, что буду «четвертым послом» с должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Хоть должность полномочного представителя Советской страны весьма почетна, я понимал, что должны ее занимать ребятам в ЦК ВЛКСМ сейчас просто завидую. Впрочем, об этом, наверное, напишу когда-нибудь в мемуарах — сегодня в славословии могут обвинить...

— Не находите ли вы, что ВЛКСМ в чем-то исчерпал себя как общественная организация молодежи, утрачивает авторитет среди рядовых комсомольцев, что в общем-то комсомол превращается в бюрократизированный придаток КПСС? И этот процесс, между прочим, шел и под вашим руководством...

— Категорически не согласен. В комсомоле, конечно, хватает карьеристов, тупиц, лицемеров и эгоистов. Но вне комсомола их не меньше.

Конечно, сильно переборщили в свое время, абсолютизируя функцию комсомола как «помощника и резерва партии», зажимали самостоятельность мелочной опекой. Но ведь, помимо лозунгов, и дела были! Неловко как-то напо-

Я слышал выступление по телевидению Татьяны Васиной, которая уехала на БАМ в 1974 году рядовым бойцом отряда имени XVII съезда комсомола. Она с болью говорила о том, что последние публикации в прессе представляют жизнь целого поколения пущенной на ветер. Детям, которые выросли на БАМе, внушается таким образом мысль, что их родители 15 лет занимались пустым делом. Ваш журнал тоже внес свою лепту, напечатав на обложке снимок Героя Социалистического Труда А. Бондаря с броской подписью «Ищу работу!». Насколько мне известно, должность председателя дорпрофсожа, на которую он был выдвинут, упразднена в результате сокращения профсоюзного аппарата, а ему предложено работать заместителем начальника строительно-монтажного поезда. Но этого на обложке почему-то не написано...

Я знаю Владимира Мучицына, комис-

сара первого отряда, знаю Виктора Лакомова, тоже Героя Социалистического Труда, выросшего на БАМе в крупную, значительную личность. Леонид Казаков, работая на БАМе, получил высшее образование, сейчас он секретарь ВЦСПС, мой коллега, государственный человек. Стройка воспитывала, формировала людей.

— Вы перечисляете знатных бамовцев. Их даже не сотни — десятки... А тысячи и тысячи рядовых, разочаровавшихся, что связали судьбу с БАМом?

— Я один из первых, кто пролетел БАМ из конца в конец на вертолете, много раз бывал на других стройках. Неудовлетворенность — да, была. Не всегда реальность совпадала с ожиданиями, было желание бороться с недостатками, бесхозяйственностью, ведомственностью. И люди не были разобщены в борьбе с трудностями.

То, что БАМ приносит убытки, не результат энтузиазма молодежи, а результат экономии на инфраструктуре, некомплексности освоения этой зоны. А что БАМ нужен — я в этом убежден, и это мнение разделяют многие, в частности академик А. Аганбегян. Как сообщалось недавно в газете «Труд», африканская железная дорога «Тазара» протяженностью 1860 километров семь или восемь лет приносила убытки, пока не «вросла» в экономику. Теперь же она одна из самых доходных на материке. Время еще рассудит...

Про «нефтедоллары» тоже проще всего говорить как про ошибку. А не было бы тюменской нефти, не голодали бы мы при тех руководителях, кто знает? Конечно, закупленное на эти доллары оборудование порой сгнивало нераспакованным, деньги могли транжирить необдуманно. Но разве молодежь в этом виновата?

Позиция же ЦК ВЛКСМ всегда была твердой: мы категорически возражали против потребительского отношения к энтузиазму. Особенно когда почувствовали, что многие хозяйственные руководители увидели в молодежи выгодную рабочую силу, повадились затыкать прорехи путем ее эксплуатации.

И все-таки еще в 1984 году количество всесоюзных ударных комсомольских строек удалось сократить вдвое — со 123 до 63. По нашей инициативе было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР по совершенствованию оргнабора и общественного призыва молодежи на объекты народного хозяйства, которое давало ЦК ВЛКСМ право приостанавливать общественный призыв... Отказывались мы посылать отряды и в Западную Сибирь, и на «Атоммаш», и на «Ростсельмаш», и в Елабугу, и в Чернобыль, тогда еще строившийся...

Что еще меня удивляет, это попытки представить молодежь, работавшую на освоении новых регионов, этаким племенем варваров, разрушивших Рим. Должен сказать, что у молодого поколения экологическая культура может и недостаточна, но повыше, чем у предыдущих.

Проповедь патриархальщины сегодня способна растрогать душу, но не способна остановить развитие производительных сил. Проливать море слез над искусственными морями, затопившими плодородные земли и историко-культурные памятники, слишком мало. Мы должны извлекать уроки, чтобы сейчас давать возможность не только специалистам, но и широкой общественности рассматривать альтернативные варианты крупных проектов, на своем уровне высказывать мнения, к которым не могли бы не прислушиваться. Надо жить так, чтобы не пришлось потом рвать на себе волосы от ошибок, которых не исправить...

— Согласен, перед любым решением стоит сначала подумать... Кстати говоря, если обратиться к политическому выбору молодежи, то сегодняшнее поколение комсомольцев активно участвует в неформальных движениях. В том числе в движениях Закавказья и Прибалтики. Часть молодых охотно примыкает даже к таким нашумевшим организациям, как «Память», «Демократический союз». Думается, если провести анализ, выяснится, что далеко не все члены комсомола разделяют целиком его Устав. Как вы относитесь к политической «дестабилизации» комсомола? Что, на ваш взгляд, следует предпринять, чтобы комсомол активно помогал реализовать ту концепцию перестройки, за которую проголосовала XIX партконференция?

— Вы как бы вскользь затрагиваете такие сложные и разнородные явления, что мне трудно отвечать кратко, не искажая сути дела. Под неформальными движениями порой понимают все, что угодно: от банды хулиганствующих подростков до нескольких десятков людей, объявивших себя политической партией. Если вы имеете в виду группы и объединения политической направленности, да еще оппозиционного толка, то, убежден, число их приверженцев на много порядков меньше тех, кто разделяет Устав ВЛКСМ. Говорить об участии значительной части комсомольцев в неформальном движении можно, если под ним понимать совокупность самодеятельных молодежных объединений, выступающих с теми или иными инициативами, проектами или программами. Именно об этом говорят данные социологических исследований. Это экологическое и общественно-педагогическое движение, историко-культурные, досуговые, этнографические, творческие объединения, интербригады, компьютерные и политические клубы и т. д. С такого рода самодеятельным движением комсомол учится сотрудничать. В стране создано уже несколько тысяч центров молодежной инициативы при комитетах комсомола. Многие неформальные объединения, строго говоря, перестали быть таковыми, получив официальный статус и организационную структуру. Такое сотрудничество, на мой взгляд, благотворно сказывается и на внутрисоюзной демократизации комсомола.

Что касается Устава ВЛКСМ, он может и должен совершенствоваться. Обсуждение дополнений и поправок к нему, видимо, будет происходить в рамках предстоящей общекомсомольской дискуссии, изменения вправе внести съезд ВЛКСМ.

Советы же комсомолу со страниц «Огонька» мне давать не хотелось бы. Во-первых, потому что уверен в собственных силах нынешнего комсомольского поколения, во-вторых, боюсь поддаться соблазну впасть в поучения типа «в наше время было лучше» — слишком свежи воспоминания.

— Виктор Максимович, теперь немного о вашей работе в качестве секретаря ВЦСПС. Она совпала с активизацией политической жизни в стране. Интересно было бы узнать, каковы ваши взгляды на животрепещущие проблемы профсоюзной деятельности в самом широком их понимании. А именно: в опубликованной предвыборной платформе ВЦСПС не сказано, останутся ли профсоюзы местом трудоустройства отставных начальников, и продолжат ли они защиту главным образом интересов администрации на местах, или трансформируются в подлинно общественную организацию, которая отстаивала бы интересы рабочих?

— Если вы имеете в виду, что профсоюзы до недавнего времени служили «тихой гаванью» для партийных кадров пенсионного возраста или «портом приписки» доказавших свою негодность руководителей, я, пожалуй, соглашусь. Эту порочную практику мы ломаем очень активно. В частности, за последние полтора-два года ВЦСПС отклонил больше десятка кандидатур, рекомендованных местными партийными органами для избрания председателями облсовпрофов. И не было случая, чтобы с мнением ВЦСПС не посчитались.

Зависимость профсоюзных комитетов от партийных и хозяйственных руководителей также имеет место. Но ведь, по выражению Михаила Сергеевича Горбачева, краковяк вокруг начальства профсоюзные активисты танцуют не от хорошей жизни. С одной стороны, председатель профкома вынужден помнить о своем будущем вслед за переизбранием с этого почетного, но хлопотного поста. С другой — все виды премий профсоюзный работник получает по представлению администрации. Таким образом, экономическая зависимость налицо, и не учитывать ее по меньшей мере наивно.

Поэтому мы стремимся такую зависимость свести к минимуму: расширять права первичных организаций, устанавливать размер оклада профсоюзного руководителя, выдвигать на эту должность передовых, квалифицированных рабочих, сохраняя им среднюю зарплату, вводить доплаты неосвобожденным председателям профкомов прежде всего из числа рабочих и рядовых колхозников.

Время все-таки берет свое. Нельзя не видеть, что партия открыто отказывается от старых форм руководства общественными организациями. В этих условиях на грубый диктат, зажим самостоятельности профсоюзов мало кто решится. Но безусловно и то, что одних предпосылок для раскрепощения инициативы недостаточно. Все зависит от личного выбора человека: способен ли он на конфликт ради дела, ради правды, ради справедливости? Поддержит ли его коллектив? Пассивная среда не способна выделить достойного лидера.

— Объективки, характеристики и другие документы часто должен подписывать так называемый треугольник. Сколько раз приходилось убеждаться, что немногие председатели профкомов осмеливаются поставить свой «автограф» прежде секретаря парткома и уж тем более выразить особое мнение по какому-то вопросу внутренней жизни трудового коллектива.

— Это наша общая беда — частный опыт распространять до вселенских обобщений. Дело, наверное, не в том, чтобы быть **против** секретаря парткома или администратора, а в том — **за что** вместе с ними выступать. Ведь, очевидно, недавний факт объявления совместной голодовки главным врачом и председателем профкома поликлиники в борьбе за новое здание огорчил общественность отнюдь не проявлением их единства, а тем, что людей довели до крайних мер уверенность одних бюрократов в безнаказанности и безответственность других.

— Этот случай, конечно, примечателен, но все же из ряда вон выходящий даже по нынешним временам. Имеется в виду несколько иное — «синдром соглашательства», характерный для профсоюзов в целом. Ведь существует и всесоюзный «треугольник». Ряд постановлений по жизненно важным для народа вопросам принимается совместно с Советом Министров СССР и ВЦСПС. Правильно ли это?

— А разве лучше ограничиваться запоздалой критикой правительственных решений после их принятия? На разных стадиях подготовки документов профсоюзы имеют возможность вносить замечания, поправки, предложения, многие из которых учитываются. На пленуме ВЦСПС, избиравшем кандидатов в народные депутаты СССР от профсоюзов, С. А. Шалаеву задали вопрос: «Трудно ли бывает председателю ВЦСПС защищать позиции профсоюзов в центральных хозяйственных органах?» Степан Алексеевич откровенно ответил, что бывает очень трудно. В частности, когда профсоюзы отстаивали необходимость повернуть экономику лицом к человеку. С трудом проходят наши предложения об увеличении продолжительности отпусков, новый Закон о пенсионном обеспечении. Это происходит не потому, что правительство не желает идти профсоюзам навстречу, существуют объективные сложности финансового положения государства.

Так что, по-моему, не всякий компромисс — соглашательство. Другое дело, что надо больше информировать трудящихся о том, кто и какие предложения вносит в правительство, как они обсуждаются, с каким результатом. Этим озабочен сейчас аппарат Совета Министров СССР. Создали Пресс-центр ВЦСПС и мы.

Есть, конечно, и оборотная сторона в таком тесном сотрудничестве. Некоторые работники ВЦСПС проникаются «государственным» мышлением настолько, что порой перестают видеть различия между функциями государственных и профсоюзных органов. В некоторых случаях совместные с правительственными органами решения связывают профсоюзам руки. Это приводит к огосударствлению профсоюзов, превращению их в пусть специфическое, но ведомство, ослабляет защитную роль организации трудящихся.

— Если уж мы с вами завели речь о защитной функции профсоюзов, позвольте спросить: какова ваша точка зрения на проблему реализации конституционных прав населения в СССР? Намерены ли профсоюзы (и в какой форме) способствовать развитию самодеятельного правозащитного движения?

— Давайте немного расшифруем и этот термин. Профсоюзы призваны обеспечить полноправие трудящегося, помогать ему сохранить человеческое достоинство, обрести социальную справедливость, добиться правды в сложных жизненных ситуациях.

Всерьез говоря о необходимости создания правового государства, нельзя мириться с тем, что около 23 миллионов работников в различных сферах фактически лишены прав на профсоюзную и юридическую защиту от бюрократического произвола при возникновении трудовых конфликтов. Я имею в виду пресловутые перечни № 1 и № 2, принятые Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1974 году. В них включены многие профессии — от летчиков гражданской авиации до столь рьяно критикуемых работников партийного и советского аппарата. ВЦСПС внес соответствующие предложения на этот счет.

Все, что касается защиты прав человека,— это наша забота, будь то конституционные права на труд и жилище, на гражданские свободы или социальные гарантии. ВЦСПС, например, стал инициатором создания Ассоциации потребителей, которая призвана защитить нас с вами от группового эгоизма производителей недоброкачественных товаров, от унижений в сфере услуг. Причем приходится уповать на сугубо общественные методы воздействия, на гласность.

Озабочены мы и реальным воплощением права советских людей на культуру, на информацию. Каждый человек, каждая этническая группа, где бы они ни проживали, должны свободно развиваться на основе своих национально-культурных традиций. И мы поддерживаем те самодеятельные движения, которые выступают за сохранение национальной самобытности, возрождение и развитие народного творчества, нашего историко-культурного достояния.

А вообще в заданном вопросе мне слышится вариант трактовки правозащитников как противников существующего социального строя, именовавшихся диссидентами, пострадавшими за инакомыслие от органов власти...

— Простите, Виктор Максимович, но тут я просто вынужден возразить. «Огонек» поддерживает лишь такое правозащитное движение, которое, родившись примерно в середине 60-х годов, объединяло людей, которые мучительно искали выход из экономического и политического тупика. Искали теоретические возможности для справедливого переустройства общества, за что жестоко преследовались...

— Со всей определенностью должен сказать, что я не приемлю репрессии, суды и преследование за убеждения в качестве аргументов в споре за истину. Но моя приверженность плюрализму мнений как норме общественной жизни не означает размытости собственных позиций. Как коммунист, я за социалистический выбор, сделанный нашим народом, за гуманный и демократический социализм. Но против н в знак прелей социалистических идеия на собрю, что не получится у нас конструктивного диалога и взаимопонимания с теми, кто стремится свести проблему прав человека в СССР к проблеме выезда за границу для постоянного проживания или к подсчетам мнимых политзаключенных.

Хотя это не значит, что я готов закрыть глаза на безобразия в судебно-правовой практике, примеры которых описаны вами в очерке «Время на размышление» («Огонек» № 4 за 1989 г.). Как любой честный гражданин, я хотел бы высказать свою солидарность с журналом, благодарность за постановку этих острых вопросов, за раскрытие для общественности еще одной до недавнего времени запретной темы.

— Считаете ли вы забастовки юридически нормальной правовой защитой рабочих от произвола бюрократии? Если да, то способны ли профсоюзы участвовать в такого рода рабочем движении?

— На сегодняшний день забастовки нельзя считать юридически законными. Закон для них не писан — нет никаких правовых норм, регулирующих подобные конфликты. Вместе с тем организованная остановка работы — уже не заморская болезнь «загнивающего капитализма», а прискорбная реальность нашей действительности. Думаю, даже нет необходимости приводить конкретные факты — о них открыто пишут в газетах и говорят с экрана телевизора. В настоящее время ВЦСПС внес в правительство предложения о принятии закона или подзаконного акта о забастовках, который определял бы допустимые рамки для применения такой формы согласованного волеизъявления работающих и порядок разрешения подобных конфликтов. Я убежден, что затягивать с этим нельзя. Проволочки могут только способствовать возникновению новых эксцессов.

— Известно, что законы о забастовках есть во всех странах. Причем в случаях, когда забастовка не считается законной, тут же следуют массовые увольнения...

— Совершенно верно. У нас ведь как раньше трактовался этот вопрос? Государство рабочих и крестьян — это мы. Класса эксплуататоров нет, против кого же выступать? Против самих себя? Сегодня эта логика — всего лишь демагогия невысокой пробы. Мы осознали всю степень отчуждения работника от результатов своего труда, от процессов управления производством. Осознали, что не только у капиталиста, но и у государства можно быть наемным рабочим, сохранив соответствующую психологию. Осознаем всю глубину противоречий между интересами личными и групповыми, корпоративными, между интересами общенародными и ведомственными. Так что, на мой взгляд, забастовка и выступает как одно из проявлений таких объективных противоречий на этапе совершенствования социалистических общественных отношений. Думаю, что профсоюзы должны более активно требовать правового регулирования производственных конфликтов. Когда в определенных ситуациях требования бастующих трудящихся будут считаться законными, профсоюзам можно будет подумать и о создании страхового фонда помощи, о других формах поддержки их позиции. С другой стороны, возрастет и ответственность профкомов, советов трудовых коллективов за то, чтобы без серьезных оснований не прибегать к крайней мере, чтобы при любых вариантах не переступать грань закона, не поддаваться на провокации экстремистов, подталкивающих людей к необдуманным действиям. Ведь в конечном счете от забастовок страдает и общество в целом, и каждый человек.

В Нагорном Карабахе, например, сегодня катастрофическая ситуация с жильем: во многом следствие долговременных перекосов в социальной политики в области и в республике. За три пятилетки возведено лишь 12 процентов запланированных площадей. Но ведь за год «небывалой общественно-политической активности», выражавшейся в том числе и в невыходе людей на работу, жилищная проблема еще более усугубилась: в результате этого из плановых 35 тысяч квадратных метров построено лишь 2,5 тысячи. Не справили новоселье 1600 семей, не прибавилось в области ни одной школы, больницы, детского учреждения, которых так не хватает...

Трудно не согласиться и с другими: при существующей монополии ряда предприятий на выпуск определенной продукции забастовки чреваты даже более дальними последствиями, чем в условиях капиталистического рынка. В этом мы могли убедиться на примере Закавказья. Срывались договоры по взаимным поставкам, страна терпела убытки...

— Недавно Центральный Комитет партии поручил вам работу в Комиссии ЦК КПСС по вопросам правовой политики. Вы вошли в состав Комитета особого управления НКАО. Каковы ваши личные впечатления о первых неделях работы в Нагорном Карабахе?

— Прежде всего я успел убедиться в том, что решение о введении особой формы управления автономной областью было единственно возможным в сложившейся ситуации. Накал страстей на национальной основе достиг такого уровня, что местные органы власти были уже не способны принимать управленческие решения, исходя из здравого смысла и социально-экономических интересов региона. Любая, даже чисто производственная ситуация истолковывалась сугубо с точки зрения межнациональных отношений. За примерами и сегодня далеко ходить не надо — на днях Комитету особого управления удалось «выбить» дефицитное оборудование для сантехнических и строительных работ из фондов республики. Груз прибыл в Степанакерт, а на предприятии не только отказались его разгружать, но и с угрозами развернули обратно. Мотив все тот же, абсурдный для нас с вами: не желаем ничего принимать из Баку. Такая вот амбициозная гордость.

С другой стороны, в Баку весьма ревниво относятся к любым прямым контактам области с центром и другими регионами страны. Так, кое у кого явное неудовольствие вызвало принятое союзным министерством решение о включении Степанакертской мебельной фабрики в объединение «Югмебель», правление которого находится в Ростове-на-Дону. Спрашивается, кому плохо, если мощная фирма с хорошими экономическими показателями готова помочь в реконструкции фабрики, ее переоснащении, обновлении ассортимента продукции, повышении его качества? Для нас ведь уже и создание совместных предприятий с зарубежными партнерами на взаимовыгодных условиях стало обычным делом.

— По мнению многих наблюдателей в нашей стране и за рубежом за ситуацией, сложившейся в Нагорном Карабахе, создание Комитета особого управления НКАО, хоть и с некоторым запозданием, можно только приветствовать. В конце концов человеческие жизни дороже национальных амбиций. Но хочется знать: можно ли решить проблемы НКАО только экономическими методами. Учитывает ли это в своей работе Комитет особого управления?

— Разумеется! Взаимные обиды давни, глубоки и, как ни прискорбно, имеют основания. Прежнее руководство Азербайджана последовательно проводило политику искусственной изоляции армянского населения НКАО от Армении в области культуры и языка. В детском саду, например, где дети только армянской национальности, все до единого методические пособия получались на азербайджанском языке, в музыкальном училище, где девять из десяти учащихся — армяне, в программе предусмотрен цикл по изучению азербайджанского фольклора, а искусство армянского народа практически не представлено. Подобное перечисление нелепых перекосов, ущемляющих национальное достоинство людей, идущих вразрез с их естественными духовными потребностями, можно продолжать.

Поэтому к народному движению нагорнокарабахцев за восстановление справедливости, к патриотическим чувствам армянского населения НКАО нельзя не относиться с пониманием. Оно уже доказало свое единство и популярность в массах. Беда только в том, что порой чистота помыслов некоторых его участников оказывается замутнена от нетерпения и обиды, излишние эмоции мешают сохранить мудрость и трезвость ума. Сводить счеты с целым народом в отместку за грехи его отдельных представителей — путь, ведущий в бездну межнациональной розни, к политическому бойкоту перестройки.

— Справедливо ли, по вашему мнению, арестованы члены комитетов «Крунк» и «Карабах»? Не находите ли вы, что определенным кругам в Азербайджане и Армении выгодно свалить вину за беспорядки на комитеты «Крунк» и «Карабах», опасаясь реальной перестройки и вытекающих отсюда кадровых перестановок? Какова истинная роль мафии в этих республиках?

— О членах комитета «Карабах» я судить не берусь. Думаю, что правоохранительные органы отвечают за свои действия. Что касается распущенного в свое время «Крунка», то ни один человек не арестован за членство в этом комитете. Многие его бывшие участники, напротив, продолжают занимать ответственные посты и даже выдвинуты трудовыми коллективами кандидатами в народные депутаты. Более того, нам известны случаи, когда кое-кто из членов «Крунка» был достоин административного наказания за нарушения в своей производственной деятельности, но во избежание слухов и кривотолков непосредственное их руководство предпочитает не выносить сор из избы.

Что касается А. Манучарова, директора Степанакертского комбината строительных материалов, то он арестован отнюдь не в связи с причастностью к «Крунку», а вместе с 12 своими подчиненными по обвинению во взяточничестве. Идет следствие, которое завершится судебным разбирательством. Суд и установит факт и степень виновности каждого обвиняемого.

О теневой экономике и коррупции в этом регионе достаточно определенно уже высказывался Аркадий Иванович Вольский на сессии Верховного Совета СССР и по Центральному телевидению. К этому я вряд ли могу что-то добавить.

Наше глубокое убеждение — решение проблем Нагорного Карабаха возможно только на путях преодоления социально-экономической отсталости области, на путях, намеченных перестройкой. Ведь здесь люди страдали и страдают от тех же причин, от тех же извращений сути социализма, что и весь советский народ. Только степень их извращений, масштаб недостатков были подчас выше.

Как и повсюду, трудовой человек страдал здесь от отсутствия надежной социальной защиты, бессилия перед махровым бюрократизмом, попрания своего человеческого достоинства. Это многоликое и мелочное унижение вытравляло в человеке качества борца за правду и справедливость. Здесь, как и везде, раздваивалась человеческая личность под влиянием лицемерного разрыва между словом и делом, тем, что говорилось с трибуны, и тем, что люди видели в жизни. Здесь, как и везде, человек бросал землю отцов, поставленный в безвыходные условия. Здесь, как и везде, народ устал слушать обещания скорого изобилия, глядя на пустые полки магазинов. Здесь, как и везде, получило распространение циничное отношение к честному труду, зато расцвели взяточничество, казнокрадство, спекуляция.

Сегодня, раскрепощенные перестройкой, люди требуют того, что нужно для нормальной жизни. Требуют уважения к себе — и не на словах, а на деле.

— Виктор Максимович, последние месяцы вся страна жила дискуссиями и полемикой вокруг выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР. Как вы лично оцениваете новые поправки к Конституции СССР, действующий ныне Закон о выборах?

— За поправки к Конституции я отдал свой голос, как депутат Верховного Совета СССР, но думаю, что это вариант не на века, политическая реформа скоро подскажет нам еще какие-то уточнения, изменения.

Закон о выборах проходит весьма активную апробацию, мне представляется, что не все удалось в нем предусмотреть. В частности, не совсем четко продумана процедура окружных собраний. Возникало немало ситуаций при голосовании, когда его результаты можно было толковать двояко.

— Давайте заглянем немного вперед... Каким вам видится политическое устройство общества после того, как приступит к своим обязанностям новый депутатский корпус, впервые избранный в условиях реальной конкуренции? Оправдает ли он надежды избирателей?

— Я оптимист по натуре... Считаю, что истинная демократия и начинается с права народа на реальный выбор. Но сознательный выбор неотделим от ответственности за него. Впервые за долгие годы Советы будут сформированы на основе народного волеизъявления. Нам не на кого будет больше пенять после принятия государственных решений, кроме самих себя. Это несомненный шаг вперед на пути к подлинно правовому государству. К гуманному, справедливому социализму. К духовному возрождению нашего Отечества.

ЕЩЕ РАЗ О ПОТРЕБИТЕЛЕ И ПРОИЗВОДИТЕЛЕ ●
СТАНЕТ ЛИ СОЛДАТ СТУДЕНТОМ? ●
КАК ВЫБРАТЬ ОДНОГО ИЗ ОДНОГО? ●
НУЖНЫ ЛИ НАМ БОГАТЫЕ ЛЮДИ? ●

■

На окружном предвыборном собрании Донецкого национально-территориального округа № 41 из шести кандидатов нужное количество голосов, то есть больше половины, набрал всего один — директор Донецкого коксохимического завода имени Кирова Иван Игнатьевич Збыковский. И фактически досрочно обеспечил себе победу на выборах.

А меня не оставляют недоумение и обида. По какому праву меня (да и не только меня) лишили права выбора 26 марта? Да и выборы ли это, когда из одного надо выбирать одного? 995 выборщиков фактически распорядились за нас, два миллиона избирателей округа, живущих в двух городах и семи районах. Я лично не участвовал в формировании круга выборщиков и сомневаюсь, чтобы многие из этих двух миллионов уполномочивали кого-то решать за себя столь важный вопрос, как выборы народных депутатов СССР.

В Закон о выборах просто необходимо, на мой взгляд, внести поправки о том, что выдвигать кандидатами в народные депутаты следует не менее двух кандидатур, набравших наибольшее (а не более половины, как сейчас) количество голосов.

Во всяком случае, на выборах должна быть обеспечена действительная выборность, альтернативность кандидатов и их программ, их состязательность.

Ничего не имея против Ивана Игнатьевича Збыковского — мне его платформа тоже нравится,— я бы все-таки голосовал за директора Мариупольской средней школы Михаила Питкина, его программа касалась гуманизации школы, действительной реализации потрепанного принципа «Все лучшее — детям». Но ему не хватило 44 голосов. Зато я теперь четко знаю, что по Донецкому национально-территориальному округу № 41 будем голосовать (иного не остается) за И. И. Збыковского, а по Донецко-Ленинскому территориальному округу № 431 — за Председателя Совмина Украины В. А. Масола (ибо иного тоже не дано).

В. Н. АЛЕКСЕЕВ,
журналист, член КПСС
Донецк

■

Органы массовой информации уделяют много внимания вопросу призыва студентов на военную службу в период их обучения. Приносимый этим ущерб всем уже, кажется, ясен, и не стоит об этом более распространяться.

В связи с тем, что принято решение о сокращении на 500 тысяч человек численности Вооруженных Сил, предлагаю, по-военному быстро и четко, уже летом этого года уволить из армии всех проходящих воинскую службу студентов, чтобы 1 сентября они могли приступить к продолжению учебы.

По-видимому, число досрочно уволенных будет значительно меньше 500 тысяч человек.

С аналогичным предложением я обращался в Госкомитет по народному образованию и получил ответ от 2.02.89 года: «Министерством обороны СССР и Госкомнаробразом СССР внесено предложение в директивные органы об установлении нового порядка призыва студентов на военную службу, которым предусматривается их непрерывное обучение в вузе».

Изложенное мною могло бы существенно усилить эффективность предпринимаемых в этом направлении действий.

А. М. ЖУРАВЕЛЬ
Ленинград

■

В статье «Разговор с сыном» Юрия Папорова (№ 9) поднят практически один вопрос: чем объяснить положение, при котором некоторые наши журналы начинаются с призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а в других лозунг отсутствует. Считаю, что вопрос надо ставить шире и глубже.

Текст «Коммунистического манифеста» гласит: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя». А далее следует призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Он был актуален для ленинской «Искры», газет периода революции и гражданской войны. Правда, и тогда доходило до абсурда. Помните, как в «Чевенгуре» Андрея Платонова писарь коммуны стал раздавать ордера на ужин, выписывая лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» от руки на каждом ордере.

Прошло много лет, но лозунг по традиции остался незыблемым. Большинство из нас настолько к нему привыкли, что забыли не только о его сути, но вообще не обращают на него внимания.

Однако за рубежом он воспринимается многими в прямом смысле. Вспомним слова Карла Сагана, опубликованные в № 11 вашего журнала за прошлый год: «...если даже сейчас на ваших монетах национальный символ украшает собой весь мир, то вы сможете понять, почему граждане других стран, даже те из них, кто настроен мирно или полон доверия, могут относиться скептически к вашим нынешним благим намерениям, как бы искренни и подлинны они ни были».

Возникает вопрос: как объяснить позитивную роль призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в качестве эпиграфа? Если это только дань традиции, почему редакции не вправе самостоятельно решать вопрос, печатать его или нет. Разве, например, для газеты «Известия» не лучше использовать другой, уважаемый и актуальный сейчас лозунг: «Вся власть Советам!»

М. Д. РАЦ
Москва

■

В газете «Известия» от 12 февраля опубликован проект Закона СССР о качестве продукции и защите прав потребителя. Совсем недавно я долго мучился с цветным телевизором. На его ремонт сразу после покупки было ухлопано немало времени, денег (собственных) на перевозку в мастерскую и, главное, нервов. Отсюда у меня, как и у других, впрочем, повышенная заинтересованность к проекту. В разделе «Защита прав потребителя» в статье 29 записано, что «покупатель, которому реализована продукция, не соответствующая условиям договора о качестве, вправе... потребовать... либо замены... либо соразмерного уменьшения покупной цены, либо безвозмездного устранения недостатков.., либо расторжения договора с возмещением покупателю убытков»! То есть отныне я имею право требовать. Ну, а продавец или производитель, как это у нас заведено, имеют право не реагировать на мои требования. Почему же не сформулировать закон так, чтобы было ясно: мое право не требовать, а получать все согласно процитированному ранее.

В той же статье 29 под пунктом 2 нам снова навязывают гарантийные ремонты вместо замены некачественной продукции. Снова все хлопоты сваливаются на многострадального покупателя, имевшего неосторожность купить бракованную вещь. Тут явно защищены не права потребителя, а права производителя. Снова хочется кричать: «Автора!»

Смотрю газету дальше. Министр юстиции СССР Б. В. Кравцов разъясняет читателям правомерность постановления Совета Министров от 29 декабря 1988 года «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов...». Из разъяснения я понял, что постановление готовили многие ведомства, но кооператоров среди них не было. Понял также, что ведомства, в отличие от кооператоров, против этого постановления никогда возражать не будут.

Опять кому-то хочется, чтобы ведомственные интересы всегда преобладали над всеми остальными, в том числе и над интересами отдельных людей, из которых состоит народ. Даже в условиях перестройки чиновники стремятся сохранить прежние методы организации экономики, которые уже привели и неизбежно будут приводить к искажению принципов социальной справедливости. Но еще сохраняется надежда, что народ в основной своей массе все это уже понял и вогнать его в безгласное состояние прежних лет больше уже не удастся.

В. Н. ТКАЧЕВ,
член КПСС с 1955 года,
горный инженер-геолог
Ташкент

■

На встрече с представителями рабочего класса в ЦК КПСС бригадир слесарей-сборщиков производственного объединения «Ленинградский Металлический завод» В.С.Чичеров выразил недовольство «незаслуженно большими доходами» кооператоров.

Особенно возмущаются люди пресловутым трехмиллионным заработком одного из них и требуют бороться с подобными явлениями.

Слесарь же Череповецкого металлургического комбината Ю. В. Архипов недоволен карточно-талонной системой снабжения продуктами, по которой рабочий получает полкило колбасы в месяц.

Ни для кого не секрет, что в стране существуют подпольные миллионеры, сделавшие состояния на воровстве, взятках и спекуляции дефицитом. Об этом сейчас много пишут.

И вот когда предприимчивый и инициативный человек сумел продать на Запад произведенный в СССР, никому пока не нужный продукт, приобрести нужные потребительские товары на валюту, продать их в стране по государственной (подчеркиваю) цене и заработать миллионы — вот это возмущает.

Нашлось бы тысяч двести подобных людей — да ведь в таком случае магазины у нас будут завалены потребительскими товарами. Пусть эти находчивые и энергичные и станут миллионерами (хоть миллиардерами), но мы-то сможем купить любой товар, в том числе, уж поверьте, и колбасу, да такую, что и кошки ее есть будут.

Так что же предпочесть?

В. В. ГУРЕВИЧ,
кандидат технических наук,
старший научный сотрудник НИИ,
живущий исключительно
на зарплату,
не желающий становиться
ни подпольным,
ни легальным миллионером,
но стремящийся к тому, чтобы дети
наши жили в процветающем
государстве

■

Узнав о трагедии в Элисте, считаю своим долгом предложить создать фонд для приобретения шприцев разового действия для детей, так как у нашего государства, возможно, нет валюты для их приобретения. А если наши деньги за рубеж не пойдут, то можно в этот фонд собрать золотые и серебряные вещи. Сам предлагаю в качестве первого взноса золотое обручальное кольцо (другого золота нет).

Думаю, так поступят многие родители. Остановить гибель народа можно только всем миром.

В. ШЕВЧЕНКО,
отец двух детей
Киев

■

Это письмо вызвано моим желанием восстановить истину.

П. Прибылов («Калининградская правда», 4 марта с. г., Моск. обл.) сообщает о причинах, по которым Ю. Ф. Карякин снял свою кандидатуру в народные депутаты СССР на окружном собрании 45-го избирательного округа: «...можно привести дословно слова Ю. Ф. Карякина, сказанные им по поводу самоотвода (все собрание я записал на диктофон): «Я прошу снять мою кандидатуру по причинам, исключительно моральным... Я оказался в неловком положении, опасаясь, что меня будут представлять люди (спасибо им, ко-

нечно), которые меня не знают». Дальше, вероятно, диктофон у П. Прибылова сломался.

Комментарий владельца диктофона: «Это прежде всего признание того, что Ю. Ф. Карякин ошибся, доверяя представлять свою кандидатуру не тем людям». И еще один его комментарий в адрес тех, кто утверждает, будто Ю. Ф. Карякин снял свою кандидатуру в знак протеста против нарушения на собрании демократических норм: «Ну нельзя же так беззастенчиво лгать».

П. Прибылов одним выстрелом убивает трех зайцев: во-первых, оказывается, у Ю. Ф. Карякина не было никаких претензий к порядку проведения выборов. Во-вторых, Ю. Ф. Карякин сам признал, что доверился «не тем людям». В-третьих, хорош же этот кандидат, который в последнюю минуту отрекся от тех, кто его выдвинул и представлял.

А на самом деле... После того как выборщики подавляющим большинством голосов и даже с энтузиазмом отвергали предложение вынести всех семерых кандидатов на голосование 26 марта («А мы, что, не народ?!»); после того как с таким же энтузиазмом была отвергнута процедура тайного голосования на самом собрании («Зачем мы будем голосовать тайно, нам нечего друг от друга скрывать!»); после того как и слепому было видно, что результаты выборов предрешены в пользу двух кандидатов: Ю. П. Семенова и А. П. Чубова, вдруг выступил молодой человек и кое-что рассказал. Оказалось, накануне окружного собрания он в числе других выборщиков был вызван в горком КПСС г. Калининграда Московской области, где их проинструктировали, что они должны голосовать за вышеупомянутых двух кандидатов. Этот молодой человек добавил, обращаясь к Ю. П. Семенову: «Раньше я хотел голосовать за вас, а теперь не буду, тем более что вы присутствовали на этом инструктаже и промолчали...». Наконец, собрание категорически отказалось предоставить слово космонавту К. П. Феоктистову, который намеревался высказать свое мнение о Ю. П. Семенове... Вот после всего этого я и выступил с самоотводом, действительно, «по причинам, исключительно моральным».

Я не выразил ни малейшего сомнения в тех людях, которые выдвинули и поддержали меня, а искренне поблагодарил их, но добавил, что при всем их добром отношении ко мне они знают меня лишь по публикациям последнего года, а я хотел бы, чтобы меня представил, кроме них, еще кто-нибудь из тех, кто знает меня давно (я назвал А. Адамовича и Б. Окуджаву). В этом мне было отказано. Ввиду упомянутых и подобных им причин я и снял свою кандидатуру, заявив, что «предпочитаю достойное поражение недостойной победе».

Я не знаю П. Прибылова, не знаю конструкции его диктофона: может быть, он, диктофон, подобно своему владельцу, слышит и сообщает только то, что этому владельцу угодно, или то, что ему приказали. Если это молодой человек, то о нем можно было бы сказать: «Далеко пойдет...» (впрочем, он уже и так далеко пошел: редактор этой газеты).

Ю. КАРЯКИН

■

Прочитала в «Литературной газете» письмо Б. Куркина «Так где же хранить атомные отходы?» и пришла в ужас (уверена, вы тоже). Я не специалист, я всего лишь бабушка-пенсионер, информацию получаю только из газет и журналов и не знаю, кому задать вопрос: что же мы делаем со своей многострадальной страной?

Я не хочу, чтобы мои живые внуки и еще не родившиеся правнуки ходили по отравленной земле, дышали отравленным воздухом, ели отравленную пищу, запивая ее отравленной водой. Я не хочу искать виновных, но я хочу докричаться до людей.

Всей душой вместе с Б. Куркиным и требую немедленной полной гласности данных ГКАЭ о международном сотрудничестве СССР с зарубежными странами в сфере ядерной энергетики. Радиоактивные отходы, которые мы принимаем, не безобидные огрызки от яблок — это смерть будущему.

Может, в моем письме сплошные эмоции, но, поверьте, они рождены тревогой за нашу жизнь, и без того нелегкую.

М. М. ДЖУЛАЙ
Рига

■

Прочитали в № 1 «Огонька» за этот год информацию редакции о трудностях, возникших у издательства «Правда» в связи с печатанием двух цветных вкладок. Теперь уже ясно, что в нынешнем году мы имеем в «Огоньке» одну лишь цветную вкладку. Поэтому есть предложение, если читатели журнала не против,— а это легко выяснить, опубликовав наше письмо,— может, не ставить вопрос о формах компенсации за недополученные в течение года вкладки, а поступить просто и по-человечески — перечислить все эти деньги на строительство Мемориала жертвам сталинизма. Это будет конкретная помощь великому делу. А если учесть, что читателей журнала 3 200 000 человек, то вклад будет весомым.

Мы призываем всех читателей журнала поддержать наше предложение, показать реальным поступком свое отношение к перестройке. А то все слова, слова...

А. П. АЛЕХНОВИЧ,
А. С. ЛЕЙКИН
Рогачев, Белоруссия

■

Чудаки те, которые ратуют за отмену паспортной системы в нашей стране.

Наивные! А как же мы жить-то будем?

Сегодня, например, мою внучку шести лет не записали к зубному врачу из-за отсутствия паспорта родителей.

Мой паспорт для такого случая недействителен.

В. Н. ЧИКИШЕВА,
бабушка внучки Марины
Горький

■

Поговорим о милосердии к жертвам сталинских репрессий, которое могло бы скрасить и продлить их жизнь. Например, о персональных пенсиях. Причем это было бы не так уж дорого для государства: ведь живых реабилитированных осталось совсем немного.

Пишу вам не о себе, хотя репрессии и у меня отняли 18 лет — с 1935 по 1953 год (два лагеря и ссылка).

А хочу я сказать о женщине, которой в июле 1989 года исполнится 90 лет (если она доживет). Носова Анна Дементьевна, 1899 года рождения. Муж ее, видный инженер Носов Константин Гаврилович, расстрелян в 1937 году, сама она за то, что была его женой, получила и отбыла на севере восемь лет, потом — ссылка и только в 1956 году, после реабилитации, вернулась домой и получила пенсию за расстрелянного мужа — 40 рублей. Затем ей прибавили 4 рубля, а с января 1988 года прибавили еще — 60 копеек. Когда она узнала о последней прибавке, нервы не выдержали, заплакала: что это, насмешка? Что за столь «щедрое» увеличение пенсии?

Помогите ей, пожалуйста, неужели она не заслуживает нормальной пенсии и должна влачить полунищенское существование?

О. А. КЛЕНОВА
Москва

■

Н. С. Хрущев мне не брат, не сват и не дальний родственник. На него сваливают многое. В том числе гонение на интеллигенцию, против чего трудно возразить. Но вот что касается обвинения в распространении кукурузы, да еще в Нечерноземье, то я категорически против.

Кукуруза спасла нас от окончательной разрухи в животноводстве и голода. Если бы не кукуруза, не было бы у нас и тех буренок, которые стоят теперь на колхозных и совхозных фермах. Я проработал в сельском хозяйстве более пятидесяти лет и не только делал уколы, но и сам привозил солому на фермы. Кроме нее, ничего у нас порой не было, спасал колхозную скотину, как мог. Так что знаю, что такое корма для животных. Если говорить о кормах начистоту, то их вдоволь или даже в умеренном количестве никогда в нашем Южном Зауралье не было ни до Хрущева, ни после. Идут годы, меняется время; со скрипом, но все же меняется и кормовая база. Пришло, наконец, и время кукурузы, которую у нас любовно называют королевой. Голодная скотина, изголодавшись на соломе, жадно бросалась на кукурузу; объедания, перекормы были, но это теперь позади. Растения выращивают по новой технологии, и не только на зеленую массу, но и на початки, правда, пока в одном хозяйстве. Но ведь завтра того же могут добиться и другие.

Я не раз слышал от колхозников: «Спасибо Хрущеву за кукурузу». Эти слова забывать нельзя.

П. БЫВАКИН,
ветврач, ветеран труда
Щучье Курганской области

■

Известно, что газета «Московские новости» вызывает большой интерес у советских граждан. Но почему же эту газету можно подписать и читать за рубежом, а у нас нельзя не только подписать, но на русском языке свободно купить в киосках «Союзпечати»? Ведь это советская газета, и издается она не только для зарубежных, но и для советских читателей.

А. АНАТОЛЬЕВ,
кандидат
физико-математических наук
Новосибирск

■

В нашей печати появились статьи, бросающие тень на всемирно известного коллекционера Г. Д. Костаки, собравшего в Москве замечательную коллекцию живописи русского авангарда начала XX века. Георгий Дионисович раньше многих собирателей, искусствоведов, музейных работников проникся любовью к живописи К. Малевича, В. Кандинского, Л. Поповой, И. Клюна, Н. Удальцовой, А. Древина, М. Шагала, О. Розановой и многих других живописцев одного из самых замечательных периодов в истории русского изобразительного искусства. Коллекция, которую он собрал,— это целый музей первоклассных произведений. Он не был советским подданным, хотя и жил в России. Г. Д. Костаки, грек по национальности, в одну из нелегких минут своей жизни решил покинуть пределы Советского Союза и переселился в Афины, где и живет сегодня. Перед отъездом вместе с сотрудниками Третьяковской галереи он произвел раздел своей коллекции. Около восьмидесяти процентов картин русского авангарда оставил Третьяковке, остальную часть увез с собой. Кроме того, передал в Музей имени Андрея Рублева прекрасное собрание икон. На тех выставках русской живописи начала нынешнего века, которые успели пройти в последнее время в залах советских музеев, значительная часть полотен — картины костакиевского собрания. Многие из них были не просто собраны, но и спасены коллекционером. Ведь надо помнить, что в те годы произведения русского авангарда никто не ценил, многие из них гибли даже в музейных хранилищах (списывались или просто сжигались по приказам чиновников, настоящих вредителей в области культуры).

Нам бы поклониться замечательному коллекционеру. Но вместо этого появляются двусмысленные пассажи такого рода: «Дальновидный Георгий Костаки, грек, проживший большую часть жизни в Москве и порядком «обрусевший», влюбленный в нашу страну и ее культуру, надумал собрать шедевры авангарда 20-х годов плюс их последователей послевоенных лет. Платил мало, будучи небогатым, но к семирублевой пенсии престарелых владельцев прибавка была все-таки весомой; наши молодые современники часто отдавали свои работы тоже за символическую цену, понимая, что это — останется. Так и случилось; жаль, что не мы теперь все это видим, однако отдадим должное собирателю. На тебе, боже, что мне негоже...» — пишет Владимир Война в статье «Трудные судьбы авангарда» («Новое время» № 39). Или: «А подарок Георгия Костаки — ценнейшая и самая известная в мире коллекция авангарда и новейших течений живописи — и вовсе не был принят. Теперь это собрание почти полностью вывезено за рубеж»,— утверждает Мария Пастухова в «Сказке о золотых рыбках» («Работница» № 10).— Оба журнала за прошлый год.

Цель моего письма не только восстановить правду, но и прервать эту дезинформацию.

Д. В. САРАБЬЯНОВ,
член-корреспондент АН СССР

■

Мы, подписчики журнала «Огонек», не получили № 7 вашего журнала, но получили № 8. Дом советской науки и культуры и корреспондент «Правды» в Софии тоже не получили № 7. Служба связи оправдывается тем, что номер не прислали из СССР. Так ли это?

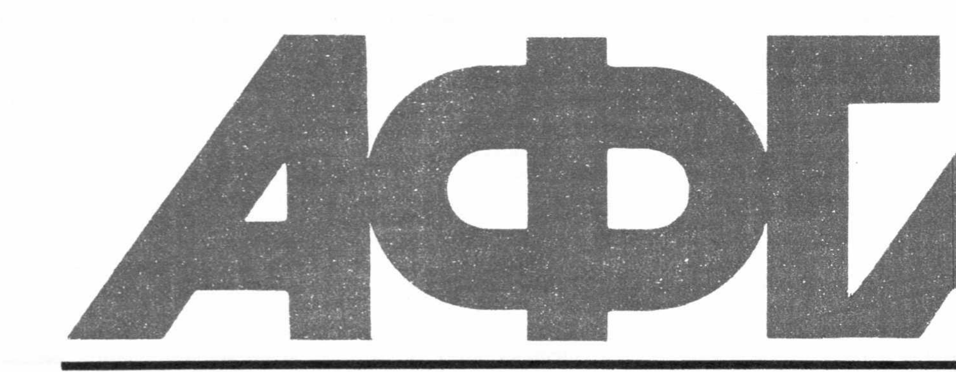
От имени всех ущемленных

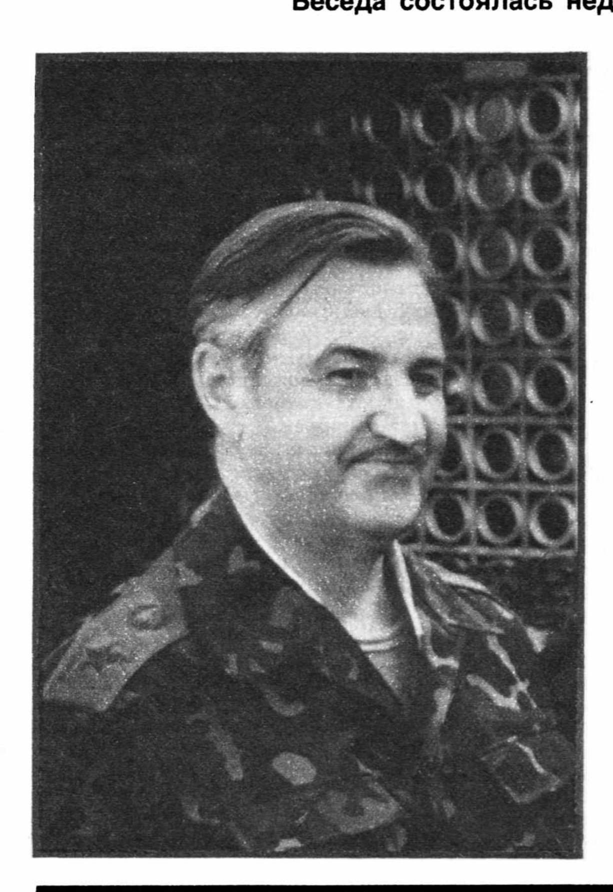
Иван ГИРКОВ
София

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

За последнее время наш журнал неоднократно обращался к трагической теме — войне в Афганистане. Люди, придерживающиеся самых разных точек зрения на эту проблему, получили возможность свободно высказаться на страницах «Огонька». Сегодня мы публикуем интервью с Главнокомандующим сухопутными войсками СССР, заместителем министра обороны СССР генералом армии Валентином Ивановичем ВАРЕННИКОВЫМ, который согласился ответить на вопросы корреспондента «Огонька» Артема БОРОВИКА. Беседа состоялась недавно в Кабуле.

Генерал Варенников в течение последних четырех лет возглавлял работу Оперативной группы Минобороны СССР в Республике Афганистан.

На протяжении всего этого времени журналистам было запрещено писать о его деятельности. Сегодня, когда мы впервые получили такую возможность, нам кажется необходимым познакомить читателей «Огонька» с В. И. Варенниковым, с его взглядами на проблему, потому что именно он практически руководил выводом советских войск из Афганистана. Именно Варенникову подчинялось командование нашей армии там.

Варенников родился в 1923 году в Краснодаре. В Советской Армии — с 1941 года. В 1942-м окончил курсы командиров взводов при Черкасском пехотном училище. На фронт попал в октябре того же года командиром взвода. С августа 1943-го — начальник артиллерии полка, с апреля 1945-го — заместитель командира полка по артиллерии. Находясь на Сталинградском, Юго-Западном, 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах, участвовал в Сталинградской битве, освобождении Донбасса, Правобережной Украины, Польши, в боях за Варшаву и взятии Берлина.

Трижды ранен.

После учебы в академии Генштаба, с июля 1967 года — командир корпуса, с августа 1969-го — командующий армией, с июля 1971-го — первый заместитель главкома Группы советских войск в Германии. С июля 1973-го — командующий войсками Прикарпатского военного округа. С августа 1979-го — в Генеральном штабе. В январе 1989 года В. И. Варенников назначен Главнокомандующим сухопутными войсками страны, заместителем министра обороны.

— Валентин Иванович, долгое время вы работали в Генеральном штабе, являясь одновременно первым заместителем начальника ГШ и начальником одного из Главных управлений, которое по праву зовется мозговым центром Генштаба. Никто за всю историю Советских Вооруженных Сил не командовал важнейшим подразделением ГШ так долго, как это довелось вам. Недавно вы были назначены заместителем министра обороны — Главнокомандующим сухопутными войсками страны. Люди, понимающие толк в военном деле, дают самые высокие оценки вашей работе в Генштабе.

Известно, что накануне ввода наших войск в Афганистан Генеральный штаб выступал против принятия этого решения. Известно и то, что предостережения Генштаба не были услышаны ни нашим тогдашним политическим руководством, ни бывшим министром обороны Д. Ф. Устиновым...

— Действительно, Генштаб выступал против идеи ввода наших войск в Афганистан до тех пор, пока это не приняло форму решения. В том числе Николай Васильевич Огарков [1], Сергей Федорович Ахромеев [2] и некоторые другие товарищи негативно относились к такому шагу.

При этом хочу сразу пояснить свою точку зрения: вопрос о вводе наших войск в Афганистан в 1979 году нельзя рассматривать только с позиций 1989 года, когда перестройка в нашей стране, набирая темп, породила и новые внешнеполитические подходы, и новое политическое мышление, когда крупномасштабные мирные инициативы нашего государства, выдвинутые товарищем Горбачевым, кардинально изменили международные отношения, включая, конечно же, отношения между СССР и США. Десять лет назад, как мы помним, обстановка в мире была совершенно иной: во внешней политике, дипломатии обеих сверхдержав доминировали позиции недоверия, подозрительности. К концу 70-х годов конфронтация приобрела опасный характер и активно влияла на процесс принятия политических решений как в Вашингтоне, так и в Москве. Об этом сегодня нельзя забывать.

Но и в условиях принятого тогда решения о вводе советских частей в Афганистан главная цель нашего военного присутствия там была определена однозначно: стабилизация обстановки. Поэтому Генштаб предложил такой альтернативный вариант: советским частям встать гарнизонами и в боевые действия не ввязываться. Согласно изначальному плану, они должны были помогать местному населению защищаться от банд, оказывать ему помощь продовольствием и всеми предметами первой необходимости. Нами предлагалось также не форсировать количественное увеличение советского военного присутствия в Афганистане. Однако по целому ряду причин наши войска стали все больше и больше втягиваться в боевые действия. В итоге был взят курс на усиление и увеличение советского воинского контингента. Сейчас ясно, что линия, которую предлагал тогда Генеральный штаб, была в принципе верной. И нам надо было отстаивать ее до конца, хотя это и таило в себе тяжелые последствия для защитников такой линии.

— Почему же все-таки министр обороны, не имевший, кстати говоря, специальной военной подготовки, не прислушался к советам руководителей Генштаба?

— Думаю, нельзя сегодня все ставить в вину одному Дмитрию Федоровичу. Он просто оказался в 1976 году не на своем месте.

— Какой ход событий можно предположить в случае, если бы наша армия девять лет назад встала гарнизонами?

— Сейчас гадать нецелесообразно, однако с определенной долей уверенности можно сказать, что удалось бы избежать многих людских потерь, понесенных всеми завязанными в конфликте сторонами. На мой взгляд, советские гарнизоны — с учетом приобретенного за последние годы опыта — наладили бы надежные контакты с местным кишлачным и городским населением. Между прочим, мы (вопреки многим обстоятельствам) все-таки добились именно такого положения в целом ряде районов Афганистана, несмотря на бушевавшую в стране войну. Мне самому неоднократно приходилось вылетать в такие районы, встречаться и вести переговоры с командирами отрядов вооруженной оппозиции и их подчиненными.

— Им же ничего не стоило в упор расстрелять советского генерала...

— Однако такого не произошло, и это служит лишним доказательством в пользу «гарнизонного варианта», предлагавшегося Генеральным штабом. И все-таки нам многое удалось сделать именно в этом направлении. Наши воинские части в ряде мест пустили хорошие «корни». Препятствовали возникновению конфликтов между представителями госвласти и оппозицией. Прочные мирные контакты могли бы повсеместно стать нашим «оружием», а не боевые действия.

К сожалению, в свое время мы поддались напору со стороны Бабрака Кармаля и позволили себя втянуть в затянувшуюся войну.

— Вам приходилось встречаться с этим человеком?

— Да, неоднократно. Он всегда внимательно выслушивал предложения, которые ему высказывались. Много записывал и часто в конце бесед говорил: «Вот вы смотрите и, должно быть, думаете — пишет, пишет этот Кармаль, а ведь все равно делать ничего не будет...». На самом деле именно так и было. Кармаль не заслуживал доверия ни со стороны своих соратников, ни со стороны народа, ни со стороны наших советников. Был он демагогом высшего класса и искуснейшим фракционером. Мастерски умел прикрываться революционной фразой. Этот «талант» помог ему создать вокруг себя ореол лидера. Каждый раз после очередного просчета он всех убеждал: «Товарищи, вот теперь мне все ясно! Ошибок больше не будет!» Ему всякий раз верили и ждали. А он тем временем расшатывал партию, с народом не работал, да и не умел работать или не считал нужным это делать. Фактически он не боролся за народ — это однозначно. В государственном и партийном аппаратах создал такую бюрократическую систему, которая дает знать о себе и по сей день. Именно здесь вязли и продолжают увязать многие хорошие решения партии и правительства. К сожалению, многие излишне надеялись на Кармаля, шли у него на поводу. Хотя уже в 1981—1982 годах было видно, что им допускаются тяжелые просчеты — особенно в экономической политике (проведение земельной и водной реформ), извращения в социальной области, в первую очередь в отношении к религии. В ту пору на словах признавались, но на деле не учитывались традиции и глубокие пережитки родоплеменных устоев, господство мусульманской религии. Выдвигались лозунги, призывающие к радикальным социалистическим преобразованиям, хотя никаких условий для этого не было. Впрочем, следует учитывать, что подобные шаги предпринимались не по «злой воле», а просто из-за некомпетентности и инертности.

Такое «забегание вперед» в итоге кончилось тем, что все эти действия и инициативы, исходившие из Кабула, оттолкнули народ от революции, а ислам, вместо того чтобы стать подспорьем партии в ее борьбе за массы, был отдан в руки оппозиции, которая умело им воспользовалась. Неудивительно, что многие муллы оказались в лагере вооруженной оппозиции. Зачастую получалось так, что именно религиозные деятели возглавляли и до сих пор возглавляют вооруженные отряды непримиримых. А в таких районах, как, скажем, Кандагар, это стало правилом (я имею в виду таких мулл, как Накиб, Насим, Маланг, Фацанай и другие).

Кармаль тем временем продолжал активно подрубать сук, на котором сидел. Он шаг за шагом компрометировал НДПА. Некоторые наши советники, в чьи обязанности входило помогать руководящему ядру НДПА, в том числе вовремя обнаружить, разгадать опасный крен, не заняли принципиальной позиции с учетом реальных условий и обстановки. Многим нашим товарищам катастрофически не хватало востоковедческих знаний. Догматизм периода застоя не мог не отразиться на их мышлении и деятельности.

Сейчас афганское руководство во главе с Наджибуллой стремится всеми силами поправить допущенные ошибки. Многие негативные процессы удалось

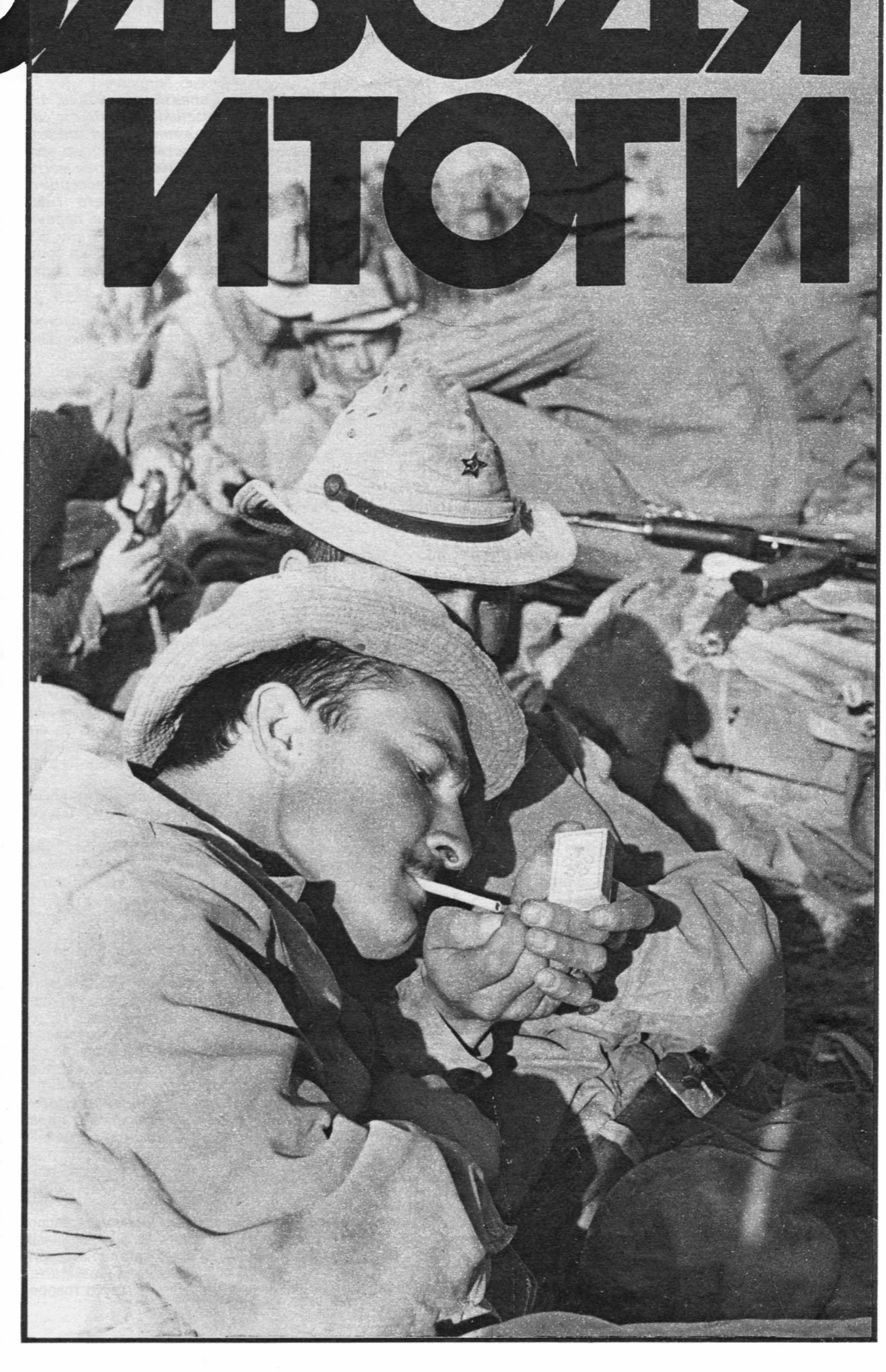
[1] Огарков Н. В.— Маршал Советского Союза, в то время — начальник ГШ ВС СССР.

[2] Ахромеев С. Ф.— Маршал Советского Союза, в то время — первый заместитель начальника ГШ ВС СССР.

АНИСТАН:

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Фото
Артема
БОРОВИКА

приостановить. Хотя и по сей день хватает саботажников и вредителей, параллельно работающих и на госвласть, и на оппозицию. Очень важно, чтобы партия в сложившихся условиях, на нынешнем крутом повороте истории — я имею в виду вывод советских войск из Афганистана — сохранила единство и сплоченность. Любой трещинкой может воспользоваться оппозиция.

— Какова численность Вооруженных Сил Афганистана сегодня?

— Общая численность — около 300 тысяч вооруженных и обученных бойцов. Командование имеет за своими плечами опыт в организации и ведении боевых действий. Мы дали афганцам много современной техники и оружия — танки, боевые машины пехоты, бронетранспортеры, различную артиллерию, боевую и транспортную авиацию. Снабдили их всеми видами запасов, в том числе боеприпасами. Оппозиция, конечно, ничего подобного не имеет и не сможет иметь.

— Но сумеют ли наши друзья эффективно воспользоваться всем тем, что мы им передали? Ведь, помимо всего прочего, одна из серьезных проблем состоит в том, что наши советники — от различных ведомств,— делая в целом нужное и полезное дело, зачастую просто-напросто подменяли афганцев на их постах. Летом 1986 года я познакомился с главным редактором одной из центральных афганских газет. К моменту нашей встречи он руководил ею в течение уже длительного времени. Однако весьма абстрактно представлял себе механику выпуска газеты. Почему? Да потому, что наши советники делали это за него. К сожалению, таких примеров можно приводить десятки. Не складывалась ли ситуация аналогичным образом и в военной области?

— После апрельских событий 1978 года в партийный, государственный и, конечно же, армейский аппараты пришло много людей из самых разных слоев афганского общества. Некоторые, как выяснилось позже, оказались неподготовленными к занятым постам, своему новому положению. Не получив элементарных знаний и не понимая выдвинутых НДПА лозунгов, они весьма равнодушно относились к выполнению своих обязанностей, рассматривая занимаемую должность лишь с позиций материального обеспечения. Иному советнику поэтому зачастую было легче самому что-то сделать, чем добиваться выполнения поставленной задачи от афганского коллеги. Есть и другая причина такой пассивности. Афганистан — это «Тихий Дон», где родные братья порой оказывались по разные стороны баррикад. Родственные хитросплетения, а некоторые из них носили и носят поистине парадоксальный, невероятный характер, неизбежно накладывали отпечаток на работу партийного и государственного аппаратов, на деятельность вооруженных сил.

...Тем временем пожар гражданской войны продолжал захватывать все новые и новые районы Афганистана. В сложившихся условиях необходимо было найти именно политическое, а не военное ре-

шение афганской проблемы. С 1985-го и особенно в 1986 году нам постоянно на это указывала Москва. И мы обсуждали эту проблему. Но объективные обстоятельства, к сожалению, заставляли нас возвращаться к решению вопросов военными мерами.

— Известно, что вы были одним из сторонников решения вопроса вокруг Афганистана именно политическими методами.

— Сторонников-то хватало и среди советских, и среди афганских товарищей. Не хватало другого — сил отстоять такую линию. Она, правда, требовала бóльшего терпения, напора и умения. Военный способ — это примитивный способ решения вопросов в подобных ситуациях. Помню многие разговоры в Кабуле о необходимости отдавать предпочтение политическим, а не военным способам решения конфликта. Подробно разбирались самые разные варианты решения назревших вопросов. Но, к сожалению, далеко не все удалось на этом пути.

— Наша переориентация в пользу примирения, а не войны произошла после весны 1985 года. В это время, если мне не изменяет память, вы прибыли в Афганистан уже на постоянной основе...

— Да, это так, если не считать нескольких выездов из Афганистана на Родину для решения отдельных служебных вопросов. На мой взгляд, небезынтересно отметить такую закономерность. За период моего пребывания в Афганистане произошла многократная смена руководителей представительств различных наших ведомств в Кабуле. Но каждый вновь назначенный начинал свою деятельность приблизительно с одного и того же предложения: «Давайте вместе с афганцами хорошо подготовим и проведем масштабные боевые действия против банд, и люди наконец спокойно заживут!» Но все дело в том, что подавляющее большинство — это не банды, а местное мужское население, которое с оружием в руках отстаивает свои родоплеменные интересы.

Сейчас можно назвать много районов, жители которых хотя и не поддерживают центральное правительство, но при этом не пускают на свою территорию и отряды оппозиции. Они привыкли жить самостоятельно и никому не подчиняться. Естественно, они выступают против тех, кто идет на них с оружием и насаждает силой свою власть. Мы же, поддерживая руководство Афганистана, в первые годы войны полагали, что для распространения народной власти надо «сажать» в тот или иной уезд **оргядро** этой власти. Но добровольно жители такую власть к себе в кишлак не пускали. Поэтому использовались войска, оружие: там, где было сопротивление, применялась сила. Для охраны **оргядра** «народной» власти размещали в уезде воинскую часть, и отдельные товарищи спешили отрапортовать, что «еще один район освобожден от душманов». Абсурд? Конечно! Но потребовалось значительное время, чтобы убедить афганских друзей: такие действия приносят только вред и на руку врагам революции.

— Изменилась ли наша военная тактика в Афганистане с момента объявления там политики национального примирения?

— Изменилась, правда, не сразу. Но даже и после ее принципиального изменения приходилось удерживать афганских товарищей от проведения все новых и новых боевых действий. Народ-то — восточный, горячий. Мы всеми силами пытались помочь руководству страны сближать госвласть и оппозицию на местах. В ряде районов у нас это получилось, например, в Герате. И не только там. Вообще запад и юго-запад страны — это теперь относительно спокойные провинции, хотя в прошлом там было очень тяжело.

— Почему же на западе и юго-западе получилось, а в восточных районах — нет?

— В частности, из-за непримиримой линии пешаварской «семерки». Но были и другие причины. На западе страны, например, повезло с губернаторами. В Герате губернаторствует Халикьяр. Это прекрасно образованный, мудрый, умный, широко видящий человек. В партии он не состоит. Сам — из местного племени. Ему удалось приблизить к себе многие вооруженные отряды, переманить их на сторону госвласти. И как ни ухищрялся, например, Туран Исмаил — лидер местной оппозиции — ему так и не удалось спровоцировать боевые действия. То же самое могу сказать и о провинции Гельменд. Тамошний губернатор Шахназар — бывший лидер оппозиционной вооруженной группировки, перешедший на сторону госвласти. У меня с ним сложились не только деловые, но и приятельские отношения. Конечно, человек этот не без пороков. Но, главное, он ведет верную линию на прекращение огня в провинции. Поэтому дело с ним иметь можно и нужно. Сейчас многое в Афганистане упирается в дефицит людей, которые руководствовались бы не личными амбициями и обидами, а идеями мира и могли бы объединять вокруг себя противоборствующие стороны.

Провозглашая политику национального примирения, афганские товарищи видели перед собой такую цель — создание коалиционного правительства на широкой основе, которое могло бы погасить пожар войны. Конечно, мы всячески такой курс поддерживаем: альтернативы ему нет. Кое-кто, правда, настоятельно требует согласиться на коалиционное правительство без участия НДПА. Но даже постановка такого вопроса звучит неправомочно — это внутренний афганский вопрос, и кому-то вмешиваться в данную область просто неэтично. Если же предположить, что ситуация будет развиваться по обозначенной схеме, следует изначально отдавать себе отчет: это не выход из положения, потому что в подобном случае гражданская война не прекратится — просто воюющие стороны поменяются местами. Мало того, страна будет ввергнута в хаос.

Нравится или не нравится кому-то НДПА — другой вопрос. Но НДПА — реальная действительность. Это партия, которая более 10 лет стоит у власти, управляет государством, имеет все необходимые структуры, в том числе вооруженные силы, обеспечивает внешнеполитическую деятельность.

— Почему же все-таки произошло так, что мы доверились Кармалю и позволили втянуть себя в длительную войну?

— Причин много. Но главная, очевидно, кроется в том, что у НДПА и ее центра не было другого выбора. А наши товарищи, работавшие тогда в Кабуле, оказывали этому всяческую поддержку.

— Не кажется ли вам, Валентин Иванович, что наши работники, в чьи обязанности входило информировать Москву о положении дел в той или иной стране, включая Афганистан, зачастую слали в Москву лишь ту информацию, которая могла в столице понравиться? Чтобы не рассердить начальство и не вызвать на себя его гнев. Я имею в виду не только 1979-й, но и первую половину 80-х годов.

— Не берусь оценивать уровень подготовки соответствующих работников того времени — это должны сделать компетентные лица,— но что касается подачи «приятной» для Москвы информации, то это, несомненно, имело место и не только, допустим, у дипломатов. К сожалению, такова общая болезнь времен застоя — докладывать в центр только то, что могло понравиться, но не то, что происходило на самом деле. «Приписками» тогда болела у нас не одна лишь экономика. Сейчас ситуация резко изменилась. Работать стало легче, свободней и, конечно, спокойней — знаешь, что именно реальная информация имеется в центральных органах, а не полуправда.

Прежняя практика наносила гигантский вред стране: руководство порой получало информацию, которая расходилась с реальным положением дел. В результате в Москве могли приниматься не лучшие решения. Много проблем возникало также из-за нашего догматизма, инертности, неповоротливости. По этой причине не были, например, приняты предложения о создании в рамках единого Афганистана некоторых автономий — опасались, что развалится Афганистан. Хотя автономии значительно бы ослабили напряженность в отношениях между центральной властью и рядом провинциальных лидеров.

Очевидно также, что, если бы мы пораньше согласились на открытый диалог с лидерами вооруженной оппозиции — как внутри Афганистана, так и за его пределами,— он мог бы дать более ощутимые результаты. Хотя и к нынешнему дню сделано в этой области немало.

В целом за последнее время у нас кардинально изменились и формы, и методы работы. Все максимально приближено к реальности, правдивости.

— Некоторые обозреватели полагают, что в Женеве при подписании известных документов, касающихся урегулирования афганской проблемы, нам нужно было более смело выдвигать и отстаивать свои условия. Ведь получилось так, что соглашения выполнены односторонне.

— Как известно, переговоры в Женеве по этому вопросу длились несколько лет. И все безуспешно. Принципиально задача состояла в том, чтобы как-то «раскачать» противников мирного разрешения афганской проблемы и любыми путями втянуть их в процесс подписания документов. Наши товарищи, которые вели переговоры в Женеве, совершенно резонно опасались, что выдвижение слишком жестких условий могло опять вогнать все в тупик.

— Но, может быть, нам все же следовало добиваться соблюдения всеми участвующими в переговорах сторонами «принципа зеркальности»?

— Мы думали об этом. Тем более что осуществлять этот принцип, если бы его поддержали другие стороны, было бы со всех позиций очень просто. Исторически сложилось так, что на территории Афганистана — к моменту начала вывода наших войск — функционировало 183 советских военных городка и объекта. Оппозиция располагала на территории Пакистана 181 военным объектом (базы, штабы, центры подготовки и т.д.). То есть, грубо говоря,

Продолжение на стр. 30.

ФОТОВЕРНИСАЖ

ДИАЛОГ С РА

Яков Шубин пришел в профессиональную фотографию довольно поздно. До того, как стать фотографом Запорожского отделения Союза художников УССР, он работал заведующим литературной частью областного театра кукол. Написал более тридцати песен для спектаклей.

Глядя на снимки Шубина, переход его от поэзии к фотографии воспринимаешь как вполне закономерный и естественный. Его слайды — своеобразные стихи, написанные фотокамерой.

Сегодня много говорят о сближении фотографии с другими искусствами. Творчество Шубина, его мастерство — наглядное свидетельство тому. Его слайды и поэтичны, и музыкальны, и живописны, и, конечно, фотографичны, в том смысле, что автор активно использует арсенал средств и приемов, которые есть на вооружении только у фотографии.

Необычно цветовое мышление запорожского фотомастера. Именно цветовое. Он прекрасно разбирается в том, какие сюжеты требуют цветных одежд, какие могут быть «рассказаны» только черно-белыми словами. Это понимание — дар редкий и замечательный. Хотя бы по той простой причине, что почти за сто лет существования цветной фотографии до сих пор не утихают споры относительно правомерности использования цвета в тех или иных фотографических ситуациях. Немногие фотографы обладают «реакцией на цвет», позволяющей мгновенно сделать выбор в сторону цвета или монохромного кадра. Неспроста, отправляясь на съемку, Шубин вооружается двумя фотокамерами. Они заряжены и цветной, и черно-белой пленками в расчете на то или иное видение окружающей жизни.

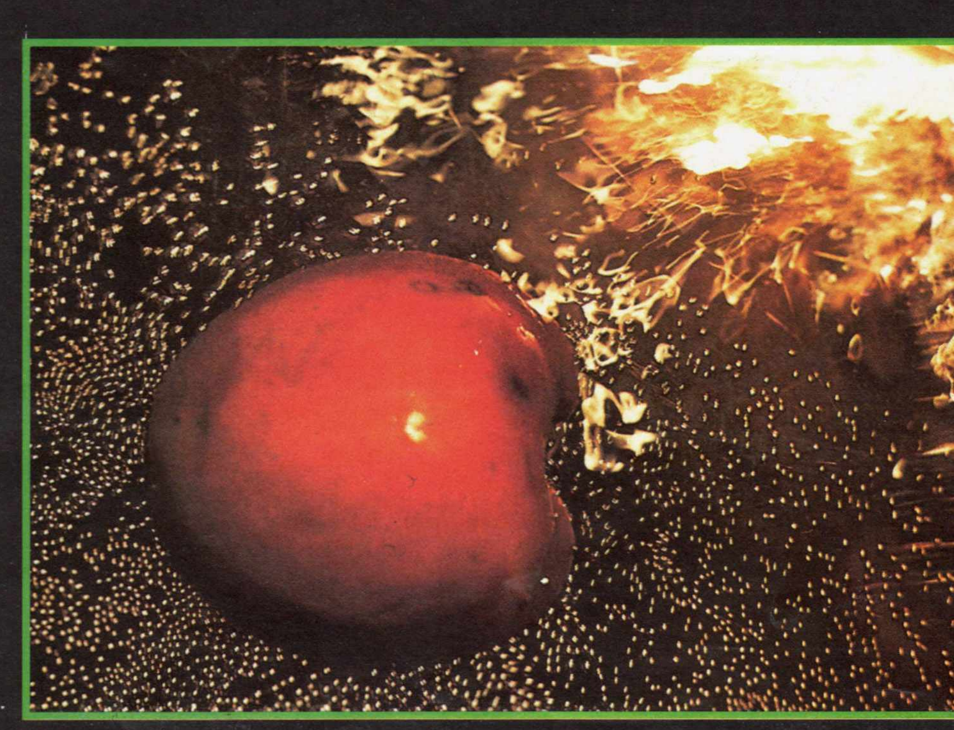
Но выбрать «цветной сюжет» еще не все. Нужно и в этой плоскости провести второй, уже колористический отбор — оттенки, нюансы, переливы, жесткие или мягкие тона. Шубин, кстати, предпочитает последние, импрессионистические, настроенческие.

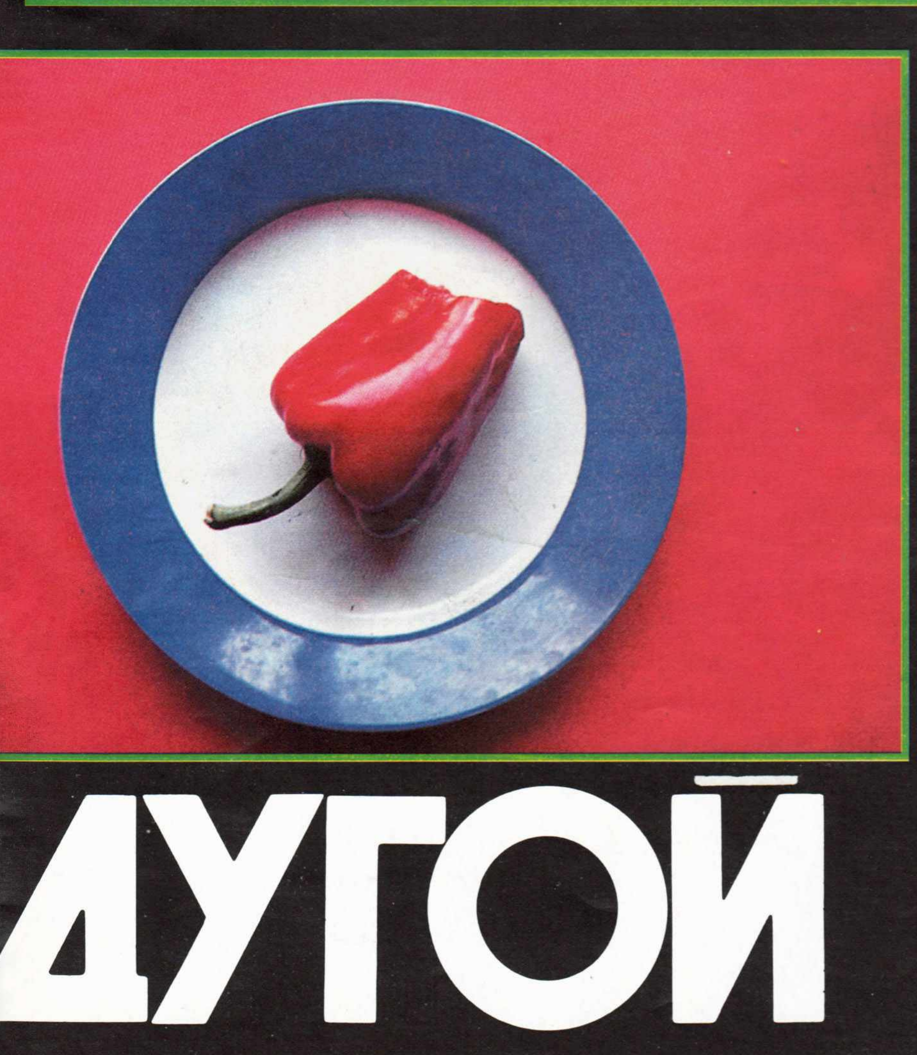
Строго говоря, его фотографии нельзя назвать сюжетными, фабульными. В них нужно не вчитываться, но всматриваться.

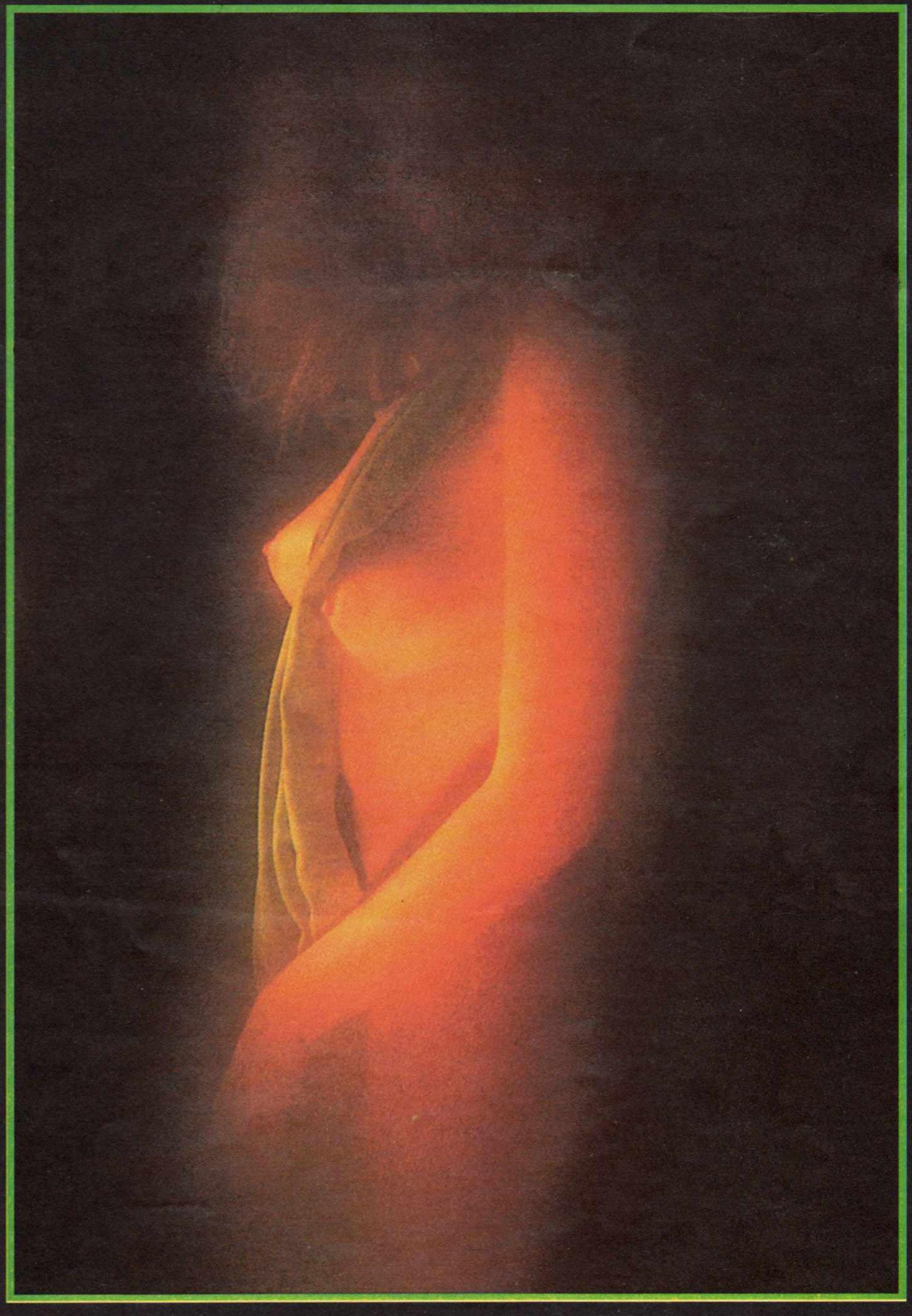
Михаил ЛЕОНТЬЕВ

В XIX ВЕКЕ ЧЕЛОВЕК
НАУЧИЛСЯ ОСТАНАВЛИВАТЬ СВЕТ: РОДИЛАСЬ ФОТОГРАФИЯ.
НА ПОРОГЕ НЫНЕШНЕГО СТОЛЕТИЯ ФОТОСВЕТ ОЖИЛ: ЯВИЛОСЬ КИНО.
В XX СТОЛЕТИИ СВЕТ ОБЕРНУЛСЯ ЦВЕТОМ, И ВОЗНИКЛО ЕЩЕ ОДНО
НЕРУКОТВОРНОЕ ИСКУССТВО — ЦВЕТНАЯ ФОТОГРАФИЯ.
ДИАЛОГ ЧЕЛОВЕКА И СЕМИЦВЕТНОЙ РАДУГИ СОЛНЕЧНОГО ЛУЧА.
ДИАЛОГ МАСТЕРА И МИРА.

ДУГОЙ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Моника ЗИЛЕ,
Александр НАГРАЛЬЯН (фото)

ПО ДАННЫМ РЕСПУБЛИКАНСКОГО АГРОПРОМА В ЛАТВИИ СЕЙЧАС ПУСТУЮТ 3596 ХУТОРОВ. ИЗ НИХ 3185 ПОСЛЕ РЕМОНТА ЕЩЕ МОГУТ СТАТЬ ПРИГОДНЫМИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИЛЬЯ. ОСТАЛЬНЫЕ — ОДНО НАЗВАНИЕ; ИСЧЕЗНУТ ПОД НОЖОМ БУЛЬДОЗЕРА ИЛИ ПРОСТО УМРУТ ОТ ОДИНОЧЕСТВА, КАК ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СЛУЧИЛОСЬ С ТЫСЯЧАМИ ПОДОБНЫХ. А ВЕДЬ НЕКОГДА ТАМ ЖИЛИ ЦЕЛЫЕ ПОКОЛЕНИЯ...

Прошлым летом вся семья Чаче поехала в ягодные места по Дундагской дороге. Морошка там уродилась сочная и крупная — одна к одной! Набрали быстро и пошагали назад к машине. И тут дочка Санита стала ластиться к Сильвии:

— Ну, мам, давай перейдем тот подлесок, посмотрим, как там Васниеки...

— А что ты там увидишь? Даже остов печки завалился. Только бурьян, наверное, стал лютее да ольховой нечисти прибавилось.

— Тогда я одна схожу, а?

— В другой раз. Сегодня времени нет.

Так и уехали, не проведав то, что сорок лет назад было цветущей крестьянской усадьбой,— хутор Васниеки. Нет сейчас ни дома, ни полей. Сохранилось среди лесных зарослей только несколько могучих лип, которые давали тень дому. Все пошло прахом после 1949 года, когда в марте тысячи латышских крестьян сослали в Сибирь. Сильвии Чаче тогда было одиннадцать лет. Жила она на хуторе вместе с матерью, старой бабушкой и двумя сестрами. Всех вместе и сослали. Это был уже второй заход. Если вспомнить первый — летом 1941-го, то в итоге Пузеский сельсовет Вентспилсского района потерял свыше двухсот человек.

В конце пятидесятых некоторые приехали назад в родные края. Мария, мать Сильвии, со своей семьей тоже. Вернуться-то вернулись, но где голову приклонить? Будь Мария понастырнее, можно было заявить права на Васниеки. Но за годы ссылки хутор несколько раз поменял хозяев, дом пришел в упадок. Горько было это все видеть. Чем слезами исходить, сердце горькой болью изводить, лучше в ту сторону вообще не смотреть...

Нашли пристанище на хуторе Тирели. Сначала просто снимали там угол, потом купили весь дом с пристройками. И вот уже три десятка лет дом Сильвии Чаче тут. Живет она теперь здесь в большой семье — вместе с мужем Вилнисом, сыновьями Гунтаром и Айнаром, дочерью Санитой, с матерью и отчимом Карлисом, которого ее дети зовут дедушкой.

Детям и невдомек, как сложно было в 1959 году стать хозяевами хутора: прошел печально знаменитый пленум ЦК КП Латвии, именуемый в народе «охотой на ведьм». Рубилось под корень все, что носило национальный характер. Партийными билетами поплатились видные хозяйственники, только заикнувшиеся о путях экономической самостоятельности. Боже упаси было в эту пору даже слово «хутор» произнести!.. Только за это могли заклеймить ярым националистом. Хутор объявили буржуазным пережитком. Он должен был истребляться любыми методами. Всем крестьянам Латвии полагалось жить и работать в куче, кто думает иначе — тот враг социализма. Правда, в Сибирь уже без суда и следствия не ссылали, но приобретение хутора все равно было делом рисковым. Поэтому вряд ли Тирели тоже получили бы новых хозяев, не окажись хутор на земле леспромхоза. Таких пока не торопили по-быстрому собираться в поселок. Хотя в последующие годы для каждого района и сельсовета Латвии был определен план — сколько хуторов за такой-то период следует смести с лица земли. Напуганные и растерянные люди снимались с обжитых мест, но зачастую к новому берегу не приставали. Кто вообще стал скитальцем, перекати-полем. Кто в городе зацепился.

Теперь умные головы еще гадают: что принесло больше вреда латвийской деревне — сама поспешная, непродуманная коллективизация или уничтожение хуторов? Как бы те весы ни колебались, одно можно сказать точно: были нарушены основы крестьянского уклада, и это нам всем и поныне откликается пустыми полками гастрономов.

Однажды в ночном поезде на эту тему мы разговорились с мужиком из-под Тамбова. И он сказал мне искренне:

— Странный вы народ — все стонете, все плачете по своим хуторам. Я бы вот — хоть ты меня озолоти! — не стал бы жить сычом один посреди леса или в поле. В деревне-то веселее.

Он прав, конечно. На его родине именно такие крестьянские традиции. Поклонимся им и пожелаем процветания.

Хутора Латвии тоже рождены историей.

До 1914 года половина всех земель в Латвии принадлежала немецким баронам, и только неполные 40 процентов были распределены под крестьянские усадьбы. Первая мировая война, не разбирая дорог, уничтожающим плугом пропахала поля и луга. Да не только по ним огненным дыханием прошлась — разбросала дома и семьи; в деревне из каждых 100 жителей осталось только 45 мужчин.

Но сквозь столетия немецкого ига, через пламенные революционные годы крестьянин Латвии нес в себе уверенность — придет время, когда свершится справедливость и все поля баронов будут переданы в собственность истинных землепашцев. И тогда уж пахари покажут, на что они способны!..

Эти настроения чутко уловило правительство буржуазной республики, 1920 год в Латвии ознаменовался аграрной реформой, которую некоторые ученые называют второй в Европе после революции в России. 3 миллиона гектаров помещичьих земель за весьма умеренную плату были разделены между теми гражданами, которые на то изъявили желание. Инвалиды войны свои наделы получили бесплатно. Для вновь создаваемых хозяйств нарезали по 10—20 гектаров. С таким расчетом, чтобы справлялась одна семья.

Статистика не хранит эмоции, только цифры. Но один тот факт, что земельная реформа в небольшой Латвии родила 54,1 тысячи новых хозяйств, дает основу для вывода — крестьянин откликнулся на свой час, так горячо желанный его предками. Хотя почти все новые землевладельцы начинали с нуля — ведь многие получили свои наделы в болотах, в кустарнике, в израненных войной или просто запущенных местах. Вот и корчевали пни, рыли канавы лопатами, ставили жилые дома и хлев для скотины.

Та же статистика говорит: в середине 20-х годов Латвия была страной крестьянина средней руки — 70 процентов всей земли распределялось между хуторами, чьи угодья составляли от двух до тридцати гектаров. Сотней и больше гектаров владели лишь 1,3 процента хозяев. Они использовали наемный труд — примерно 10 процентов крестьян из всех занятых в сельском хозяйстве.

Не станем сильно идеализировать те времена. Расцвет деревни основан был на каторжном труде. Многие, слабые здоровьем, его не выдерживали, люди попадали к земле в кабалу. Но латышский крестьянин своими руками, имея только конягу и весьма примитивную технику, за два десятилетия возделал прекрасные поля, кормился с них сам и еще продавал на сторону. Показателями употребления продуктов питания Латвия конца 30-х годов вошла в авангард самых развитых стран мира: на одного условного жителя в среднем в год получалось 88 килограммов мяса, 566 килограммов молока и его продуктов, 296 килограммов хлеба и круп, 26 килограммов сахара, 2 килограмма меда, 112 яиц...

Опять же, не будем излишне идеализировать те времена. Ибо любой «средний» потребитель весьма условен. Вышеупомянутый тоже. Знаю, что многие, кто в те времена жил в деревне, такого изобилия на столе даже по большим праздникам не видели. Себе оставляли самую малость. Чтобы на вырученные от продажи молока и мяса деньги купить самой простой одежды, справить новую сбрую или телегу, подновить крышу, вместо покосившейся срубить новую клеть. И из всех обид для этих людей самая горькая та, что за свое усердие они были «награждены» в 1940-м и 1949-м перемещением за Урал как кулаки-кровопийцы.

Такова вкратце часть истории латышского хутора, возможно, хоть немного объясняющая, почему многие в Латвии не могут забыть отдельно стоящую усадьбу. Да, не все ее хозяева процветали, но многие там почувствовали крестьянскую самостоятельность.

Но почему тогда ни идея семейных ферм, ни арендный подряд в республике пока не встретили бьющего через край восторга? Есть люди, которые берутся, но и те с настороженностью, оглядкой. Думается, не только потому, что много неясностей в самих новых имущественных отношениях. И не из-за того, что совсем перевелись ухватистые мужики. Нельзя забыть то, что еще живы люди, которых вот из таких ныне горячо рекомендуемых семейных ферм грузили в вагоны для скота и отправляли в Сибирь... Председатель од-

ного колхоза рассказывал, как на его предложение взять для себя гектаров 30 земли ответили в справной крестьянской семье:

— Спасибочки... Нашего деда именно с такой площади в свое время согнали, буржуем нарекли. Какая нам гарантия?..

Вот такой опыт.

А теперь вновь вернемся в Тирели. Очень многие хутора имеют свои собственные имена, родившиеся в древности, труднопереводимые. «Тирели» — это означает пологое болотистое место. Так оно и есть. Грунтовые воды тут поднимаются высоко. Особенно осенью и весной. Из-за этого картошку в подвале под домом хранить нельзя, заливает. Пришлось строить отдельный погреб.

Вообще-то хутору и его хозяевам взаимно повезло. От Тирели рукой подать до центральной усадьбы колхоза «Блазма». Есть электричество и телефон, дорога действует в любую погоду. Это делает хутор привлекательным для всех поколений семьи Чаче. Конечно, тишина, чистый воздух — все это прекрасно, только никто сегодня не согласится жить без связи с внешним миром. Многие из хуторов пустуют именно потому, что связи нет — нить крестьянских поколений порвана, дороги исковерканы в вечную бездонную хлябь. Кто польстится на такое? Да и не под каждой крышей живет такая дружная крепкая семья, как Чаче. Четверо мужчин? Правда, дедушка Карлис стал ногами слаб — годы берут свое. Но с небольшой своей пасекой он вполне справляется и лишь совсем недавно перестал ходить на охоту.

Зато Вилнис, муж Сильвии, в самой силе. Да вот скажите еще, что судьбы не бывает: приехал Вилнис совсем еще пацаном в гости к крестному и увидел Сильвию... Она сначала только посмеивалась, мол, мальчишка, на четыре года моложе. Но смелостью и упорством не только города берут — когда Вилнис пошел служить в армию, Сильвия уже знала, что станет его ждать.

Потом? Как у всех: пошли дети, заботы. Как у всех... Нет все же, семье Чаче повезло не только с хутором и друг с другом, но еще и с колхозом. К сожалению, мало в Латвии таких хозяйств, где, не дожидаясь специальных постановлений, намного их опережая и даже предупреждая, думали сначала не о скотине и тракторе, а перво-наперво о человеке, об условиях крестьянской жизни.

Эта стратегия председателя «Блазмы» Гунара Порниека мне кажется достойной не только похвалы, но и пристального изучения: как сумел колхоз, разбросанный среди лесов и болот, стать среди лучших в республике, постоянно омолаживаясь не притоком извне, а от потомков своих же крестьян. Коротко об этом можно сказать так: тут слепо не слушались приказов сверху, а во всем сверяли свой путь с извечной мудростью землепашца. Не сгибались перед инструкциями, велящими чуть не плетью искоренять все национальной деревне присущее. Не так уж долго пришлось ждать, когда время рассудило, кто прав: есть в «Блазме» нынче хороший благоустроенный поселок, состоящий преимущественно из семейных коттеджей; но и живущие на хуторах не могут жаловаться — если нужно, им тоже помощь от колхоза, как полагается.

Поэтому каждое утро уходит из Тирели на работу целая бригада. Сильвия идет развозить почту, Вилнис и старший сын Гунтарс — шоферить, сын Айнарс — в лесничество, Санита — воспитывать малышню в колхозном детском саду.

Жизнь без проблем? О, отнюдь...

— Сегодня на хуторе можно хорошо жить только в большой семье,— считает Сильвия.— По дому, на огороде работы очень много. Если хочешь держать все в порядке и лишнюю копейку иметь, крутиться надо. Только следует меру знать, не все, что с места поднимешь, на собственном горбу далеко унесешь...

Проще пареной репы вроде бы такая истина. Но не потому ли, что от нее отмахиваются, терпели крушение благие намерения многих, с воодушевлением начинавших жизнь на хуторе? Помню телепередачу года два назад. Молодая пара перед камерой взахлеб радовалась прелестям сельской жизни вдали от заводских труб.

— А как дышится здесь легко!..— восхищалась женщина, и оператор подольше задерживался на ее восторженных глазах.

Признаюсь, меня тогда размах молодых супругов насторожил: они намети-

бочий класс поголовно. Какова там себестоимость мяса и помидоров?.. Ходят слухи — на вес золота. Кто поумнее, втихую отделались от резерва продовольственной программы — ведь редко пирожник вот так с ходу научится тачать хорошие сапоги.

Действуют теперь уже курсы будущих фермеров, обучают арендаторов. Все это прекрасно, и есть надежда, что послужит для возрождения нашей потравленной деревни. Но учат тут только экономике. Но этого, не в упрек сказано, недостаточно, ведь ритму жизни на хуторе нельзя по книгам научиться. Его постигают опытом и передают от поколения к поколению. Возможно, даже генетически.

Надо считаться с одной реальностью — сегодняшний хутор Латвии вознаграждает только такого, который живет на нем натуральным хозяйством. Можно, конечно, по телевизору посмотреть на будни австрийского или шведского фермера в рубрике «Внимание — опыт», только наш аршин к той выкройке пока не подходит. Не только потому, что у нас нет четкого разделения труда между городом и деревней, и для последней зачастую не найдешь простейших услуг сервиса. У нас на хуторе стоит примитивная проблема самого пропитания. Конечно, сельмаг с голода умереть не даст, но вымотает не только нервы, но и ноги — молочное привозят в обед, а хлеб неведомо когда! Сельмаг и в кошельке подметет: как колбаса чуть получше, так выкладывай десятку за килограмм.

ли большую перспективу на приусадебном участке, собирались откармливать нескольких бычков, разводить кроликов и птицу. Конечно, есть среди деревенских такие, которые осиливают захват похлестче. Только это истинно каторжный труд, без выходных дней и даже свободных минут. Тут и при чистом воздухе небо с овчинку покажется.

Приехав через год на тот хутор, не нашла я молодых. Кто говорил добродушно: заскучали в деревне, кто злее: дескать, кишка тонка оказалась. Но мне думается, эта пара просто попала на крючок иногда весьма примитивной пропаганды вошедшего ныне опять в моду образа деревенской жизни и вроде бы лопатой загребаемых денег из-под коровы и на грядке. Мельком при этом упоминается, мол, работа тяжелая. Но удивишь ли этим, скажем, городского грузчика или ткачиху, ежедневно бегающую по своей все расширяющейся зоне обслуживания станков? Их ли насторожишь просто трудностями. К тому же у нас повелось считать, что работа крестьянская очень простая, не то, что на заводе или в конторе; на земле трудиться и за скотиной смотреть можно научиться в два счета. И по сей день сыплются на крестьянина советы сверху, с разных уровней — как запрягать, как погонять. Без оглядки на опыт прошлого, без расчетов на будущее. Лично я все жду не дождусь, когда же экономисты подсчитают, что дали стране некогда создаваемые с ликованием при промышленных предприятиях подсобные хозяйства, с которых предполагалось накормить чуть не весь ра-

У Чаче две дойные коровы, парочка молодняка на откорм, не переводятся поросята и куры. Слышно, как на кухне тихо жужжит центрифуга — там Сильвия прокручивает молоко. С одного бока бежит в ведро ручеек обрата, с другого тонкой желтоватой струйкой тянутся в крынку сливки. Немного подержанные в тепле кухни, они потом созревают сметаной, которую можно ножом резать. Стоит такую в глиняной миске пару минут повзбивать деревянной ложкой, как отделяется пахта и желтыми крупинками засверкает масло.

— У нас все свое,— подтверждает Сильвия, по ходу бросая взгляд в окно на неказистую коптильню, над которой вьется еле заметный дымок. Перед Новым годом закололи боровка. Часть мяса перекрутили на колбасу. Что пожирнее, окунули в рассол. Мать Сильвии в этом деле мастерица — она точно определяет, когда сало созрело и его можно подвешивать для копчения.

Кое-что Чаче продают. В основном молоко летом. Особой бухгалтерии не ведут, но получается, что каждая корова в Тирели за год отдает около 5000 килограммов молока. Но Сильвия говорит, что их буренки по этой части так себе. Только коровы тут не виноваты. Если бы задались целью получить молочные реки, пасли бы в лесу, хлебом бы подкормили... Если бы поставили себе задачу, то могли бы в просторном хлеву поставить еще нескольких бычков. Но Чаче себе таких планов не намечают. Не потому, что считать не умеют. В этой семье как раз очень хорошо рассчитывают уровень домашнего труда, чтобы он не стал кабалой и света белого не заслонил. Ведь у молодых, кроме работы, и свои молодые дела...

Самая страда и в колхозе, и на хуторе летом. Но все-таки Чаче выкраивают время между сенокосом и уборкой хлебов на недельку съездить на экскурсию. Для себя сено они заготавливают, можно сказать, марш-броском. Благо покос определен ежегодно в одном и том же месте — на берегу речки

Стенде. Весной она хорошо разливается, подкармливая плодородным илом травы. Поэтому не переводится тут райграс, клевер, лядвенец и другие растения, дающие отличный букет, если вовремя соберешь. Но даже в дождливое лето Чаче без кормов никогда не оставались. Получается у них это ладно и быстро, ведь все мужчины умеют техникой управлять, не надо дожидаться, пока по разнарядке из правления приедет косилка.

Далеко не на всех хуторах Латвии такая мужская сила, как в Тирели. И отнюдь не все колхозы помогают своим хуторянам так душевно, как «Блазма». А малогабаритная техника для деревни все еще пока в основном в малых партиях экспериментальных выпусков, в чертежах, а то и в задумках. Как в таких условиях нормальной крестьянской жизнью свои дни на хуторе может скоротать, скажем, пожилая чета? Или женщина с детьми?..

Небольшая справка для размышления: в деревнях Латвии сейчас 214 тысяч индивидуальных хозяйств. В них содержат 135 тысяч коров. Как расценивать такую цифру? Мне лично она кажется вполне нормальной, хотя «сверху» иногда спускается мнение: мало! Но, как правило, коров не имеют специалисты всех звеньев в крепких хозяйствах, где на полях и фермах четко отлаженный ритм, как на заводе. Привязанный к корове агроном или зоотехник не справится со служебными обязанностями. Какой же выигрыш от лишней пары рогов? И еще те 135 тысяч отражают по-своему то отношение, которое у нас очень долго было к приусадебному участку и личному скоту.

В те годы, когда свои сельскохозяйственные реформы претворял Н. С. Хрущев, моя мать жила в деревне. Поэтому она и ее соратницы, услышав имя тогдашнего главы правительства, горько и протяжно вздыхают... Эти женщины хорошо знают, как было содержать коровку в пятидесятых годах да и позже — ведь покоса не давали вообще, это было запрещено.

Несмотря на это, из всего произведенного в Латвии в прошлом году молока 26 процентов дали «индивидуалы», 53 — картошки, ягод и фруктов — почти 80 процентов. Остается только произнести хвалу тем, кто остался верен крестьянским традициям.

Весна в Тирели заявляет о себе сначала только ветром — как-то по-особому начинают шуметь верхушки кленов и лип. Особенно ночью. То тревожно-тяжело, то с легкой порывистостью. Этот ветер приносит теплую влагу с моря, и она будит верхушки берез, сразу окутывая зеленоватой дымкой.

Сильвия просыпается оттого, что слышны шаги за окном, видно, опять косуля забрела. Еще Сильвия слышит, как ходит по своей половине мать. Наверное, кости ломит на смену погоды. Или Тирели действительно, как старые люди говорят, стоят на перекрестке подземных рек, а те по ночам излучают особую силу — то целебную, то вредную для человека и растений. И есть только одно средство, как ту силу усмирить: в доме должен расти цветок, в обиходе так и называемый «Благословитель жилища».

Правда ли это, кто его знает. Хотя хутор, он все еще на перекрестке. Это точно.

Недавно я спросила у Альфреда Судика, председателя колхоза «Росме» из Салдусского района: верит ли он, что на пустующие хутора из города могут вернуться дети тех крестьян, которых некогда унесло ветром непродуманных реформ.

— Да,— ответил мудрый председатель,— и я верю в успех, потому что эти молодые люди не пришиблены унижениями, которые пришлось в свое время с лихвой испить их родителям.

Вот что кажется существенным.

«ГОЛУБАЯ КРОВЬ»: «ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ»

Нам предстоит спор, и ради полной ясности давайте сразу условимся о тоне разговора. События, вызвавшие этот спор, таковы, что нам не всегда удастся сохранять необходимую выдержку и спокойствие. И все же по мере возможности тон должен быть ровный. Еще раз повторяю: нам нужна ясность.

Начну с письма, которое пришло в редакцию из Прокуратуры СССР в ответ на опубликованную в 36-м номере «Огонька» статью «Цена «голубой крови». Письмо адресовано члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС В. М. Чебрикову. В редакцию пришла лишь копия. Авторы письма — следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре Н. А. Антипов, В. А. Камышанский, А. Ю. Яковлев — обвиняют «Огонек» и «Литгазету» (17.8.88) в том, что журналисты «выполняли заказ определенных лиц, чьи неблаговидные поступки являются предметом предварительного расследования, с целью оказать этими публикациями давление на следственных работников».

Аналогичные письма пришли в редакцию из Серпуховского ГК КПСС, а также из Академии наук СССР, где все принципиальные положения статьи так или иначе оспариваются. Лейтмотив этих посланий тот же: авторы обвиняют «Огонек» в тенденциозном истолковании фактов и требуют «объективного» освещения всей истории.

Напомню читателям суть дела.

В статье «Цена «голубой крови» речь шла о судьбе научной разработки Пущинского Института биофизики АН СССР — новом реанимационном препарате «Перфторан», получившем с легкой руки его создателя, профессора Белоярцева, название «голубой» или «искусственной крови». Лечение острой массивной кровопотери, жировая эмболия склеротизованных капилляров, инсульты, отеки головного мозга, ишемия почек и сердца — вот лишь краткий перечень показаний в применении этого препарата, выявленный и подтвердившийся во время клинических испытаний «голубой крови» в ведущих лечебных учреждениях страны. Однако ведомственные интриги конкурентов из Института гематологии Минздрава СССР, создавших неудачный вариант препарата искусственной крови «Перфукол», а также откровенный бойкот программы «Искусственная кровь» со стороны вице-президента АН СССР академика Ю. А. Овчинникова, переросший в кампанию травли, развязанной против директора Института биофизики Г. Р. Иваницкого, где Белоярцеву и его коллегам досталась роль заложников, приносимых в жертву личным амбициям вице-президента, привели к тому трагическому финалу, который уже известен читателям «Огонька»: на разработчиков препарата завели уголовное дело, обвиняя их в проведении «опытов на людях», работу фактически погубили, создав в коллективе института невыносимую обстановку всеобщей подозрительности, клеветы и страха. Профессора Белоярцева убила вся эта атмосфера. 18 декабря 1985 года он повесился у себя на даче, вскоре после отъезда сотрудников следственных органов, не выдержав пяти унизительных допросов и обысков, проведенных у него дома, в лаборатории и на даче в течение суток.

И вот передо мной ответ следователей. Цитирую:

«...проверка, проведенная КГБ СССР и Прокуратурой СССР по просьбе бывшего директора ИБФ АН СССР Иваницкого, в действиях работников правоохранительных органов нарушений закона не выявила, так же как и данных о доведении кем-либо Белоярцева до самоубийства.

В ходе расследований по фактам злоупотреблений Белоярцева многие

сотрудники его лаборатории давали показания о грубых нарушениях существующих правил во время проведения клинических испытаний препарата «Перфторан». Эти нарушения были установлены и квалифицированной комиссией Минздрава СССР, АН СССР и Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны СССР в 1985 году».

Обвинения, содержащиеся в этом многостраничном письме Прокуратуры, можно было бы оспорить и без публикации в журнале, ограничившись ответом авторам по почте, не появись незадолго до этого послания в газете «Советская Россия» (16.10.88) статья корреспондента В. Долматова, где со ссылками на данные следствия приводится полный перечень «фактов», свидетельствующих о виновности Белоярцева и его коллег, а также об опасности для жизни больных препарата «голубой крови».

Сличаю оба текста — совпадение статьи Долматова с текстом письма следователей почти буквальное — даже даты и те совпадают. Что ж, в «Огонек» брошены сразу две перчатки, но обе они с одной и той же руки — поэтому и ответ будет на всех один.

Мне вспоминается март 87-го года, когда в газете «Советская Россия» почти дуплетом появились статьи В. Долматова «Заменитель чести» и репортаж с партийного собрания в Пущинском Институте биофизики «Конец заговору безразличных», посвященные истории с «голубой кровью». Страшные это были материалы. До сих пор, вспоминая первое впечатление от фактов, приведенных в статье «Заменитель чести», как и два года назад, покрываюсь холодным потом. «Неужели все, что написано здесь, правда?» — этот вопрос в те дни задавал себе, думаю, не один я. Но и не верить автору было сложно. По всему было видно: корреспондент глубоко разобрался в проблеме. Он познакомился с уголовным делом Феликса Белоярцева, сделал выписки из обвинительного заключения, оперировал показаниями свидетелей, подкреплял свои доводы россыпью цифр. Отдавая должное талантам профессора Белоярцева, утверждал: профессор нечистоплотен, все результаты его работы — фикция, «искусственная кровь» — фикция. И не кровь это вовсе — а яд...

Доказательства? Они собраны были, и веские — как говорится, на любой вкус: обезьяна, умирающая через полтора часа после вливания «искусственной крови», больные, от такого же лечения сразу же попадающие в реанимацию, опыты на людях, проведенные без разрешения Фармкомитета... Жутковатое досье... Но и это еще не все. Читая в статье о том, как лучшие врачи страны в ведущих клиниках занимались враньем и приписками, как Белоярцев «строил себе дачу, расплачиваясь казенным спиртом», или «выписывал премии подчиненным и тут же требовал поделиться», содрогаешься — тяжкие обвинения. К тому времени, когда в печати появилась эта статья, препарат «Перфторан» был уже два года как снят с производства, прекращены его клинические испытания. И вот прошел еще год. В новой статье этого же корреспондента в «Советской России» в дополнение к уже перечисленным преступлениям медиков и ученых приводятся еще два криминальных факта. Сообщается, что во время испытаний препарата в Афганистане умерло около трети раненых, которым вливали «Перфторан». Разбираясь в причинах этих смертей, следствие установило, что препарат, отправленный в Афганистан, был упакован не в обычную стеклянную тару, а в небьющиеся полимерные пакеты из фторопласта. Экспертиза упаковки, проведенная Прокуратурой, установила, что из полимерного пакета в раствор эмульсии выделяется вещество «диоктилфталат», отнесенное к группе токсичных.

Согласитесь: серьезные обвинения. Непостижимо, правда? В голове не укладывается. И тем не менее я проверил все факты, изложенные со ссылкой на материалы следствия в статьях В. Долматова. Если нужно еще и мое подтверждение, могу засвидетельствовать: большинство перечисленных событий имело место — обезьяна и впрямь умерла, больные и впрямь были в реанимации, а некоторые умерли, премии сотрудников, а возможно, и спирт действительно использовались Белоярцевым, неточности в клинических отчетах имелись, ужасный яд выделялся из фторопластовых пакетов в раствор перфторановой эмульсии, эксперименты над больными людьми действительно ставились в клиниках. Как же все это могло случиться?!

Спокойно! Умерим наши эмоции. Восклицательные знаки прибережем для других случаев. А сейчас давайте оставим на время спирт и деньги — к ним мы еще вернемся. Разберемся в существе дела.

Более 600 больных получали «Перфторан» в разных клиниках страны. И было официальное разрешение Фармкомитета на эти испытания. Что же, всех их потом приходилось отправлять в реанимацию?

Да, приходилось. Почему? Потому что по всем статьям им полагалось быть там с самого начала. И они там были с самого начала без всякого «Перфторана». Потому что все эти больные — реанимационные: с тяжелейшими травмами черепа, отеками мозга, жировой эмболией сосудов, открытыми скальпированными ранами, с пересадками почек, с операциями на сердце. «Искусственная кровь» вводилась этим больным не из-за научного любопытства, а по жизненным показаниям, когда не помогали никакие другие препараты, когда, грубо говоря, было уже нечего терять. Так что же, собственно, случилось? А ничего не случилось. Рад сообщить вам, читатель, что сегодня все, почти все эти когда-то безнадежно больные люди живы, здоровы. Многие смогли вернуться к полноценной нормальной жизни. Но почему же тогда «почти»? Потому что реанимация есть реанимация. Потому что люди в ней порой умирают. Потому что бывают болезни и травмы, несовместимые с жизнью, и тут ничего не попишешь — горько, обидно, больно, но каждый день врачам реанимаций приходится иметь дело со смертью. Но зачем испытания нового препарата велись на этих смертельно больных пациентах?

Дело в том, что клинические испытания в нашей стране всегда ведутся на больных людях. Хорошо это или плохо, но таковы действующие правила Фармкомитета. На Западе, например, используются здоровые добровольцы, которым платят деньги. Почему Фармкомитет считает возможным применение новых препаратов именно к больным, добавлю — к тяжелым больным? Новый реанимационный препарат используется тогда, когда все старые, известные не помогают. Но больной еще жив, и, значит, есть шанс его спасти, применив новое средство, еще не серийное, штучное. Навредить такому больному уже невозможно, зато есть возможность ему помочь. Так что, строго говоря, это не совсем обычные испытания — все эксперименты уже позади, на животных отработана методика применения, определены показания, выявлено действие препарата. В реанимации не ставят экспериментов — там спасают больного. Отличие от обычного лечения лишь одно: в момент введения нового препарата и все время, пока больной находится на столе, с него снимаются более подробные, чем обычно, данные о работе всего организма. Эти данные и идут потом в клинический отчет. И даже если такой больной умирает, для Фармкомитета это не означает отрицательного результата. Скажем, препарат частично снял отек мозга, но больной все равно умер от травмы. Виноват ли препарат в этой смерти? Панацей на свете, как известно, не бывает — «виновата» смертельная травма. Ведь уже по самой методике испытаний, которые велись в реанимации, вероятность летальных исходов была крайне высока. Невероятными для хирургов были как раз не смерти, а исцеления в заведомо безнадежных случаях. Ведь именно в реанимационных палатках Афганистана обнаружились чудесные, поистине волшебные свойства препарата. Было замечено, что у больных с отеками мозга (страшная, неизлечимая болезнь при черепно-мозговых травмах, а это половина всех несчастных случаев) наблюдается прояснение сознания, резкое улучшение самочувствия. Это была победа над болезнью почти неизлечимой. Нейрохирурги не могли прийти в себя — вся статистика летальных исходов рушилась на глазах от этих чудоспасений. А бывали действительно чудеса. Так, в Днепропетровском медицинском институте вливание «Перфторана» позволило спасти женщину после того, как больная 12 минут была в состоянии клинической смерти. Клетки ее мозга должны были атрофироваться за такой срок. Возвращение к жизни грозило пожизненной инвалидностью. Но этого не случилось. «Голубая кровь» дала кислород клеткам, отек был снят. И сегодня эта женщина вернулась к нормальной жизни, работает, а по профессии она, между прочим, математик.

Эти данные впоследствии подтвердились в лабораторных опытах на животных. А препарат получил новое лечебное показание. Противошоковое, противоишемическое действие препарата доказано не «опытами на людях», не числом спасенных — никакая статистика тут не является доказательством,— а строгими научными исследованиями в Институте биофизики.

Как же после всего этого можно заявлять в печати, что обесценены годы работы над «голубой кровью» потому, дескать, что каждый третий, раненый в Афганистане, которому она вводилась, умер? Безнравственно, безответственно говорить такие вещи. Сначала надо доказать, что больной умер от вливания препарата. Однако данные всех патологоанатомических экспертиз это опровергают. Везде в графе «причина смерти» стоит: «травма, несовместимая с жизнью». И, значит, мы можем со всей ответственностью сделать вывод: во время испытаний в Афганистане 2/3 безнадежных пациентов из тех, которым вводили «Перфторан», были спасены! Впрочем, и сам автор статьи в «Советской России», и следователи оговариваются: «Мы далеки от мысли непосредственно связывать трагические исходы с действием препарата». Хорошо, тогда зачем вообще в газете приводить цифры умерших, вводя в заблуждение абсолютно некомпетентную аудиторию?

Еще и еще раз я перечитываю доклады клиницистов на ученом совете в Пущине, просматриваю материалы токсикологической и патологоанатомической экспертизы. Убеждаюсь: не было, нет ни одного случая смерти больных от «Перфторана». Разве что обезьяна, о которой в газете упоминает В. Долматов. Обезьяна и впрямь умерла. Это правда. Почему? Потому что должна была умереть. Потому что на ней в лаборатории Белоярцева проверяли летальную, смертельную дозу препарата. «Перфторан» не кровь. Живую, собственную кровь полностью вообще ничем нельзя заменить. Лишь только часть её. Обезьяне, которая умерла, почти всю кровь заменили искусственной. Она жила при замещении двух третей крови, но умерла, когда дозу «Перфторана» довели до 80 процентов. Это был огромный успех. Значит, искусственная кровь может использоваться при самых страшных летальных кровопотерях. Это факты — их не удосужился узнать Владимир Долматов, когда дважды упоминал в своих статьях об этой несчастной мартышке. Впрочем, передергиванием фактов грешит не один Долматов. Следователи из Прокуратуры СССР также преуспели в этом не «джентльменском» занятии. Так, в своем письме В. М. Чебрикову авторы ссылаются на материал следственной токсикологической экспертизы, утверждая, что в массу препарата из пластиковой упаковки в больших количествах попадает вещество «диоктилфталат», отнесенное к группе токсичных. Этот факт следствие увязывает со смертью двух десятков раненых в Афганистане.

Страшно? Читатель напуган до смерти? Но вот странность — следователи «забывают» процитировать документ собственной экспертизы дальше. А в этом документе, между прочим, сказано, что различная упаковка на токсичность препарата не влияет, что препарат в стеклянной и пластиковой таре не токсичен, гибели животных не вызывает. О больших количествах диоктилфталата в материалах экспертизы вообще ничего не сказано. Там лишь названы концентрации в сотых долях грамма на литр и доказано, что это безопасно.

Но оставлю на совести следствия эту забывчивость, скажу о другом. Дело в том, что даже если бы наш препарат оказался слаботоксичным, тут еще не было бы никакого криминала. Почему? Потому что в реанимациях всего мира, в том числе и в нашей стране, порой приходится применять препараты с довольно сильным побочным действием на организм. Среди них есть слаботоксичные, канцерогенные, тератогенные и иммуногенные препараты. Главное их свойство, которое берется в расчет Фармкомитетом,— реанимационная эффективность. Когда человек лежит на столе в состоянии клинической смерти, об отдаленных последствиях лечения думать не приходится — это, так сказать, необходимые «издержки», «плата» за спасение жизни в данный момент. Но «Перфторан»-то вообще не токсичен. Как же после всего этого можно писать, что «голубая кровь» себя не оправдала? Риск? Безусловно, есть, как и во всяком новом деле. Но ведь и после вливания донорской крови этот риск остается, бывают порой тяжелейшие осложнения. Ведь до сих пор не достигнуты ни абсолютная стерильность, ни безопасность донорской крови. Напротив, известно, что такие вливания нередко вызывают перенос вирусных инфекций, бессчетные аллергические реакции. А сейчас в связи с открытием вируса СПИДа вся кровь тщательно проверяется на антитела. Многие страны вынуждены ликвидировать созданные ранее банки донорской крови и ускорить разработку искусственной.

Было бы наивным полагать, что все эти факты являются откровением для лиц, определяющих стратегию развития нашей медицинской и биологической науки. Знал все это прекрасно и покойный вице-президент АН СССР Ю. А. Овчинников, как знают это и три академика — тт. А. А. Баев, А. С. Спирин, В. Т. Иванов и член-корр. АН СССР В. Ф. Быстров, в своем письме в «Огонек» оправдывающие действия вице-президента. Вот их аргументация: «...скептическое отношение Ю. А. Овчинникова к «Перфторану» как кровезаменителю имело полное основание. По данным Минздрава СССР, а также публикациям в зарубежной печати, касающимся аналогичных препаратов, «Перфторан» обладает несколькими отрицательными свойствами: он трудно подвергается стерилизации высокой температурой и гамма-облучением, его эмульсия нестойка, кислородная емкость его мала, он вызывает нежелательные побочные реакции, быстро покидает кровяное русло, а входящие в его состав перфторуглероды, наоборот, длительно задерживаются в тканях. Все это исключает его широкое применение. Можно считать, что на сегодняшний день надежный кровезаменитель отсутствует».

Не дело журналиста ввязываться в ученый спор, а тем более вовлекать

в него широкого читателя. Мы и не будем этого делать. Поговорим о методах ведения спора — об этом и мы вправе судить.

Уважаемый читатель, вы не биолог, не академик и даже не кандидат наук. Какой опыт поставили бы вы ради проверки утверждения о низком качестве препарата? Видимо, вы взяли бы донорскую кровь и западные образцы фторуглеродного кровезаменителя и сравнили бы их свойства со свойствами «Перфторана»? Но именно этого уважаемые академики не делают в своем письме. Иначе утверждение о невозможности стерилизации «голубой крови» гамма-лучами и высокой температурой теряет всю свою убедительность. Ведь эритроциты живой крови также гибнут при подобной стерилизации. Донорская кровь в этом смысле не стерильна и содержит в себе ряд неполезных микроорганизмов. Однако на этом основании мы не отказываемся от ее применения. Из всего сказанного не следует, однако, что «Перфторан» не стерилен, поскольку стерильны все компоненты препарата, стерильны пустые ампулы и стерильны боксы, где они наполняются. Кроме того, в процессе изготовления эмульсия подвергается давлению нескольких десятков атмосфер — ни один болезнетворный микроб не выдерживает такого воздействия. Но все это «забывают» сказать в письме уважаемые ученые. Теперь о публикациях в зарубежной печати, на которые ссылаются авторы письма. Уважаемым ученым хорошо известна предыстория создания «голубой крови» у нас и за рубежом. И, как ни жалко мне утомлять читателя излишними подробностями, я вынужден это делать, поскольку этого требует истина.

Еще в 60-е годы в США была высказана идея о возможности замены крови в качестве кислородопереносящей среды жидкими фторуглеродами. Образовались лаборатории и целые фирмы в США и Японии, работающие над этой проблемой. Однако в конце 70-х годов эти работы привели к неудаче и были прекращены. Виной всему была неверная установка: частицы эмульсии брались слишком крупные, больше живого эритроцита. Они застревали в капиллярах, образовывали тромбы, перекрывали кровоток — и применение препаратов оказалось невозможным. Именно в конце 70-х годов на Западе объявили о своем фиаско, и к этому периоду относятся все негативные отзывы в прессе о подобных заменителях крови. Работали над искусственной кровью и в СССР, в крупном институте гематологии в Москве, пытаясь скопировать японский и американский образцы. При таком подходе к проблеме вполне естественно было, что остановка работ по искусственной крови на Западе закончилась кризисом и для нас. И если бы речь шла о рядовой научной проблеме, здесь бы, наверно, на много лет пришлось бы поставить точку. К счастью, именно в это время в нашей стране нашелся человек, который с самого начала отказался от копирования заокеанских образцов. Белоярцеву и его коллегам, работавшим в Институте биофизики АН СССР, пришлось искать свои оригинальные идеи. Именно такой подход позволил им за три года, с 1981 по 1984 год, добиться удачи. Успех был обусловлен работой химиков, оперативно поставлявших варианты перфторуглеродов и других веществ, огромным размахом испытаний на животных, а главное — правильной идеей: фторуглеродные частицы, из которых состоит эмульсия «Перфторана», были сделаны в несколько раз меньше эритроцитов живой крови. Поэтому они проникают в такие участки пораженного тела, куда обычная кровь дойти не в состоянии. Оказалось, «Перфторан» проходит даже сквозь склеротизованные сжатые капилляры и доносит кислород гибнущей от тромбов ткани. Он проникает сквозь сосуды отекшего мозга и питает кислородом его умирающие клетки. Между тем главная причина всех патологий в медицине — дефицит кислорода в клетках пораженной ткани. «Перфторан», как выяснилось, эту главную причину во многих случаях устраняет.

Когда на Западе в последние годы взяли на вооружение идеи Белоярцева — там тоже добились успеха. И сегодня есть десятки публикаций в западных научных журналах, информирующих о блестящих результатах, несколько лет назад полученных в СССР при клинических испытаниях препарата Белоярцева.

— Ладно, может быть, и прав Белоярцев во всем, что касается его искусственной крови. Но как же спирт, деньги, взимаемые с сотрудников? — напомнит памятливый читатель.

Что ж, вернемся к событиям десятилетней давности. На дворе у нас еще конец семидесятых, еще все впереди, и живой, обаятельный, резкий, колючий, неидеальный Феликс Федорович Белоярцев весь захвачен своей идеей. Он сгорает от нетерпения начать работу. Нет еще ни людей, ни нужных приборов. Лаборатория, о которой мечтается, кажется мечтой далекой, несбыточной. Но он не привык ждать, не мог, не хотел. 79-й и 80-й годы ушли на бесчисленные эксперименты. И вот первая партия отечественного кровезаменителя успешно опробована на животных. А спустя полгода работы по созданию кровезаменителя «Перфторан» были объявлены государственной программой. Но тут случилась загвоздка, поставившая под угрозу выполнение всей работы. В стране не было некоторых сверхточных приборов, позволяющих вести тестирование эмульсии на клеточном уровне. Потребовалась валюта для закупок за границей. На все многочисленные просьбы директора Института биофизики Г. Р. Иваницкого выделить необходимую сумму разработчикам «голубой крови» вице-президент АН СССР Ю. А. Овчинников ответил отказом. Он отказался вынести вопрос на президиум Академии, откладывая обсуждение на неопределенный срок. Почему? Ведь программа «искусственная кровь» уже была объявлена государственной? Сроки выполнения задачи определены были жестко — пять лет. Что же делать в такой ситуации? Срывать правительственное задание? Белоярцев предпринимает решительный шаг, ставит перед собой и коллективом задачу непосильную по тем временам — в кратчайшие сроки добиться выпуска «искусственной крови» на отечественном оборудовании. Легко сказать...

Это значило, что в условиях шлагбаумной экономики, в условиях негибкой, неповоротливой системы тех лет нужно было добиться результата, требующего мобилизации усилий множества отраслей, заваленных своей работой. Новые биофизические приборы такого класса с неба не падают. Нужно было сделать рывок, добиться самостоятельно того, над чем работают на Западе целые фирмы. Но он не боялся работы. Он тормошит физиков, электронщиков, технологов. Он ищет по всей стране мастеров. Объясняет, как это важно, как необходимо вовремя выдать стране «искусственную кровь». Он торгуется с хозяйственниками предприятий, выменивает, покупает у них лишнее оборудование, детали новых и старых приборов. Из всего этого монтируются сверхурочно, внепланово единственные в своем роде отечественные дезинтеграторы, пилотные установки, конкурирующие с западными. На все это нужны фонды, финансирование — они есть. Но эти сотни тысяч не всегда удается взять. За внеплановую деятельность и расплачиваться надо както иначе. Где достать живые, наличные деньги? Что ж, придется пожертвовать премиальным фондом. Он выписывает дополнительные премии сотрудникам и расплачивается их деньгами. Но он тратит и свои премии, и свой заработок. Он знает: эти затраты мизерны по сравнению с тем, что удалось сделать. Сэкономлена масса времени, сэкономлена для государства драгоценная валюта — вот что важно. Значит, будет у нас в срок «искусственная кровь»! Результаты уже известны читателю. Его обвинили в хищениях спирта и вымогательстве денег у сотрудников. Он все отрицал. Почему и последовали пять обысков, окончившиеся так трагически. Что ж, отлаженный следственный механизм, раз закрутившись, уже не может остановиться. Белоярцева нет в живых. Кто конкретно виноват в этой смерти? Не знаю. Знаю лишь одно: сколько бы ни появилось статей в прессе об этой истории, следственная группа города Серпухова и Прокуратуры СССР не откажется от версии обвинения. Оставим этот разговор до суда, который рано или поздно должен состояться. Надо сказать о другом.

В своем письме следователи обвинили «Огонек» и «Литгазету» в давлении на следствие и просят товарища В. М. Чебрикова решить вопрос об ответственности авторов статей и лиц, допустивших их публикацию «без предварительной проверки».

Не знаю, о чьей ответственности будет тут решаться вопрос, но вынужден напомнить факты: следователи первые занялись рекламой собственной версии в печати, ознакомив в 1987 году с материалами дела корреспондента «Советской России», который напечатал тогда же статью, после которой в Пущине сложилась вообще невыносимая обстановка. Вслед за этой публикацией директор Института биофизики Г. Р. Иваницкий был исключен из партии на бюро Серпуховского ГК КПСС, хотя на открытом партсобрании в институте 105 человек высказались против его исключения и только 5 — за. Оклеветанные врачи и ученые целый год не знали, как оправдаться. А ведь ни один суд ни тогда, ни сейчас не сказал, что они виноваты. Впрочем, все это уже когда-то было в нашей истории, знакомо нам до боли, до спазмы в горле. Так, в 1953 году написала О. Чечеткина «знаменитую» статью про «убийц в белых халатах». О лучших врачах страны. Теперь есть еще статья Долматова «Заменитель чести».

Такие действия следователей, помоему, и называются «давлением на самих себя».

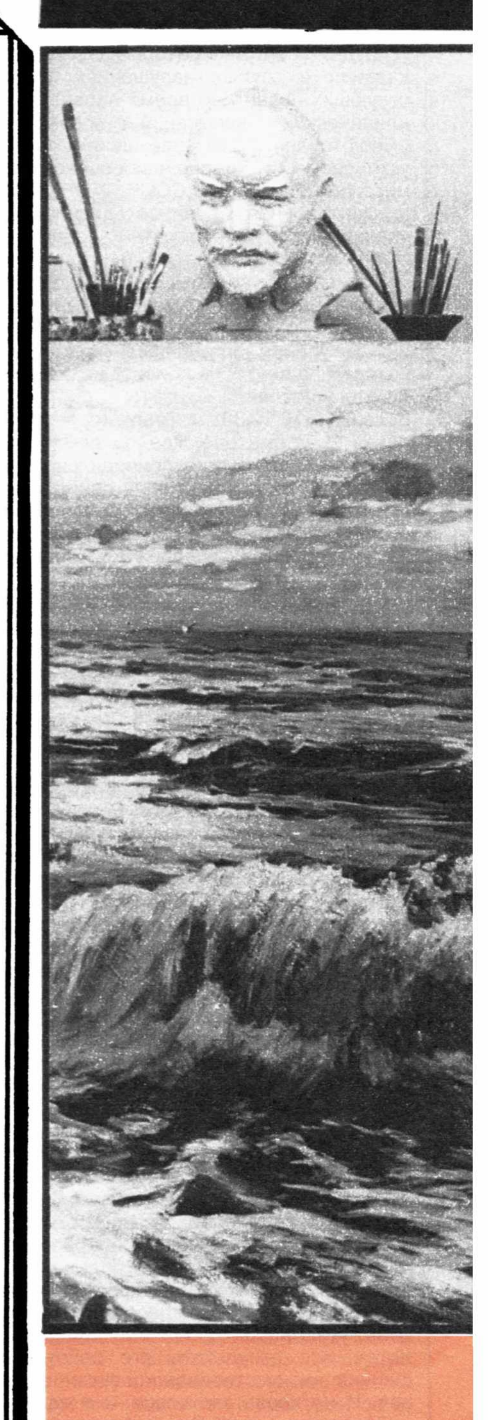
И на этом можно было бы поставить точку в статье, если бы по-прежнему не оставалась неясной судьба самой «голубой крови». Она-то ни в чем не виновата. А больные, которых можно было бы спасать все эти годы, не виноваты тем более. Безопасность препарата сегодня доказана множеством экспертиз. Эффективность его в лечении острой массивной кровопотери, лечении ишемии почек и сердца, отеков головного мозга выявлена еще три года назад. Что мешает сегодня Минздраву СССР, Фармкомитету, Академии наук снять существующие ограничения, возобновить испытания в клиниках?

Читаю официальный ответ Минздрава СССР на статью «Цена «голубой крови». В первых строчках этого документа сообщается, что статья рассмотрена Минздравом, затем указано, что авторам письма и без того все известно и все делается. А под конец обещается заняться вопросом вплотную на расширенном заседании Академии медицинских наук СССР с привлечением заинтересованных министерств и ведомств. Сколько же нам придется ждать этого заседания? Об этом в письме умалчивается.

«Время покажет, кто в этой истории прав, кто виноват»,— сказал мне год назад один влиятельный чиновник этого министерства.

Что ж, оно-то покажет, да будет потеряно. Ибо цена каждого дня препирательств и волокиты — десятки человеческих жизней, которые можно было бы спасти. Вопрос лишь в том, согласны ли мы четвертый год платить такую цену.

Александр РЫСКИН

С НАРОДНЫМ ХУДОЖНИКОМ СССР, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЧЛЕНОМ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР, ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ЛАУРЕАТОМ ЛЕНИНСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ ДМИТРИЕМ НАЛБАНДЯНОМ БЕСЕДУЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ЛЕОНИД ПРУДОВСКИЙ.

„НИКТО МЕНЯ НЕ МОЖЕТ УПРЕКНУТЬ!"

Уважаемая редакция!

Сейчас назрела самая острая необходимость в устройстве выставки Д. Налбандяна, причем самого широкого спектра его работ — от картин сталинского периода, портретов Мао, Булганина и т. п. до огромных полотен, посвященных Брежневу.

С точки зрения воспитательской, просветительской и т. п. наглядное пособие по нашей страшной и печальной истории и, может быть,— гораздо шире — по нашей культуре лучше, чем это сделал Налбандян, трудно придумать!

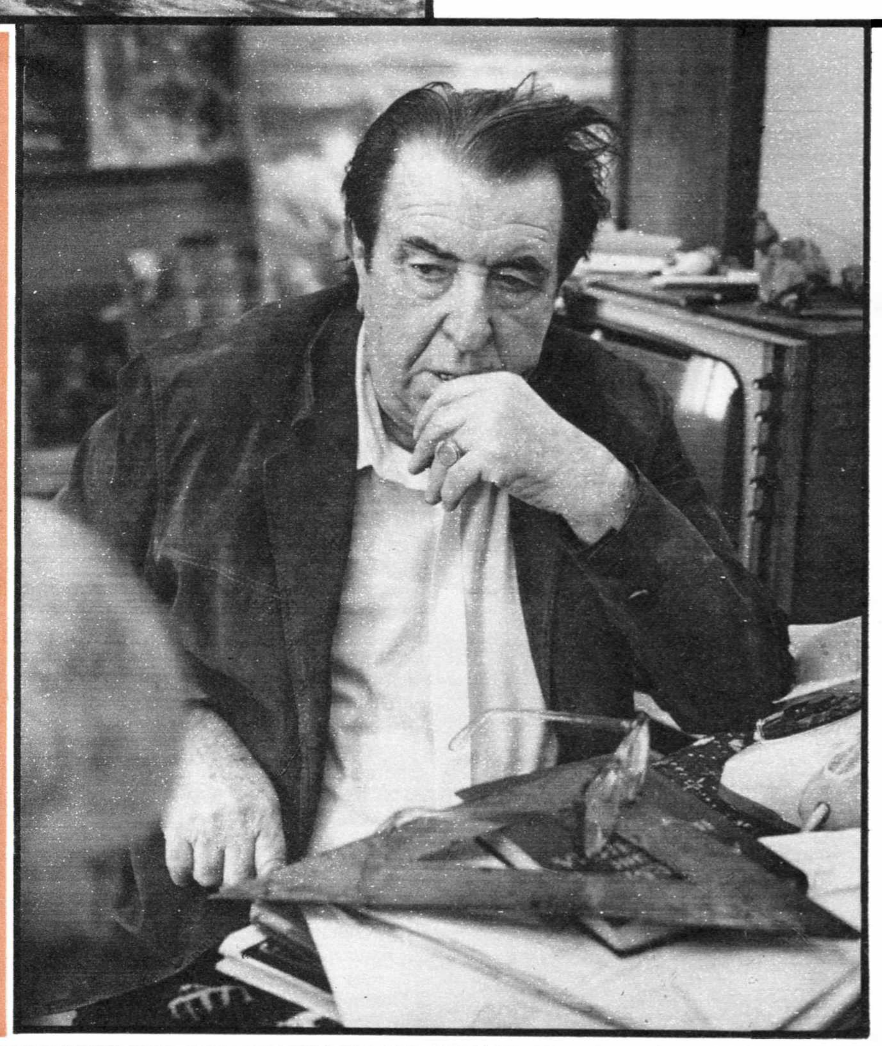
Разумеется, мы ни в коей мере не хотим сказать, что Д. Налбандян чего-то там переживал, с кем-то боролся, мучительно искал новые пути и способы выражения и т. п. Как и тысячи подобных художников, он плыл по течению своего времени, и именно ему выпала счастливая случайность наиболее однозначно отразить его... Бездуховность и холодность, равнодушие — такие же приметы времени, как подвижничество и страсть...

Что ж тут негодовать, сетовать или отвергать: ведь если сейчас обнаружится портрет Иоанна Грозного... да что там Грозного! — даже пустячная акварелька с Бенкендорфом или Распутиным, а наипаче с Троцким — разве искусствоведы или историки выкинут оную с негодованием и презрением? Нет, не выкинут, а бережно сохранят для иконографии всяких знаменитых деятелей.

Так что мы очень просим редакцию «Огонька» ходатайствовать перед Третьяковской галереей, Русским музеем и т. п., и особенно перед запасниками оных, а также перед Фондом культуры явить нам уникальный отечественный портретный ряд, как воспоминания к размышлениям о будущем.

В. АГАНОВСКАЯ, А. ВЕЛИКОЛЕПОВ

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

— Дмитрий Аркадьевич, в своей автобиографии в 1951 году вы писали, что главной темой в вашем искусстве является образ И. В. Сталина. Как это вышло? Я знаю, что уже вашей дипломной работой в Академии художеств Грузии стала картина «Юноша Сталин с матерью в Гори»...

— Идею диплома дает профессор. В данном случае — Татевосян. Он сказал: «Поезжай в Гори, там будет интересно». Тогда у всех было общее чувство любви к Сталину. Кто мог подумать, что будет дальше! В тридцатых годах начались расстрелы, но мы ведь о них не знали. Люди погибали. Кто знал?

— В 1931 году вы приехали в Москву...

— Да. Я сам приехал. Меня никто не вызывал. И поступил работать на Межрабпомфильм. Работал в мультипликации. А в 1934 году женился и переехал к жене. Как-то Орджоникидзе узнал, что я в Москве...

— А вы были знакомы?

— Отец был знаком. Когда Орджоникидзе в Грузии жил, они дружили. До революции еще. А я тогда был знаком с Емельяном Ярославским.

И вот позвонил мне Орджоникидзе и пригласил к себе. А у меня привычка: я везде делаю наброски. И вот они (там были еще Ворошилов и Киров) увидели рисунки и были поражены. И Орджоникидзе мне говорит: «Бросай свою мультипликацию. Тебе живописью заниматься надо».

Потом мы очень подружились с Ворошиловым, а Киров пригласил к себе в Ленинград. Я поехал. Жил две недели в Ленинграде, везде рисовал: в Смольном, на Путиловском заводе... везде. Потом Кирова убили. Я очень переживал.

— А когда же вы сделали картину «Выступление Кирова на XVII партсъезде»?

— После убийства. Грабарь тогда в «Правде» написал обо мне: талантливый молодой художник. Картина сначала выставлялась на Кузнецком мосту, а потом ее купили, НКВД, что ли? Я не знаю. Я тогда совсем мальчишка был, а мне за нее заплатили восемь или девять тысяч. Огромные по тем временам деньги! Сейчас гроши за живопись платят. Недавно я делал большую картину «Ленин и Крупская в деревне Кашино с народом». Два года работал. И договор был на десять тысяч, а заплатили всего шесть. Я даже поругался с министром Захаровым. Я Герой Труда! Столько над образом Ленина работал, а они взяли и снизили цену. Вот сейчас пишу «Выступление Ленина на съезде», но большую картину писать уже не буду. Зачем? Какой смысл?

— Вы дружили со многими руководителями нашего государства?..

— Особенно я дружил с Ворошиловым. Он любил искусство. Приезжал ко мне, смотрел. Правда, в последние годы у него глаза уже не видели, но он все равно приезжал.

Я его спрашивал: «Климент Ефремович, вы были председателем насчет Тухачевского. Как же получилось, как же он написал про себя, что — вредитель? Может, мучили его?» «Ну что вы, Дмитрий Аркадьевич!» Вот так он мне отвечал.

Буденный смешной был. Рассказывал мне, как они пошли в разведку и слышат, один казак говорит: «Я сегодня чуть не убил Буденного!» Ну, они все разведали, посчитали, сколько у белых лошадей, а утром пошли в наступление. И Буденный кричит: «Ну, где этот казак, который меня чуть не убил? Тащите сюда!» Поймали его. Так еле ноги волочил от страха! Ага!..

Короче, я его написал и спустился за кофе. А Семен Михайлович остался в мастерской. Я прихожу, смотрю — что такое? — были на портрете усы седые, а стали черные. Я говорю: «Семен Михайлович, сюда кто-нибудь заходил?»

А он сидит, читает газету и тихим таким голосом: «Нет. Никто не заходил».

Я говорю: «Как же так?»

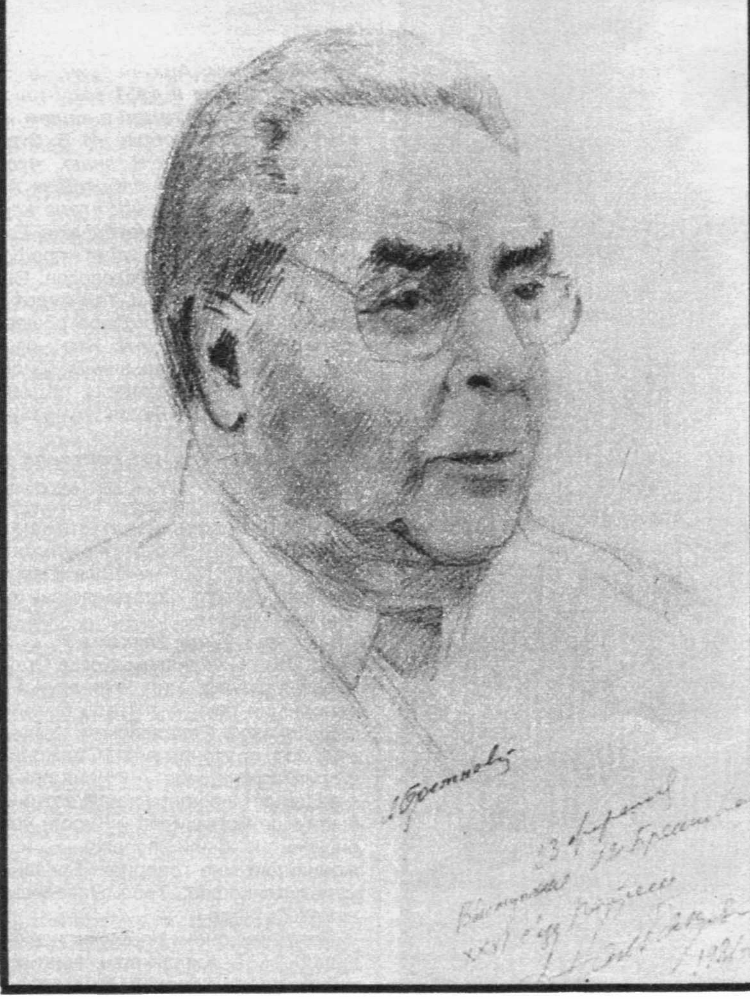
— А что вы меня сделали стариком! — говорит.— Вот я взял кисточку и замазал.

— Вы же испортили портрет! Теперь придется еще два дня позировать. Вы знаете, сколько я мучился над усами? Вот этот колер подбирал — вашу седину!

В общем, пришлось ему еще два раза позировать. Шутник был.

— Тридцатые годы. Шли острейшие, а часто и опаснейшие споры об искусстве, сталкивались позиции... А какова была ваша позиция?

— Я вам одно скажу: Дмитрий Аркадьевич при всех недоразумениях занимал ленинскую позицию. И занимал свою позицию правильно. Картины писал — и пишу — реально. Меня никто не может упрекнуть. Я писал и колхозников, и правительство... В споры не вмешивался.

— А со Сталиным вы встречались?

— Я у него не был. Видел на приемах, а так — не был. Зачем? У меня глаз зоркий. Наброски делал, а знаком не был.

— А как создавалась картина «Сталин, Ворошилов и Киров на Беломорканале». Вы там были?

— Да. Ездил. Это Ярославский Емельян меня направил. Он написал бумагу к Ягоде, и я пошел на Лубянку. Ягода прочел и говорит: «Вы такой молодой, разве можете такую картину написать?» А я говорю: «Почему нет?! Конечно, могу!»

«Ну, тогда поезжайте, я через недельку подъеду».

И я поехал. Там, на Медвежьей горе, очень много было арестованных. Был там театр с хорошими актерами. Их туда сослали по политическим соображениям.

Короче говоря, я сделал около ста этюдов. Приехал Ягода. Ему все очень понравилось. Я сделал с него этюд — его в этой картине тоже надо было писать. По его распоряжению в районе института Склифосовского мне дали большую двухкомнатную квартиру под мастерскую (там какого-то Венгерцева арестовали, что ли): «Пойдете по такому-то адресу и можете там работать».

Я стал работать. Большой был холст — два на три метра. Ворошилов приезжал позировать в белом кителе. Власик тогда был охранником Сталина — он дал мне его костюм и сапоги. Я пригласил натурщиком одного грузина, нашел его на площади Ногина, одел его, как Сталина, и писал.

Почти уже закончил картину «Сталин, Ворошилов, Киров и Ягода на Бе-

ломорканале» и тут вдруг утром читаю в газете: «Враг народа Ягода». Что делать?!

Срочно звоню Ворошилову, прошу приехать. Он приехал, посмотрел: «Замечательная картина!» — а потом говорит: «Я уже знаю, что надо сделать. То место, где Ягода, вы замажьте. Тут на переднем плане перила, вы на них накиньте плащ. Будто это мой плащ. А, чтобы не отнимать у вас времени на техническую работу, я вызову реставраторов».

И по приказу Ворошилова вызвали реставраторов из Третьяковки, они все подчистили. За два дня картина подсохла, и я ее выставил. Она большим успехом пользовалась, с нее много репродукций делали.

— Не обидно вам, что в ваши альбомы последних лет не включены портреты вождей — ведь они составляют значительную часть вашего творческого наследия?

— Что поделаешь! Сейчас ведь везде и на партсобраниях говорят, что Брежнев такой-сякой... Все его ругают. А я что могу? Я художник, мое дело — писать. Как писал, так и пишу — и колхозниц, и правительство... А ведь многие работы художников из политических соображений уничтожались. Хорошие портреты Сталина уничтожались. Да вот и мои картины «Сталин, Ворошилов и Киров на Беломорканале» или «Выступление Кирова на XVII партсъезде» — откуда я знаю, где они?

Народ хвалил все эти шедевры, говорили, что это написано, как у Веласкеса, а где они?

— Вы стояли у истоков создания Академии художеств СССР. Как это было?

— В 47-м году по решению правительства была создана Академия. Сначала хотели сделать президентом Грабаря. Но возникли склоки, потому президентом был назначен Александр Михайлович Герасимов.

— Но, насколько я знаю, многие художники выступали против Герасимова?

— Александр Михайлович был как раз хорошим художником, но имел много врагов, потому что был за реализм. Против него и выступали.

— Кто? Разве тогда это было возможно?

— Эта тема меня не интересует.

— Дмитрий Аркадьевич, ведь это наша история...

— Большинство было, конечно, за Грабаря. Но Ворошилов вмешался, и президентом назначили Герасимова. Вот и все.

— Значит, фактически президент Академии художеств был назначен Климентом Ефремовичем Ворошиловым?

— Да. Тут помог, конечно, он.

— Сессия Академии 1949 года... Расскажите о ней подробнее.

— Вот говорят — формализм, формализм! А я считаю, что формалистов, как таковых, у нас нет. Вот о тех работах, что сейчас чаще всего печатают — что можно сказать? Абстракционизм? Но и среди абстракционистов есть замечательные художники, владеющие цветом, линией. Среди импрессионистов есть хорошие мастера. Разве можно их обзывать формалистами? Столько лет шел разговор о трюкачестве, о формализме, но никто ведь так и не объяснил, кто такой формалист. Я так и не понял.

— На одной из сессий Академии громили Каменского, Босехеса, Бескина и других. Целую искусствоведческую школу.

— Каменского и сейчас все считают формалистом, а я считаю, что он — талантливый человек. Слушайте, он же просто по-своему все судит, какой он формалист? Или Сарабьянов — разве он формалист? Чегодаев? Вот кого я терпеть не могу, так это Глазунова — помог я этому мальчишке! Хотя теперь он уже не мальчик. Пришел, помню, ко мне: «Помогите молодому человеку!» Я ему помог. Позвонил кому надо, устроил выставку. А он потом пишет в «Советской культуре»: «Долой Ефанова и Налбандяна!» Но искусствоведы

его не поддержали. Ответили ему Чегодаев и еще трое критиков. Он после этого написал статью, что я, мол, не это имел в виду. А чего?

— А как вы к Шилову относитесь?

— Он — добросовестный художник. У него много интересных работ. Он молодой, и мастером его назвать пока нельзя, но идет по правильному пути. По цвету он даже интересней Глазунова.

— Дмитрий Аркадьевич, мы немного увлеклись и забежали вперед. После XX съезда партии в нашей стране наметился поворот к большей открытости общества. В изобразительном искусстве это проявилось в организации ряда выставок «левых» художников... Однако, после выставки к 30-летию МОСХа, прошедшей в 1962 году, и развернувшейся за ней газетной кампании многообразие стилей и направлений в нашем искусстве было объявлено «происками врагов» и фактически запрещено. Как это происходило? Вы, наверное, участвовали в этих событиях.

— Это когда Неизвестный был? Тогда на пропаганде сидел Ильичев. А нашим президентом — Серов.

— А саму выставку вы помните? Когда Серов сопровождал Хрущева и давал ему пояснения?

— Я не был. А что за выставка была?

— 30-летия МОСХа.

— Не помню.

— Говорили, что разгромом формалистов Серов тогда укрепил влияние Академии на Хрущева, поскольку важно было не допустить молодых к руководству Союзом художников.

— Не знаю. От вас в первый раз слышу. Серов не такой дурак был. А меня там не было. Я был, наверное, в Италии или в Японии.

— Вы, видимо, просто подзабыли, потому что, выступая на XIX сессии АХ СССР в 1962 году, говорили: «Я был свидетелем того, как в Манеже стоял скульптор Никогосян и ратовал за Фалька. Там были рабочие с завода имени Лихачева и станкостроители. Никогосян расхваливал им «Обнаженную» работы Фалька... так и вводят в заблуждение нашего зрителя».

— Я этого не помню.

— А как художник получает правительственный заказ? Как это происходит?

— Звонят из ЦК: «Дмитрий Аркадьевич, просим вас для выставки написать портрет Леонида Ильича Брежнева». Или от министра культуры. Тогда был Демичев. С ним у меня были очень хорошие отношения. Я говорю: «Пусть он попозирует...» «Нет. Он не может. Давайте просто заключим договор, и пишите портрет». Я и пишу.

На приемах бываю или по телевизору смотрю на того, кого пишу, и делаю наброски.

— Значит, Брежнев вам не позировал? А знаменитую картину «Л. И. Брежнев на Малой земле» вы писали по фото? Он ведь там был молодой?

— Нет. Я делал наброски по телевизионному изображению.

— Я вижу у вас тут портрет Горбачева. Вы получили заказ?

— Нет. Мне сказали, что он предпочитает фотографии. Но я делаю наброски, зарисовки. На всякий случай. Я вообще сейчас больше пишу натюрморты, пейзажи. Вот написал девушек на море. Нет, натурщицы были в купальниках, это я снял с них потом. Что вы! Я прожил жизнь. В ней всякое бывало. Но я художник, а не политик. Мне не в чем себя упрекнуть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ВАЛА

СЕЙЧАС МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО В МОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ О НЕДАВНЕМ ПУТЕШЕСТВИИ НА ВАЛААМ ПОЧТИ В ОДИНАКОВОЙ МЕРЕ ПРИСУТСТВУЮТ И ВЕЛИЧАЙШИЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ ВОСТОРГ, И ГЛУБОКАЯ МРАЧНАЯ ГОРЕЧЬ. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, РАССКАЗЫВАЯ ДРУЗЬЯМ О ШЕСТИ ДНЯХ, ПРОВЕДЕННЫХ НА ОСТРОВЕ, Я ОСТРО ОЩУЩАЛ В СЕБЕ ЭТОТ ТРЕВОЖНЫЙ РАЗЛАД И ПОНИМАЛ, ЧТО ОН НУЖДАЕТСЯ ВО ВНЯТНОМ ОБЪЯСНЕНИИ.

ОПОМНИСЬ!

В прошлом веке монах Петр Михайлов посвятил Валаамскому монастырю далекое от поэтического совершенства, но очень искреннее по выраженному в нем чувству стихотворение, в котором, например, есть следующие строки: «Богоизбранная обитель! Пречудный остров Валаам! Тебя дерзнул воспеть твой житель, прими его ничтожный дар!» Замечательно данное острову определение пречудный. Оно куда более точно, чем, скажем, «красивый» или даже «дивный», передает свойственное, пожалуй, исключительно Валааму сочетание первозданной природной мощи и равных ей по творческому взлету созданий человеческих рук. Именно — пречудный, то есть стоящий как бы на рубеже доступного нам воображения и в каких-то своих чертах являющий качества преображенного мира.

Поистине много было чудесных свиданий. И в скиту Всех Святых с его церковью, возведенной по образу и подобию древних византийских храмов; и в скиту Александра Свирского, на Святом острове, с устроенной в скале тесной пещерой, пять столетий назад служившей жилищем иноку Александру, и с деревянной церковью на вершине, в окружении вековых сосен; и в скитах Предтеченском и Воскресенском, и возле огромного водопроводного дома, еще и поныне удивляющего нас, баловней века науки и техники, совершенством и экономичностью инженерных решений, и на монастырской ферме, во второй половине минувшего столетия слывшей самой механизированной в России, и в лесах Валаама, где пихты и буки, дубы и лиственницы, вязы и кедры, должно быть, вернее и крепче нас хранят память о тех, кто укоренил их на здешних камнях,— везде с большей или меньшей наглядностью проступали черты прежней жизни, всецело подчинившей себя терпеливому, настойчивому, мужественному созиданию.

А сам монастырь с его царственным по благородному величию и красоте Спасо-Преображенским собором! Когда стоишь в центральном нефе верхнего храма и, запрокинув голову, высоко над собой видишь золотую сферу с Господом Саваофом и семью ангельскими чинами, изображенными в виде прекрасных крылатых юношей, или в нижнем храме, подойдя ко второй колонне с правой стороны, оказываешься у плиты, глубоко под которой — под спудом— погребены мощи преподобных Сергия и Германа, еще до крещения Руси основавших Валаамский монастырь, то думаешь о том, что великолепие собора есть прежде всего ответ на запросы народного духа, тысячу лет назад осознавшего Красоту как центральную опору своего бытия. «И пронеслась по народам слава твоя ради красоты твоей...»

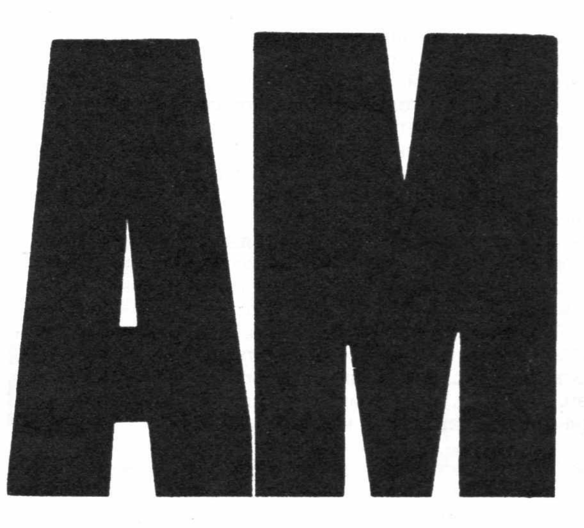
Однако переживание красоты здесь лишено свободного, радостного чувства. Ибо красота валаамского собора — красота поруганная. Был свет, но ледяным дыханием дунуло на него, и он погас. Почернел нижний храм; а наверху, в огромной, пустой, с ободранными стенами церкви, свалены сырые и уже тронутые плесенью бревна, из которых собираются строить леса.

Красота и скорбь, величие и упадок, наша слава и наш позор, как неразлучные спутники, кружат по Валааму. И тьмой недоуменных вопросов мучает себя прилежный созерцатель валаамских чудес: отчего на краю гибели оказались церковь и скит на Святом? Отчего сползает к последней черте Всехсвятский скит? Отчего, будто ограбленная и оскорбленная путница, тоскующими полуруинами стоит на высоком берегу, среди сосен, самая поздняя по времени постройка Валаама — церковь Смоленского скита, которая воздвигнута была накануне революции и в которой до 1940 года не прекращалось молитвенное поминовение павших русских воинов? Зачем ее, редкостно-изящную, в пятидесятые годы понадобилось разбирать на кирпичи и поджигать? Зачем в ту же пору надо было варить пойло для свиней в срубе часовни Коневского скита? Отчего помертвело значение слов на куске проржавевшей жести, прибитом к церкви Предтеченского скита: «Памятник охраняется. Народное достояние»? «Но ведь это я — народ!» — негодуя, воскликнет ныне,

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Александр НЕЖНЫЙ

Фото Геннадия КОПОСОВА

наверное, всякий из нас и высокое небо, густой лес и великое озеро призовет в нелживые свидетели, что его достояние расхищено, оболгано и попрано толпой случайных людей.

Когда переступаешь порог Смоленской церкви и как бы в испуге озираешься вокруг, стараясь при этом проскользнуть взглядом мимо, не читать, не оскорблять себя надписями, оставленными повсюду любителями отечественной старины, то вдруг словно морозом с головы до пят охватывает тебя. Прямо в глаза глядит нарисованное на алтарной стене огромное сумрачное око, над которым крупными буквами выведено одно слово: «ОПОМНИСЬ!»

ИГУМЕН ДАМАСКИН И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОССОВЕТА СВИНЦОВ

Маленький рост не мешает Свинцову держаться с большим достоинством. Кроме того, он обладает очень живым и едким умом, склонным к обобщениям как местного, так и государственного масштаба. Он, например, может сказать: «Мы вроде все куда-то идем, но к цели никак не приближаемся». «У нас нет,— говорил он,— исторического осознания своего положения». «Я раньше думал,— размышлял он вслух,— что плохой это человек — дорожный мастер или директор лесхоза, Петров или Сидоров. Но вот я уже два года на этом месте мучаюсь и понял теперь, что не человек в принципе виноват. Любого поставь — его все равно задавит система, и он будет только ногами дрыгать».

Его кабинет находится в просторной монастырской келье, в одном из подъездов так называемого внешнего каре, начатого в конце восемнадцатого века при игумене Назарии и завершенного в начале девятнадцатого при игумене Иннокентии. На стене перед ним снимок начала века: два монастырских четырехугольных здания, одно внутри другого, со Спасо-Преображенским собором в центре — радующая взор картина цветущей красоты. Не больно ли ему, сорокалетнему умному мужику, выросшему на Валааме («Я абориген. Скоро будут показывать: справа — собор, слева — абориген»),— не больно ли ему изо дня в день на снимке видеть одно, а в жизни — совсем, совсем другое? Не горько ли сознавать себя неудачливым, нерадивым, промотавшимся наследником некогда великого достояния? «Стыдно,— помолчав, произнес Свинцов.— Валаам представляет собой памятник труду человеческому... Стыдно. И все время пытаешься понять: почему это случилось?»

Не только для председателя Валаамского поссовета, но и для меня и, я уверен, для многих тысяч наших со Свинцовым сограждан ответ на этот вопрос относится к числу тех, не выстрадав которые мы обречены жить как бы вслепую, на ощупь, опять заблуждаясь и снова расшибаясь в кровь. И, добросовестно трудясь над ответом, мы не можем не бросить хотя бы самого беглого взгляда назад и уже в тысячелетнем отдалении не можем не различить *созидания*, упорно противостоящего *разрушению* и постепенно все решительней берущего над ним верх. В самом деле: в одиннадцатом веке шведы сожгли уже устроившийся монастырь, на месте которого недолгое время спустя вырос и снова стал процветать новый — в пятнадцатом веке с каменными зданиями и даже гостиницей для паломников. Летопись сообщает об еще одном разорении: в шестнадцатом столетии, о последовавшем затем море и опустошениях, произведенных воевавшими с Россией шведами. Опять ожил, отстроился монастырь и была о нем слава как о *честной и великой лавре* — до тех пор, пока в Смутное время шведы не сожгли его дотла.

Век прошел над опустевшим Валаамом; век и шесть лет. Трагические потрясения Смуты, войны, незаживающая рана раскола, тяжкий гнет государства, суровая школа петровского царствования — за всем этим, казалось, померкла и невозвратимо ушла память о монастыре, некогда просиявшем на далеком северном острове. Что он великой России, утверждающей себя в кровавом поту? Однако народное чувство чрезвычайно бережно относилось к преданию и болезненно ощущало разрыв с ним. И нет ничего удивительного в том, что русское общество, как укор своей совести, воспринимало столетнее запустение острова, прославленного трудами подвижников и их последователей, и что народная душа скорбела об оставленной на Валааме могиле преподобных праведников Сергия и Германа, хоть и лежащих недоступно для злой руки, под спудом, но все же как бы осиротелых.

Само собой, можно по-разному отнестись к подобным тревогам *старых* русских людей. Мне, например, совершенно ясно одно: ничто и никогда не объяснит нам оскорбительная легкость, все и вся сводящая к темноте народа и мрачному влиянию церкви. Не переносить свое, зачастую испорченное сознание в прошлое, а стремиться воспринимать его таким, каким оно было: с его убеждениями, верованиями и надеждами — только так мы сумеем должным образом оценить многие замечательные события отечественной истории, в том числе и состоявшееся в 1717 году возвращение на Валаам. И признаем, что тогда в русском обществе нашлось достаточно нравственных и материальных сил, чтобы вернуться на давным-давно остывшее пепелище и заново начать созидание, в конце концов принесшее монастырю едва ли не всемирную славу и побудившее монаха-поэта воскликнуть: «Пречудный остров Валаам!»

Но кто стоял во главе созидания? Кто строил обитель по законам красоты, разума и порядка? Иными словами: с чьими именами мы особенно связываем процветание монастыря? Отвечу: с именами монахов — игуменов Назария, Дамаскина и Ионафана II.

В старой книге я долго рассматривал их портреты: строгое, тонкое лицо Назария, львиный лик Дамаскина, прекрасное, кроткое лицо Ионафана — и, рассматривая, думал, что мы тогда только станем действительными гражданами своего Отечества, когда будем открыто гордиться такими людьми, вместо того чтобы делать вид, будто их вовсе не существовало в нашей истории, или в лучшем случае снисходить до признания их жизни и деятельности, пускаясь при этом в пошлые рассуждения об отсутствии у них передового мировоззрения и классового подхода. Возьмем Дамаскина (Демьяна Кононова). Тверской крестьянин, он появился на Валааме в 1819 году, в послушниках работал конюхом, пекарем, сапожником, нарядчиком; став монахом, четырнадцать лет провел в скиту и пýстыни, в 1838-м был избран игуменом и управлял обителью сорок два года — до дня кончины. Сейчас, десятки лет спустя обозревая его труды, отчетливо понимаешь, что это был человек громадного таланта и редкостной целеустремленности. При нем Валаам, по сути, был выстроен заново — и как! Возведенную в 1863 году по проекту академика архитектуры Алексея Максимовича Горностаева Никольскую церковь замечательный русский критик и искусствовед В. В. Стасов назвал одной из «оригинальнейших и талантливейших церквей нашего отечества». При чем тут Дамаскин, скажете вы. Да при том, что учившийся в Италии архитектор нашел в малограмотном игумене вдохновителя и глубокого ценителя своего творчества; при том, что Дамаскин сумел собрать воедино подвижническое усердие простого люда, искусство архитекторов, знания ученых — собрать и направить на созидание дивных храмов, прекрасных садов и лесов и совершенных по тому времени инженерных сооружений. Тот же Горностаев спроектировал «водопроводный» дом, своего рода производственный центр Валаама со своей паровой машиной, лесопилкой, мельницей, прачечной, токарной мастерской и громадными баками с водой в мезонине, но поначалу именно Дамаскину надо было принять дерзкое предложение будущего своего преемника, Ионафана II (в миру — Иван Дмитриев, московский ремесленник), решившего взрывать гранитную скалу, прокладывать в ней трубы и поднимать ладожскую воду наверх. А земля для садов, которую привозили с материка! А дренажная система, разветвленная сеть дорог и троп, образцовое лесное хозяйство! А восьмикилограммовые арбузы, двухпудовые тыквы, яблони восьмидесяти сортов и награды сельскохозяйственных выставок Москвы, Петербурга и даже Европы! Что это все, как не пример великого созидания?

Поневоле будет Свинцову стыдно перед Дамаскином.

Валаамский монастырь в 1918-м стал частью Финляндии, а в 1940-м, после советско-финской войны, оказался на территории СССР. За двадцать два года ни один монах не пожелал вернуться в Советскую Россию, а в сороковом все семьдесят насельников дружно отправились в Финляндию, где основали Ново-Валаамский монастырь, существующий и поныне.

Что тут сказать... Наверное же, монахам не очень хотелось строить новую Россию, однако и люди, куда более просвещенные, именно по этой причине в те годы покидали Отечество. У монахов, между тем, помимо их субъективного отношения к новому государственному строю, были совершенно объективные основания его смертельно бояться. Молва наверняка донесла до них известия об убийстве киевского митрополита Владимира, тобольского епископа Гермогена, расстреле петроградского митрополита Вениамина, гибели в Соловецких лагерях архиепископа воронежского Петра — об арестах, ссылках и расстрелах, без числа обрушившихся на священников и архиереев Русской православной церкви. На Валааме, конечно же, знали об оскорбительной для верующих кампании вскрытия святых мощей, о том, что перестали существовать Спасо-Андрониевский, Ново-Спасский, Страстной и Чудов монастыри в Москве, русская святыня — Троице-Сергиева лавра, Оптина Пустынь, монастыри в Тамбове, Курске, Калуге, Воронеже, Ярославле: более шести сотен только к 1921 году! У валаамских монахов хватило здравого смысла понять, что новое государство всерьез рассчитывает покончить с церковью и что в таких условиях возвращаться на родину — значит почти наверное положить голову на плаху. Да, немило им было в чужой, лютеранской Финляндии, а все ж, надо полагать, получше, чем на родной земле, приготовившей для них либо темницу, либо пулю.

Для нас — увы — это звучит как новость.

Непросто избавляться от мифов, порожденных искривленным сознанием. Будущий апостол, пока еще сомневающийся в истинности Мессии, говорил: «Из Назарета может ли быть что доброе?» Так и мы в течение почти семидесяти лет через мощный рупор государственной пропаганды оглушительно кричим, что из церкви ничего доброго быть не может. Разумеется, речь вовсе не о том, чтобы отныне рисовать церковную историю исключительно в розовом цвете. Мрачных страниц в ней хватает. Еще сто с лишним лет назад Владимир Соловьев со свойственным ему мужеством сказал, что в России церковная иерархия подорвала свою духовную власть кровавыми гонениями на старообрядцев, безмолвным подчинением государству, преследованиями всякого несогласия с собой. «Сначала, при Никоне, она тянулась за **государственною короною,** потом крепко схватилась за **меч государственный** и наконец принуждена была надеть **государственный мундир».** Но, поистине, чтобы судить обо всем этом, надо обладать взглядом, свободным от предубеждения, мыслью, покончившей с мифами, и личным презрением к догме, даже если за ней стоит власть. И не потому ли так долго и так безотрадно совершается наше возвращение на Валаам, что нас еще преследуют мифы, мучает страх и наше недавнее прошлое на каждом шагу еще напоминает о себе?

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

Когда ушли монахи и Валаам снова стал советским, в монастыре на недолгое время расположилась школа юнг и боцманов. В ней учились славные, храбрые ребята, которым, однако, никто не сказал, что стрелять в иконы нельзя даже неверующему человеку. После войны хозяином Валаама стал дом инвалидов. В воспоминаниях Свинцова, хотя и подернутых голубоватой дымкой детства и отрочества, как бы сам собой проступал дикий образ острова калек, живущего по своим, изуродованным законам. «Инвалид,— сказал Свинцов,— человек совсем бесправный. Хоть и пели мы песню: будни — праздники для нас, но, конечно, без принуждения не обходилось». Это был неестественный, искривленный и выморочный мир, по чьей-то находчивой административной мысли втиснутый в монастырские кельи (пять-шесть инвалидов вместо одного монаха), гостиницу, работный и водопроводный дома и в силу жестокой необходимости принявшийся обживать, перекраивать, приспосабливать под свои нужды и немощи предивную обитель. Кто теперь скажет, какую бездну унижения, какие нравственные муки пришлось перетерпеть изувеченным на войне людям, сосланным на остров, чтобы здесь умереть?!

Свинцов, однако, упомянув о детских своих грехах (вместе с другими валаамскими ребятками дразнил несчастных калек), заметил: «Валаам в моей памяти — цветущий сад». И стал перечислять: яблони

шестидесяти, а крыжовник десяти сортов, смородина белая, черная, красная... Дом инвалидов кормил себя собственной картошкой, капустой, морковью, свеклой и помидорами, поил молоком: семьдесят коров было в его стаде, в частном — сорок две. Двумя причинами объяснял председатель поссовета крепкое состояние послевоенного Валаама: единым хозяином всего острова был дом инвалидов, а его обитатели, люди, воспитанные в привычке к труду, не чурались работы, не лоботрясничали и не пьянствовали. Была, правда, третья, самая главная причина: монастырское хозяйство, итог вековой созидательной деятельности монахов, в ту пору еще стояло довольно прочно со своими ухоженными полями, садами и выпасами, но Свинцов принимал это обстоятельство как некую само собой разумеющуюся исходную величину или, быть может, как ренту, завещанную инвалидам усердными земледельцами в черных рясах.

Плохие времена, по словам моего собеседника, начались, когда на остров прибыло новое поколение инвалидов, в том числе «контингент из лагерей», а сам интернат, особенно под руководством предпоследнего директора, волюнтариста и самодура, упразднил сельские работы и перешел на государственный кошт. Сады одичали, поля заросли крапивой и ольшаником, дренажная сеть разрушилась. В конце концов инвалиды покинули Валаам; некоторое время на острове формально главенствовала турбаза, ее сменил музей-заповедник, но рядом с ним, как во всяком уважающем себя советском населенном пункте, уже образовался бесцветный букет других организаций и ведомств: ремонтно-строительный участок, реставрационный участок, дорожный участок, лесхоз, коммунальная служба и т. д. Новые организации, созданные, само собой, исключительно для того, чтобы привести народ острова к невиданному и неслыханному ранее благоденствию, не только не выполнили поставленных перед ними правительством РСФСР задач, но, напротив, способствовали расцвету бестолковщины, пагубного равнодушия и отвратительной лжи, которой тешило себя приезжее начальство, но которая не могла скрыть неуклонный распад хозяйственных и нравственных основ жизни Валаама. Именно это с особенной болью переживал Свинцов. «Раньше,— рассказывал он,— был один лесник, Кукко. Теперь лесхоз. Там около сорока человек по ведомости зарплату получают. Им, к примеру, дали племенных коров, а надои, как от козы. Коров по праздникам вообще не доят. Кому они нужны в праздники? Никому. И не кормят. Говорили: вот уйдет интернат — и все будет. Ушел. И в результате подсобное хозяйство оказалось брошенным. Музей говорит: нам не надо землю! У нас фонды, выставки, *экспозиции*,— мрачно произнес Свинцов нелюбимое им слово.— Трактора, навоз — зачем нам это нужно?! А кому нужно? Никому не нужно! И земля пропадает втуне. Думали-думали, надумали: давай лесхозу поручим это дело. А он: нет, у нас лес, мы вот санитарной чисткой занимаемся, охраняем! Они охраняют, дорожники дороги строят... Монахи весь Валаам покрыли дорожно-тропиночной сетью, по ней в любую точку острова можно попасть — и что, следят за ней дорожники?! Как бы не так... Лес пронизан системой дренажных каналов. Большие еще работают, а капилляры, мелкие, забиты. Раньше на острове один был трактор и все успевал, а теперь у каждой конторы свой, всего шестнадцать, а толку?»

В словах Анатолия Михайловича Свинцова звучала настоянная годами горечь человека, со злым отчаянием убедившегося, что, расшибись он хоть в лепешку, хоть голову разбей о мощную монастырскую стену или криком кричи целый день с утра до ночи, на Валааме все будет идти или, вернее, ползти своим чередом. Почти десять лет назад было выделено тридцать три миллиона рублей на развитие острова! Пятнадцать миллионов — только на реставрацию! Новая жизнь забрезжила у входа в Монастырскую бухту, но как быстро пришлось оставить всякие надежды... На своем опыте узнал Валаам унизительную разницу между **бумагой** и **делом.** Слабенькому реставрационному участку явно не по силам были свалившиеся на него бешеные миллионы, он не тянул на определенный ему объем и, как ни ловчил, как ни гнал вал, прежде всего громоздя вокруг церквей дорогостоящие и зачастую не нужные леса, за все эти годы едва отчитался за два миллиона. Но это опять-таки в немалой степени всего лишь бумага; на деле же, к примеру, до сих пор не осуществлена даже консервация Смоленского, Предтеченского, Всехсвятского скитов, не видно конца реставрации Спасо-Преображенского собора, внутреннего каре, монастырской гостиницы...

— Помню летнее совещание 1982 года на уровне правительства Карелии,— рассказывал главный архитектор проекта реставрации из ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация» Владимир Степанович Рахманов.— Я подготовил к этому совещанию несколько плакатов, на которых в цифрах было показано, что объем производства не перекрывает объема разрушительных процессов, происходящих на памятниках. Чтобы остановить разрушение, надо было увеличить мощности реставрационного участка до 500—600 тысяч рублей в год. Не меньше! А он и сейчас с трудом держится на рубеже 250 тысяч. Мои плакаты тогда не понравились. Сказали, что я нарисовал мрачную картину. Но вот прошло с тех пор шесть лет, и оказалось, что картину-то я приукрасил! Сейчас положение много хуже, чем я предполагал. С восемьдесят второго года только и делаем, что ходим по замкнутому кругу. Я слышу отовсюду одно и то же: декларативные заявления и благие пожелания. Признаться, я раньше искренне верил в силу государственного документа. А теперь — нет. Против *системы* любой документ бессилен. Нет реальных дел, есть демагогия, которая действует как мощный разрушительный фактор.

Надобно знать чистую любовь Рахманова к памятникам отечественного зодчества, его радостное преклонение перед высочайшим мастерством русских строителей, умевших на редкость просто и экономично решать сложнейшие инженерные задачи, надобно, наконец, знать, что он, уроженец сибирского Ялуторовска, пришел в реставрацию по осмысленному выбору, что она стала его призванием, делом его жизни, его страстью и болью, чтобы понять, что жестокую правду о Валааме он выстрадал, и ему надо безусловно поверить.

Но неотвязно преследует меня мысль о мучительном сходстве здешней жизни со всем тем, что происходило у нас в последние десятилетия. Случившиеся здесь совпадения приобретают, на мой взгляд, подчас какие-то обобщающие, можно сказать символические, черты. Вглядитесь: как бы нарочно сошлось на Валааме едва ли не все, что так страшно отозвалось в судьбах Отечества. Презрение к прошлому, самоуверенный отказ от него, пренебрежение красотой,— что это, как не поразившая нас болезнь духа? И если раньше, в пылу разрушений, соблазне неясных надежд, в незамысловатой вере, что перемена внешних обстоятельств есть главное условие всеобщего благоденствия, мы даже и мысли не допускали о грозных последствиях, ожидающих общество на этом пути, то теперь вынуждены признать, что творческое бессилие и созидательная немощь еще и поныне определяют жизнь на Валааме. С глубочайшим изумлением я, например, обнаружил, что крошечные хозяйственные организации острова на манер, скажем, громадных западносибирских главков и трестов неприступно смотрят друг на друга из-за барьеров ведомственности. Несообразный по величине и губительный для хрупкой природы острова машинно-тракторный парк (и всего три лошади!), страсть каждой конторы к собственному гаражу, своей производственной базе и своему начальству, хищнический туризм, в минувшем году высадивший на остров 190 тысяч человек, в два с лишним раза перекрывший установленную карельским Институтом леса максимальную норму, но зато солидно обогативший Северо-Западное речное пароходство, реставрация, не успевающая за разрушением,— все это говорит о том, что нынешние наши труды на острове лишены смысла и что за четыре десятилетия они ни крупицы не прибавили к великому достоянию России, имя которому — Валаам. Даже напротив — поставили его на грань окончательного разрушения.

Должен теперь заметить, что я вовсе не отношусь к людям, с апокалипсическим блеском в глазах объясняющим все наши беды разрушением храмов. Их послушать — у нас давно был бы рай, не тронь мы монастыри и церкви. Это тоже — один из мифов нашего искривленного сознания, видение Беловодья, дорогу к которому преградили руины храма Христа Спасителя. Подобных мифов, кстати говоря, бытует немало — можно, например, узнать, что у товарища Сталина, во-первых, был духовник — грузинский священник, и что, во-вторых, отец народов перед кончиной исповедался у патриарха Алексия, и тот приобщил его Святых Тайн и отпустил грехи. Миллионы безвинно замученных под его державным руководством людей как бы уже не в счет, и величайшего грешника, рядом с которым Нерон выглядит всего-навсего домашним тираном, готовы избавить от полагающейся ему по всем статьям геенны огненной. Сильно же нас истощило отсутствие демократического витамина в духовном питании! Так вот: существование Храма — вовсе не билет в достойную жизнь, а всего лишь условие ее, которое теперь мы принимаем и признаем как один из уроков, преподанных нам верховным учителем — историей.

МЫ ЕЩЕ ЖИВЫ

Но так радостно сознавать, что мы еще живы!

Некоторое время назад ленинградский институт «Гипрогор» разработал генеральный план Валаамского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. Следуя полученному от Министерства культуры Карелии заданию, а впоследствии приводя его в доказательство своей нравственной непричастности, архитекторы намеревались превратить Валаам в некое предприятие развлечений и отдыха и с этой целью предлагали построить на острове взлетно-посадочную полосу, аэропорт, канатную дорогу, ресторан и кафе «занимательного питания», спортплощадки — с тем, чтобы советский, а еще лучше — иностранный гражданин мог во всех отношениях приятно провести время и потанцевать со своей дамой в виду монастыря или его скитов. Нынешний главный архитектор генплана А. Михайлов утомленно морщился и говорил, что сейчас разработан новый вариант, без канатной дороги и аэродрома... Он милый, образованный человек, Александр Геннадиевич Михайлов, но ведь и он недрогнувшей молодой рукой готовил для Валаама недостойную и губительную для него участь! И теперь ужасно негодует на общественность, восставшую против строительства грузового причала в Монастырской бухте. Зачем она лезет, общественность, в проблемы, которые должны решать исключительно специалисты?!

Раньше, когда у общества были связаны руки, а во рту торчал кляп, над куполами Спасо-Преображенского собора скорее всего пролетали бы вагончики канатной дороги. Теперь, по счастью, иные времена, и с мнением академика Лихачева, председателя правления Советского фонда культуры, нельзя не считаться. «Три самые мощные воспитательные силы нашего общества — история, природа и искусство — соединены на Валааме с необычайной прочностью. И три вместе, они не утроены, а удесятерены. Поэтому не использовать их, пренебрегать ими и даже разрушать — преступление». Вместе с другими академиками: А. Л. Яншиным, А. Ф. Трешниковым, К. Я. Кондратьевым, А. Л. Тахтаджяном он, кроме того, пишет: «Валаам — это культурно-экологический памятник не только всесоюзного, но и мирового значения, отвечающий критериям включения в список Фонда всемирного наследия, формируемый ЮНЕСКО в соответствии с Конвенцией о защите всемирного культурного и природного наследия. Генеральный план развития Валаамского архипелага, подготовленный институтом «Ленгипрогор», не учитывает научное, историческое, экологическое значение Валаама... чреват угрозой утраты уникального природного оазиса Ладожского озера...»

Я говорю: мы еще живы, и верю, что *теперь* слово академиков не прозвучит впустую — наподобие слова тех, кто тщетно предостерегал против строительства целлюлозного комбината на Байкале.

Я говорю: мы еще живы, и вспоминаю, как под самым куполом Спасо-Преображенского собора усердно шпаклевала окна Маша Чукова, инженер-математик из Ленинграда. В Ленинграде (и в Москве) создан общественный Совет по Валааму; ленинградское неформальное объединение «Мир» прошлым летом отрядило спасать памятники острова сто пятьдесят человек, и это нельзя расценить иначе как вызов равнодушию и бездеятельности государственных организаций и как знак пробудившейся в обществе тревоги за судьбу Валаама.

Я говорю: мы еще живы, и отмечаю, что просьба ленинградского и новгородского митрополита Алексия передать часть валаамских построек Русской православной церкви — с тем, чтобы она возобновила здесь монастырь, в принципе встретила доброжелательное отношение и в Совете по делам религий при Совете Министров СССР, и в правительстве страны. Правда, не всем это нравится — ну да ведь кое-кто не принимает на дух саму перестройку и вызванное ею обновление. И многим пока еще дикой кажется естественная для цивилизованного сознания мысль, что наша жизнь не понесет ровным счетом никакого ущерба, если на Валааме возродится монастырь и его когда-то известная всему миру издательская деятельность. Вообще в том древнем, но еще и по сей день ярком свете, которым влечет нас к себе это замечательнейшее творение русского народа, несколько смешными и даже, простите, мелкими представляются вопросы, озадачившие сейчас иные чиновничьи головы: что именно передавать монастырю. Всехсвятский скит, собор — пожалуй, можно; а вот Никольский скит, зимнюю гостиницу — ни в коем случае! Право же, словно не идет речь о том, что мы сейчас возвращаем истинному владельцу некогда — скажем помягче — им утраченное. И что нравственно выпрямляется общество, бесстрашно и честно признавшее все свои долги. Вот почему, я уверен, не к лицу нам подобные счеты и споры. Решившись на монастырь, вряд ли следует с первых же шагов выставлять ему несправедливые и неразумные ограничения. Тем более что церковь готова сотрудничать и с музеем, и с комплексной станцией Академии наук, если она здесь появится.

Конечно, множество различных трудностей — организационных, технических, материальных — предстоит преодолеть, прежде чем восхищение Валаамом будет свободно от неизменно сопутствующей ему глубокой горечи. Но возвращение на Валаам может совершиться только как возвращение в те формы жизни, благодаря которым он и стал «пречудным островом».

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

СВЕТОТЕНЬ

Юрий РОСТ

...И дрогнули горы, и рухнул мир, и смрадные тучи пыли и гари поднялись к небу, и кто стоял — лег, а кто лежал, тот остался лежать, и кто говорил — замолчал.

И дети сущие, и бывшие дети, и будущие осиротили землю, оставив ее без своих потомков, и земля приняла их;

и кто строил жилища из песка и воды — строил могилы себе и близким своим и называл их городами, и пали те города, как ложь перед Словом испытанным, и невиновные во лжи смешались с теми, кто не чувствовал вины, как вживе было, и тысячи тысяч осиротели сердцем от гибели тысяч и тысяч;

и померк свет, и бродили в огне кострищ и пожарищ люди, и искали себя меж спасшихся от беды и не находили;

и сдвинулось все, и смешалось, и только памятники вечно живым мертвым незыблемые стояли среди омертвевших живых, которые просили не хлеба, но гроба, а им протягивали хлеб;

и многие из многих мест пришли развести руками горе, и руки их не знали усталости, и иные ворами пришли и были они нелюди;

и все там было;

и искали живые своих близких среди погребенных под прахом, и, найдя, успокаивались тихо, и было это страшнее крика;

и ходили по измученной древней земле и спрашивали: за что?

И я спросить хочу:

как жить на этой земле восьмидесятилетней Азни Мкртычян, у которой Ты отобрал дочь, сына, невестку, трех внуков?

Прости ее, Господи! Прости ее!

РАССКАЗ

ЛАГОФТА

Лагофтальм — болезнь глаза: неполное смыкание век.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Я ненавидел этого парня.

Мне выпало с ним служить.

...Каждый день видел его худое, нескладное тело, спрятанное под формой слишком большого размера, которую он мог снимать, не расстегивая пуговиц; его тяжелые, истоптанные кривыми ступнями сапоги со сбитыми каблуками без подков; узкие, как лопасть весла, плечи; лицо, не уступавшее в уродстве сгустку застывшей магмы — я хотел бы посмотреть на женщину, которая его родила, и узнать, на каком месяце случилось это несчастье — но Брагин сказал, что лишь очень одаренные люди бывают настолько уродливы и болезненно слабы. А потом: «Глянь, у него голова на шее не держится,— глянь, упала набок, как у двухмесячного». А Монашка, который когда-то чистил клетки в зоопарке, сказал: «Волчья стая всегда уничтожает больного, малосильного волка, потому что в конечном счете его жизнь слишком дорого обходится здоровым и сильным».

Дмитрий БАКИН

Писатель начинается с языка. Порой достаточно прочитать один абзац, чтобы убедиться в этом: новая реальность выстраивается уже на уровне фразы, спрессовывается в пространстве между словами. Рассказом «Лагофтальм» Дмитрий Бакин, двадцатипятилетний водитель грузовика, несомненно, свидетельствует о своем писательском призвании. Высокий удельный вес слова, предельная концентрация повествования, безотказность жестких сюжетных пружин не оставляют сомнения в том, что перед нами сложившийся прозаик, миновавший стадию ученичества. Некоторые свойства его стиля можно определить как «жестокий реализм». Проза Д. Бакина, помимо всего прочего,— это реакция на инфантилизм «молодежной» прозы прошлых десятилетий.

Надеемся, что читатели «Огонька» запомнят это имя.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Я ненавидел этого парня, еще не зная, что он бывший пианист и фамилия его Венский.

Венский был направлен к нам из учебного подразделения радистов. Он пришел в роту в один из самых скучных вечеров, за час до вечерней поверки; молча стоял посреди прохода между двухъярусными койками, опустив вещмешок и скатанную шинель на пол, потерянно озирался по сторонам, точно упал в яму и не знал, как выбраться. Взглядом беспокойным и испуганным прощупывал каждого и наконец увидел меня. Несколько секунд мы смотрели в глаза друг другу. Мои мышцы напряглись помимо воли. Я замер, словно готовился увернуться от ножа. Он улыбнулся и успокоился.

Венский повел себя, как человек, который в скором времени попросит в долг.

Во мне появилось бессознательное стремление держаться от него подальше. Я не знал, какого хрена он лип ко мне — в армии таких вещей не любят — быть может, он что-то чувствовал, быть может, он что-то видел во сне, и его стремление быть рядом со мной было сродни стремлению слепого искать твердую тропу.

Он отчужденно бродил среди солдат — воздух хлюпал у него в сапогах,— кривил лицо, морщил лоб под давлением глухой, ипохондрической боли — вынашивал реквием по одному из нас — смесь боли и музыки.

Мне не давало покоя его лицо. Гораздо позже я понял, что к этому лицу обращался по ночам, когда не хотел жить.

Он всегда был рядом со мной, виновато улыбался и пытался заговорить.

Я говорил ему: «Послушай, убери от меня свою рожу». Он стоял и виновато, точно ребенок, улыбался, перед тем, как отнять.

Я не мог все время смотреть на человека, при виде которого испытывал желание бежать.

Я говорил ему: «Убери от меня свою ублюдочную рожу».

Но все было бесполезно. Он выбрал.

Я сильно изменился. Меня боялись, как боятся темноты и незасыпанных могил. Тем зарядом ярости, который накопился во мне, можно было взрывать мосты. Стал опасен — во мне ожил страх безмозглой твари перед человеком — держался настороже, видел опасность во всем. Был слеп перед врагом, и чем дольше это длилось, тем яснее я понимал, что мой враг будет жить до тех пор, пока жив я, и умрет он лишь во мне, вместе со мной, но не вне меня.

В поступках этого тощего, слабого недоноска я был склонен видеть несокрушимую, упрямую точность магнитного компаса — жизнь, подчиненную безошибочному чутью, которое заставляло ноги ступать там, где никогда не разверзнется земля, нести тело в обход тысяч смертей и пьяных жизней; закрывать глаза там, где слепнут, уходить с места, на котором любой другой был бы раздавлен падающим деревом — точный, беспроигрышный расчет древнего инстинкта, утверждавшего в человеке глухую, болезненную веру в несравненное значение собственной жизни и в дар творить великое. Воспитанный в чистоте и безгрешии — боялся крови, блевал при виде чужой блевотины, не любил бездомных собак, но беспредельно любил свою мать, которая оберегала и наставляла — мудрая самка человека.

Весной Венского положили в санчасть.

Окна санчасти выходили во двор нашей казармы. Когда бы я ни проходил мимо, за крестом оконной рамы торчала голова Венского. Он смотрел на меня, вцепившись в подоконник, кривил желтое лицо и беспокойно улыбался. Он выглядел очень плохо. Меня разбирало желание пуститься в пляс.

Движимый злобным любопытством, я ходил в санчасть и пытался прочитать медицинскую карту Венского, но кроме того, что он болен, ни черта в ней не понял — если бы обезьяну научили писать, зажав авторучку между ног, она бы писала гораздо аккуратней и понятней, чем пишут врачи.

Венского выписали через две недели.

Он пришел в столовую и сел за один стол со мной. Я медленно ел перловку, глядя на свои грязные руки. Венский достал где-то полбатона копченой колбасы, резал тупым перочинным ножом и раздавал тем, кто сидел за нашим столом.

«Будь ты проклят. Опять ты здесь»,— зверел я.— «Будь ты проклят, паскуда».

Я протянул руку за хлебом. Венский быстро перегнулся через стол и положил кусок хлеба с нарезанной колбасой возле моей тарелки. Несколько секунд я смотрел на хлебницу, чувствуя, как мозг наливается густым соком ярости, а потом врезал кулаком по столу и смел его вонючую колбасу вместе со своей тарелкой на пол. Все смолкли. Офицеров в столовой не было. Я встал и вышел.

С неба струился золотой песок солнечного света.

Я хотел быть один.

Я хотел быть один, как пять лет назад, когда лежал на берегу моря,— пошел дождь, все собрали манатки и ушли,— я остался на мокрой гальке и смотрел, как ветер поднимает над морем мелкие, соленые брызги, вытягивает смерч в странную женскую фигуру и плавно ведет по волнам, точно в вальсе.

Но отсюда никто не уйдет, даже если с неба посыплются кости.

В ту ночь я долго не мог заснуть — бредил; медленно двигались призрачные, белые пятна человеческих лиц, и постепенно число лиц увеличивалось и двигались они все быстрее — миллионы человеческих лиц, миллионы, увековеченные в подвигах и позоре, в разврате и войнах историками — беспристрастными разносчиками лжи, страдали от холода, голода, малярии, бедности, безденежья, неполноценности, пьянства, но возносили благодарность богу, старались не высовываться, не подставляться, не воевать, не умирать, они — больные, здоровые, незаконнорожденные, сумасшедшие — хотели тихо и незаметно прошмыгнуть под солнцем, тихо и незаметно нарожать детей — бесшумная в движении толпа миллионов, время от времени один из них откалывался и кричал — стоп, не так,— и был убит, раздавлен плитой зависти, отравлен лошадиной дозой бруцина, прошит пулей или пропал в лесу, куда отправился засвидетельствовать почтение судьбе.

Все кончается, когда готов начать.

Я очнулся — заснул — осыпалась исполинская стена лиц.

В пять утра проснулся окончательно, неподвижно лежал, слышал сопение, храп и скрип ржавых коечных пружин под сонными телами. Потом поднялся, надел сапоги, взял сигареты и пошел в умывальник. Курил, глубоко затягиваясь, и смотрел в окно. Пахло густым раствором лизола и грязным бельем.

В умывальник кто-то зашел. Я оглянулся и увидел Венского. Он был в больших, измятых черных трусах и в рваной майке, какие нередко попадаются в партиях чистого белья из дивизионной прачечной. Виновато улыбался, всем видом выказывая сочувствие.

Белки его глаз были желтые, как нечищеные зубы.

Он сделал несколько шагов ко мне.

Я положил сигарету на подоконник.

Он кривил лицо, собираясь что-то сказать. Но мне было плевать на все, что бы он ни сказал. У меня появилась возможность сделать самое малое, что можно было сделать. Я подождал, когда он подойдет поближе, и, не размахиваясь, резко ударил. Его голова мотнулась в сторону, ноги подкосились, и он упал. Сощурив глаза, я смотрел, как он встает; ждал, что он скажет, чувствовал, что каждый мой удар принесет ему облегчение, после того, как судьба избавит нас друг от друга. Он понимал, что рано или поздно я изобью его, но искал встречи наедине — значит, хотел этого. Кроме того, он хотел что-то объяснить.

Он поднялся и сказал: «Это ни к чему».

Кажется, он твердо знал, что в любом случае должен быть со мной и должен терпеть мои выходки.

Мне бы бежать, но я ударил его еще раз. Он упал и долго не мог встать. Изо рта текла кровь.

Он сказал: «Ну, это ни к чему».

На следующий день мне объявили семь суток ареста.

Венский ходил к ротному и говорил, что сам затеял драку и если сажать, то сажать обоих, но ротный знал меня как облупленного и не стал его слушать; тогда Венский оскорбил сержанта, и ему объявили трое суток. Он твердо знал, что должен быть со мной везде. Но перед арестом каждый был обязан пройти медицинский осмотр. В санчасти Венского сажать запретили.

Через два дня меня отвезли на гарнизонную гауптвахту.

Конвойные отобрали деньги, документы и все, что режется; в поисках сигарет обшарили карманы, засовывали пальцы под погоны, вытряхивали сапоги, вынув стельки, прощупывали одежду на швах; потом составили список отобранного, дали расписаться, отвели в камеру, сняли замок с откидных нар и сказали, что могу спать до завтра, потому что сегодняшний день в срок не войдет и жрать сегодня не дадут.

Камера была на четверых — дверь, обитая листовым железом и выкрашенная в зеленый цвет, со смотровым окошком на уровне глаз, серые, бетонные стены — в стене, напротив двери, грубо пробитая отдушина во двор, в углу сорокалитровый бак с питьевой водой и кружка. Больше ничего.

Я завалился на деревянные нары и уснул. Проснулся от тяжелого топота сапог по коридору. Было поздно. Арестованные вернулись с работ. После отбоя выяснилось, что со мной в камере сидели двое — смуглый морской пехотинец и высокий, толстый узбек, они зашли в камеру, хмуро покосились на меня и повалились на нары. Конвойные закрыли дверь снаружи, и над смотровым окошком внутри камеры зажегся кошачий глаз тусклой, двухсотдвадцативольтовой лампочки дежурного освещения.

Морской пехотинец глухо ворчал, что не успел сходить по нужде и теперь придется терпеть до утра, потому что по ночам из камер не выпускали. Узбек молчал, притворялся, что не понимает по-русски. Обоих посадили на десять суток за самоволочку — морской пехотинец сказал, что бегал к бабе, а куда бегал узбек, никто не знал. Морской пехотинец отсидел двое, а узбек трое суток.

Ночью в камере было холодно и сыро.

Губу подняли в пять утра.

Мы построились в коридоре и угрюмо ждали развода.

Нас разбили на группы, по десять — пятнадцать человек, вывели на улицу, раздали лопаты, ломы, носилки и определили места работ. Нашу группу погнали на далекий, заброшенный пустырь копать канавы — то ли для мусора, то ли для пищевых отбросов. За нами следили двое конвойных с пулеметами. Один из них, долговязый, меланхоличный парень, сидел в стороне на ржавом перевернутом ведре, положив пулемет на колени дулом в нашу сторону, и не спеша мастерил игрушки из утильной резины.

Я давно столько не бегал и никогда не бегал столько с носилками и ломом.

К обеду узбек был ни жив ни мертв, а после обеда и до ужина вяло махал лопатой и плакал в вырытую яму.

Мы были грязны, как ветки, вытащенные из болота.

Ночью у меня сводило ноги.

Морской пехотинец храпел так, точно по бетону двигали трехметровый шифоньер.

Скоро я привык к режиму и делал все автоматически, почти не уставая. Но узбек не мог к этому привыкнуть и каждый день плакал.

На шестые сутки, растянувшись на нарах после отбоя, морской пехотинец сказал: «Завтра вам выходить. А мне через день»,— ухмыльнулся, глядя на узбека: «Здесь неплохо, а?» — и засмеялся.

Узбек задрожал от ярости.

Морской пехотинец сказал: «Главное, здесь быстро летит время и хорошо кормят».

Утром узбека забрали в часть.

Остальных построили на развод.

В тот день мне добавили пять суток за окурок под моими нарами. Я не знал, подбросил окурок узбек или в камере просто курили конвойные.

На следующий день вышел морской пехотинец.

Я остался один. Днем до бесчувствия работал. По ночам думал о Венском.

Потом мои сроки истекли.

Меня везли в часть.

Я хотел спать больше, чем жить.

Стояла чудесная погода. Над крышами домов висела золотая сеть солнечного света, поймавшая всех птиц над городом. По улицам шли люди, которые никогда не встретятся с Венским.

В роте никого не было. Всех увели на полигон резать дерн для маскировки дзотов.

Я сел на койку и попробовал снять сапоги, которые не снимал двенадцать суток, но из этого ничего не вышло. Взял у дежурного штык-нож, распорол голенища почти до подметок, бросил сапоги под койку, надел чьи-то драные тапочки и поковылял к старшине. Купил у него две пачки сигарет, взял какой-то журнал, прихватил табурет и пошел в умывальник. Сидел у окна, курил и читал. Прочитал рассказ про маленькую деревенскую девочку и огромную свинью, потом прочитал стихи, над которыми помещалась фотография красивой молодой женщины. Стихи были плохие, но женщина была настолько красива, что не напечатать ее стихи мог только импотент. Потом рассматривал комиксы.

Кто-то тронул меня за плечо. Я поднял глаза и увидел Венского.

Он страдальчески улыбнулся и сказал: «Я о драке никому не говорил».

Я сказал: «Чтоб ты сгорел».

Он покраснел, как собачий язык, и сказал: «Я никому ничего не говорил»,— повернулся и ушел. Кажется, он плакал. Он что-то чувствовал, чтоб мне сдохнуть, он все время чувствовал себя виноватым передо мной.

В четверг ротный построил роту и сказал, что через семь дней намечается стокилометровый марш по горным дорогам. Для механиков-водителей это означало семь дней не вылазить из-под бронетранспортеров. Он зачитал состав экипажей. Моим радистом числился Монашка. Венский был радистом в экипаже 204-го БТРа, который по номерному порядку должен был идти в колонне перед моим 205-м. Механиком-водителем 204-го был Брагин.

Нас отвели в автопарк.

В другое время я бы пальцем не шевельнул — слонялся по ремзоне или спал бы в подсобке. Но во мне росло предчувствие беды.

Я поменял масло в движке, заменил топливный насос, поставил новый стартер, проверил генератор и реле-регулятор, заменил топливные фильтры, тогда как многие ездили вообще без них. Те, кто проходил мимо, видно, думали, что я рехнулся. Отрегулировал сцепление, полностью проверил рулевое управление и всю тормозную систему. Потом вспомнил, что на последнем марше грелась ступица левого переднего колеса. Снял колесо и ступицу, заменил подшипник, густо смазав его солидолом. Ставил колесо, ворочая тяжелой монтировкой, когда что-то заставило меня оглянуться, оглянулся и увидел Венского, который стоял в двадцати шагах, около большой черной канистры с нигролом и неотрывно следил за мной.

Я понял: все, что делал, было ни к чему, присел на корточки, тупо глядя на свои грязные руки и на гаечные ключи под колесом. И чувствовал себя, как в конце войны, когда больше нет сил жить ненавистью и нет воли не жить тоской.

В субботу Монашке подписали увольнительную на сутки. Он взял у Брагина адрес какой-то безотказной брюнетки, вымылся, почистил зубы, выгладил форму, оделся и махнул в город.

Он вернулся в воскресенье вечером, сияющий, точно блудливая комета, едва выстоял вечернюю поверку, разделся, выпрямил исцарапанную вдоль и поперек спину и не спеша пошел в умывальник, наклонив голову так, чтобы все видели лиловый, продолговатый засос под левым ухом.

Следующие два дня и две ночи он болтал, не умолкая. На третий день кое-кто видел, как он вялой походкой вышел из туалета, молча подошел к своей тумбочке, достал чистый лист бумаги, конверт и сапожный крем, снял один сапог, намазал подошву кремом, положил чистый лист на пол, надел сапог и наступил на лист всей ступней. Потом сложил лист с трафаретом подметки, засунул в конверт, написал адрес брюнетки и бросил конверт в ротный ящик для писем.

После обеда он подошел ко мне, глядя вдаль голубыми скорбными глазами, поднял голову, словно в ожидании дождя, и сказал: «Кажется, я влип».

Я прикурил, посмотрел на Венского, который шатался неподалеку со своей поганой виноватой улыбочкой, и буркнул: «Я тоже влип, когда родился».

Монашка сказал: «Мне нужно в госпиталь».

Я спросил: «Зачем?»

Он сказал: «Провериться».— Помолчал и сказал: «Ходил к ротному... Говорю, мол, плохо чувствую, нужно в госпиталь. А замену на марш, мол, найдете».

Я спросил: «А он?»

Монашка сказал: «А он говорит, ладно, мол, тебя Венский заменит».

Я помолчал и сказал: «Ты поедешь в госпиталь сразу после марша».

Он уставился на меня и спросил: «Почему?»

Я сказал: «Потому что ты мой радист. И баста».

Потом я пошел в санчасть. Вместе с санинструктором полтора часа рылись во всех ящиках и аптечках, нашли вибрамицин, диазолин и нистатин. Отнес таблетки Монашке.

Двадцать четвертого апреля роту подняли по тревоге.

Колонна бронетранспортеров вышла из части, обогнула город, прошла через плато и потянулась в предгорье.

Дорога была извилистой и узкой.

Подъемы чередовались со спусками.

Я вел БТР, прислушиваясь к работе двигателя.

Поплевал через плечо.

И тут, на одном из подъемов, БТР заглох. Я выключил зажигание, включил вновь и попробовал пустить движок со стартера, но стартер крутил вхолостую.

Монашка сказал: «Что-то сгорело».

Я сказал, чтобы он заткнул пасть. Потом вылез на броню.

Два БТРа позади остановились, остальные подтягивались. БТР Брагина впереди, остановился тоже. Первые четыре скрылись за поворотом.

С 208-го орал через мегафон ротный. «Ну? Что там?» — орал он.— «Ну?»

Я видел, что мы не разъедемся — слишком узка дорога.

Рев двигателей давил на барабанные перепонки, как десятиметровый слой воды.

«Буксируйте!» — орал в мегафон ротный. «Брагин, возьми его на буксир!» — заорал он Брагину, а мне заорал: «Отвязывай трос!»

Я спрыгнул на землю и отвязал трос. Брагин сдавал назад. Я зацепил трос и влез в БТР. Брагин дернул рывком. Через триплекс я увидел синие выхлопные газы и услышал, как лопнул трос, а БТР Брагина попер в гору. Венский, сидевший на броне 204-го, наклонился к люку и закричал Брагину, что трос оборвался. Брагин затормозил и начал медленно сдавать. Кроя матом все на свете, я вылез снова, но Венский опередил меня. Его сапоги были в белой пыли. В руках он держал другой трос.

Он сказал: «Ничего, я зацеплю».

Я стоял сбоку и смотрел, как ловкие, проворные руки пианиста неловко цепляют трос за скобу, и хотел зло смеяться. Наконец он зацепил трос за БТР Брагина, повернулся к нему спиной и принялся завязывать другой конец за мою скобу. И только по тени, наползавшей на сапоги Венского, я понял, а потом увидел, что БТР Брагина катится назад — это часто бывает, когда сидишь за баранкой, думаешь черт знает о чем и ничего не замечаешь.

Венский стоял спиной к БТРу Брагина и старался зацепить трос.

Я видел тень на спине Венского и видел, что через две секунды он будет раздавлен между бронетранспортерами.

Все решается само собой, и чем больше об этом говорить, тем дольше это останется неразрешимым.

Я не хотел думать и не хотел кричать, потому что, когда кранты, думать и кричать смешно.

Я прыгнул в тот момент, когда Венский поднял голову и когда задний борт брагинского бронетранспортера находился в нескольких сантиметрах от его спины. И я вложил в удар руки всю свою жизнь и все, что было, и все, что должно было быть. И прежде чем мои кости хрустнули между стальными бортами, увидел, как тощее тело Венского, подброшенное моим ударом, перевернулось, точно неуязвимая кукла, и он упал в двух метрах от бронетранспортера.

* * *

Меня положили на обочине дороги в теплую, мягкую пыль. Кто-то снял с меня шлем и гладил по голове. Наверное, Венский.

Я говорю вам, кончайте ваши дурацкие штучки.

Я говорю вам, не нужно меня никуда нести. Движение имеет смысл для вас. Для меня смысл в неподвижности.

Но вы меня не слышите.

Я не открываю глаза, потому что знаю, что увижу — вся колонна остановилась, кроме первых четырех бронетранспортеров, которые скрылись за поворотом.

Не знаю, смогу ли вообще открыть глаза. Я ничего в себе не чувствую. Ваши голоса едины с грохотом падающих камней и грохотом полигона. Все живое едино с мертвым.

Не нужно меня никуда нести.

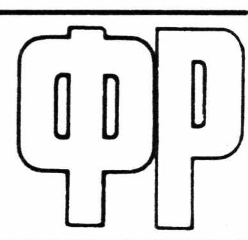
...Она давно идет ко мне по серым дорогам, поступью легкой и бесшумной, как оседающий пепел.

Не трогайте меня.

Я хочу это видеть.

Елена

БЕСПАЛОВА

В Центральном Доме художника на Крымской набережной были выставлены полотна крупнейшего мастера второй половины XX века — английского живописца Фрэнсиса Бэкона. Наша долгая изоляция от крупнейших событий международной жизни приносит нам сейчас запоздалую радость открытий. Впрочем, такую же радость советское искусство может подарить зарубежному зрителю, в равной степени не знакомому с нашей художественной жизнью этого периода.

Правда, нужно сказать, что среди членов Союза художников СССР по поводу выставки Бэкона нет полного единства мнений. У многих вызывает удивление: «Почему Центральный выставочный зал нашего союза используется для пропаганды ненашего искусства?». Эгоистическая самоизоляция художественных организаций, характерная для предшествующих лет, как мы видим, оборачивалась нашим незнанием и нашей безвестностью.

Вернемся к Бэкону. Хочу привести высказывание одного из посетителей выставки: «Я хожу на выставки художников много лет. И сейчас ворота открыли для всякой гадости. Неужели нельзя повесить что-нибудь хорошее? То гвозди из Германии, то вот этот художник — пьяные рожи да калеки какие-то. Смотреть противно. Я своих детей на этот ужас и не повела бы. И так в очереди стоишь, в троллейбусе толкаешься. Вот в Пушкинском музее я была, мне понравилось».

Метод нашего искусства — социалистический реализм, другими словами, реализм социально обусловленный. Фрэнсиса Бэкона и зарубежная художественная критика, да и сам художник причисляют к реалистам. Но как реалист он отображает другую, окружающую его реальность. Многие из нас, провозглашающие принципы реализма, реалиста в Бэконе не признали. Подчас для нас реализм сводится не к его сути — жизненной правде и честности, а к определенному коду формальных символов, освященных ее величеством Директивой. У нас реализм слишком часто проходил цензуру всесильных формалистов, утвержденных жрецами реализма. Бэкон — страстный приверженец реализма. Правда, он твердо стоит на том, что теперь, когда фотография сделала передачу поверхностной реальности излишней, нужен какой-то новый реализм: способность схватить и зафиксировать внутреннюю эмоциональную энергию, испускаемую любым живым существом. Это должно усиливаться энергией, которую порождает само произведение искусства.

Это серьезный аргумент в диалоге с формалистами. И вся жизнь и творчество Бэкона являлись, по сути, таким диалогом. В юности, работая оформителем интерьеров, Бэкон, вдохновленный художественной жизнью Парижа, предложил свои полотна на Международную выставку сюрреалистов. Они были отвергнуты «как недостаточно сюрреалистические». С тех пор Бэкон, по его словам, навсегда отказался от иллюстрирования Фрейда. Вскоре Бэкон организовал персональную выставку своих работ в Лондоне, которая окончилась полным провалом. Дело в том, что художнику, не примыкавшему ни к какому художественному течению, ни к одному из многочисленных «измов», в тот период было трудно рассчитывать на успех. Бэкон запил, пустился в азартные игры, уничтожил все свои работы, но сохранил себя как индивидуальность.

Невзгоды двух мировых войн, свидетелем которых он был, жизнь лондонского дна, игра в рулетку с острым вкусом случайности, всемирная слава и личная независимость — вот из чего восприимчивая натура Бэкона создала свой индивидуальный реализм.

Бэкон отразил ту реальность, через которую прошел. Его реализм — в безжизненных пейзажах, в стеклянных клетках, заключающих персонажей на его полотнах, в искаженном от страдания лице няни с полотна, написанного под впечатлением от фильма Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“», и в искаженном от злобы лице папы Иннокентия X (из серии картин на тему портрета Веласкеса), представленного Бэконом как евангельский «судья неправедный». Мир Бэкона — это живая, притягательная человеческая плоть, брошенная на острые обломки и заклю-

ЭНСИС БЭКОН В МОСКВЕ

ченная в бездушные коробки городских комнат. Пол — как сцена, кровать — как операционный стол; из комнаты ужасов нашей цивилизации может не оказаться выхода.

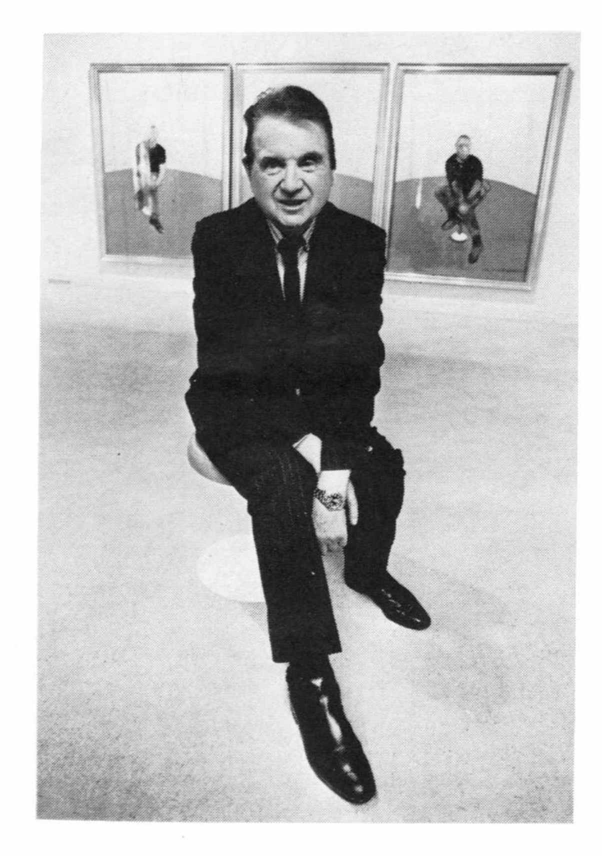
Символична одна картина Бэкона — «Кровь на полу — живопись» (1986). Алые пылающие стены и грязный пол, где главный персонаж — пятна крови, там и человека-то уже нет, и единственные свидетели трагедии — лампочка и выключатель. Нам знакома эта реальность, но как непривычно признать эту правду реализмом в искусстве.

Видению мира Бэкона не противоречат его стиль и техника. Верный последователь великих мастеров прошлого, он так же чувствен в своей живописи, вязкой и тягучей, как звуки органа. В отличие от многих современных зарубежных художников, дробящих образ геометрией или «индивидуально запатентованной манерой», Бэкон сохраняет целостность образа, подчеркнуто выявленного нейтральностью фона и окружения. Бэкон мастерски владеет жизнью краски на холсте. Выплеснув ее на холст, он позволяет ей свободно стекать. В ее случайном движении по холсту — реальность природы. Увидев в этом красочном пятне черты преследующего его образа, художник неистовыми движениями кисти придает ему узнаваемые очертания. В этом реальность человеческого видения. Завершает произведение Бэкон с применением самых изощренных технических средств — лессировок, создания фактур с помощью отпечатков тканей, рембрандтовской живописи пальцами. В этом традиционное внимание к индивидуальной технике, свойственное большим художникам.

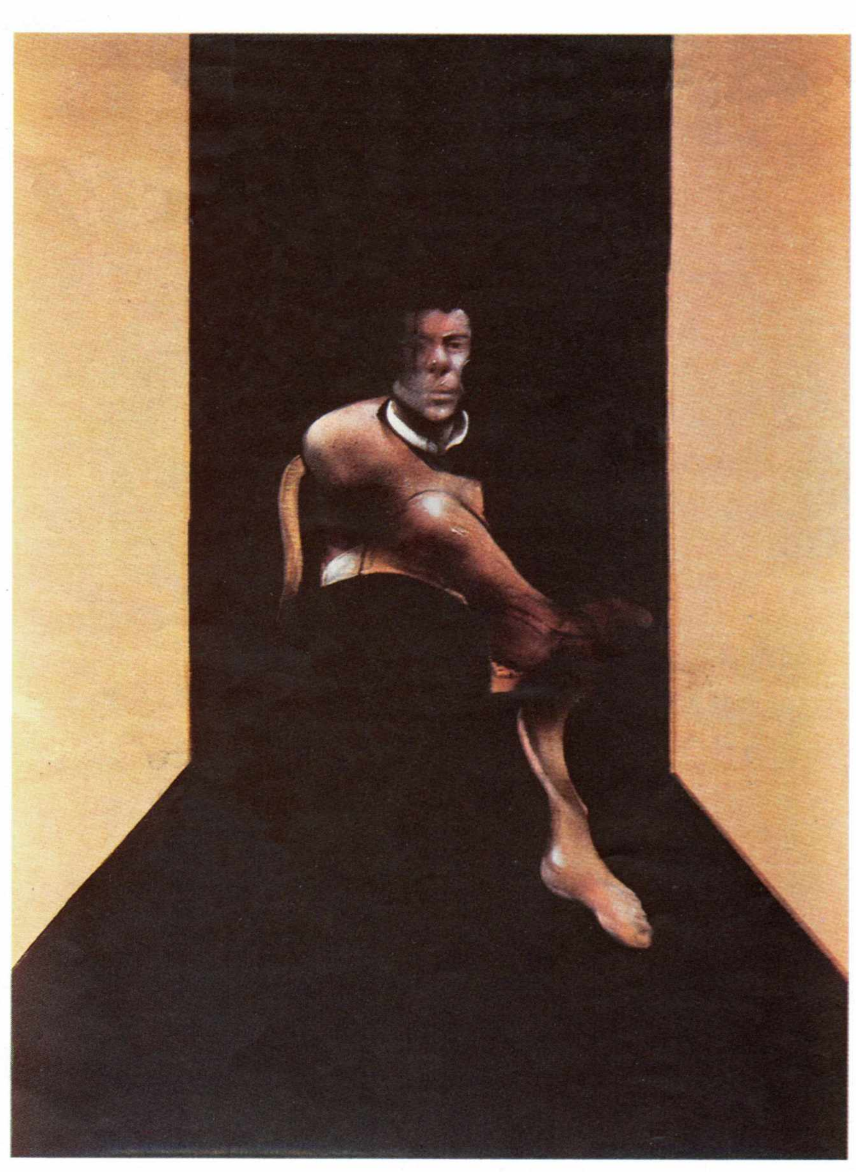
В одном из интервью Фрэнсис Бэкон сказал, что его картины не могут нравиться, значит, он отдает себе отчет, что его художественное утверждение не позитивно, а негативно. Творчество Бэкона исследователи называют «анатомией ужаса», «историей болезни человечества», «шоковой терапией в красках», «вселенной отчаяния». Самого мастера именуют «великим инквизитором», «живописцем агонии». И действительно, персонажи Бэкона, портреты друзей и близких, автопортреты напоминают узников-смертников. Неудивительно поэтому, что для организации большой ретроспективной выставки Бэкона в галерее Тейт в Лондоне в 1985—1986 годах не нашлось спонсора среди корпораций. Ни одна богатая компания не захотела связать свое имя с этим пророком Страшного суда.

Как реалист, Бэкон отражает мир вокруг себя, и если этот мир ужасен, то ужасны и образы, отразившиеся в зеркале творчества. Обличая цивилизацию XX века, которая принесла людям больше ужаса, чем темное средневековье, породила страх и отчаяние, Бэкон утверждает добро, в этом гуманистическое значение его творчества.

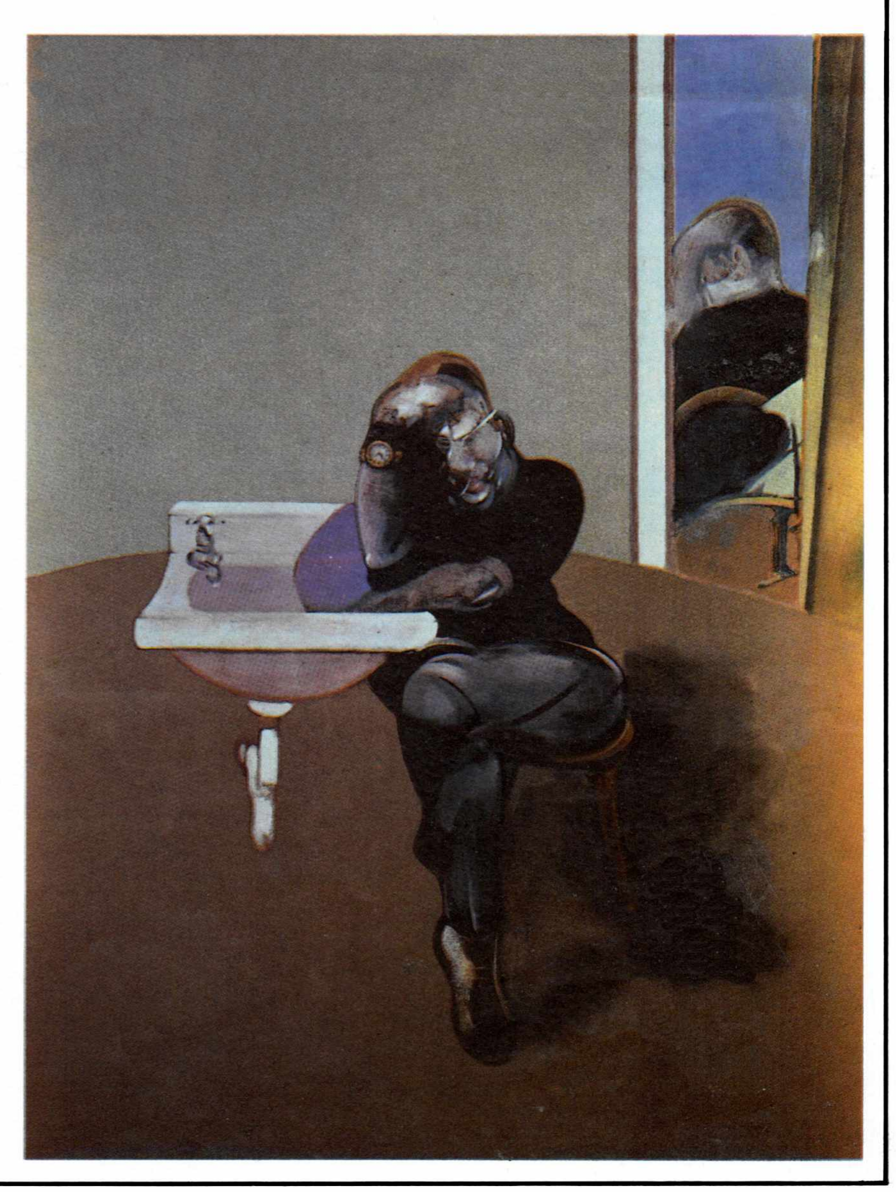
Любимый поэт Бэкона, Томас Элиот, писал: «Вот как кончается мир, только не взрывом, а взвизгом». Бэкон в своих полотнах предупреждает нас об этом.

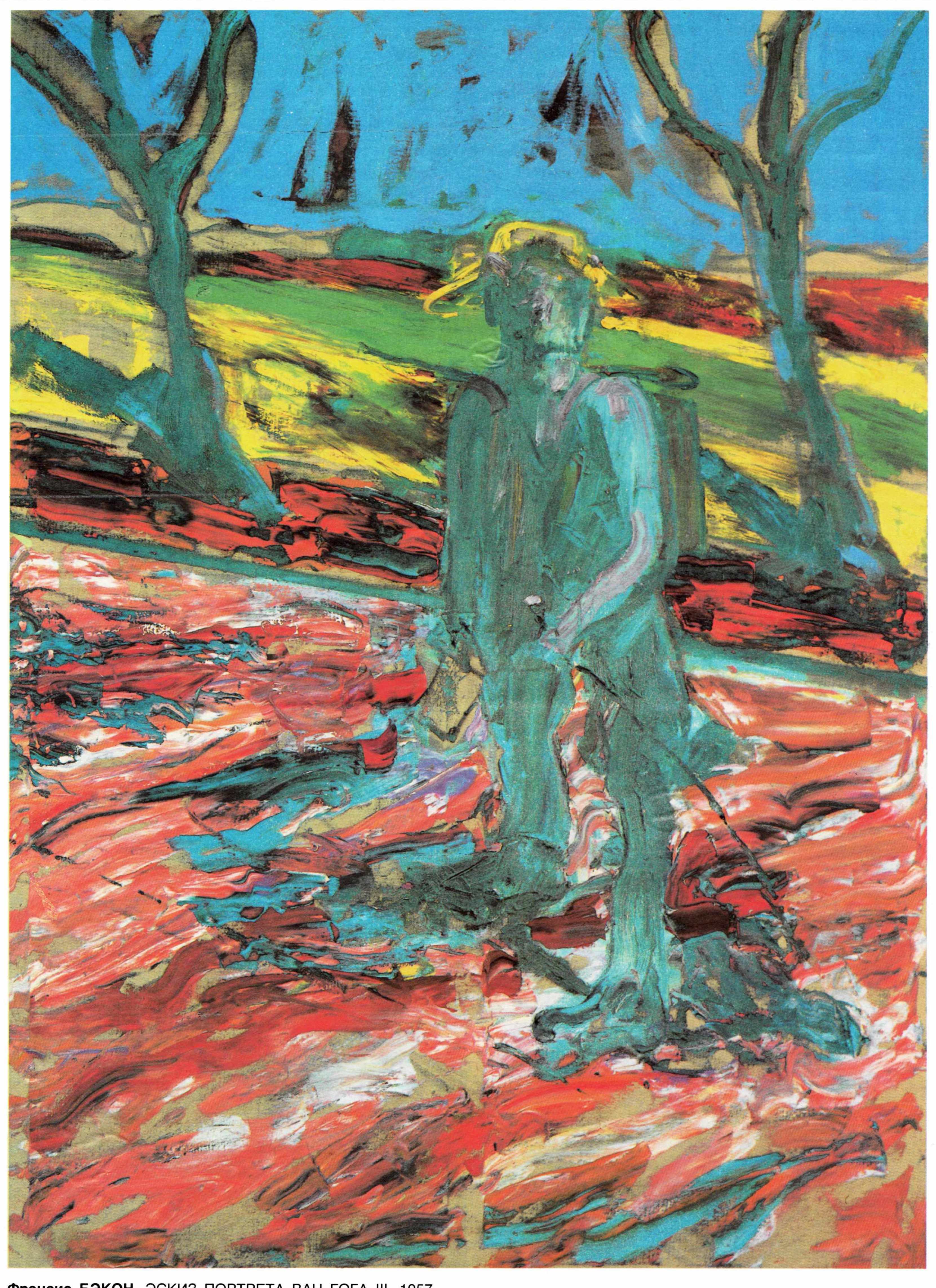

Фрэнсис БЭКОН. Род. 1909.
ЭСКИЗ ПОРТРЕТА ДЖОНА ЭДВАРДСА. 1988.

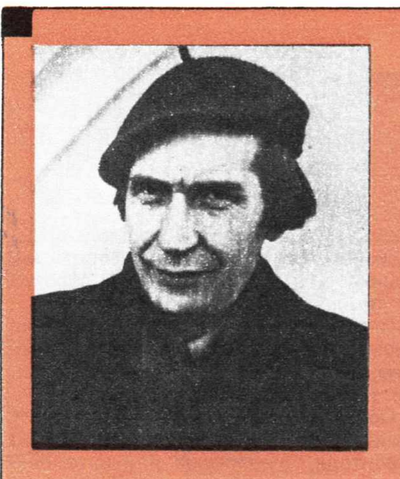

АВТОПОРТРЕТ. 1973.

Фрэнсис БЭКОН. ЭСКИЗ ПОРТРЕТА ВАН ГОГА III. 1957.

Глеб СЕМЕНОВ

(1918—1982)

Печататься начал с 1935 года. Замечательный воспитатель поэтической молодежи Ленинграда. Неброский, но тончайший мастер стиха. Все предлагаемые вашему вниманию стихотворения Глеба Семенова при его жизни опубликованы не были.

* * *

Я иду сутулый, но прямой,
а кругом косые взгляды ваши:
неприлично — брюки с бахромой,
срамота — ботинки просят каши.

Каша... А за столиками жрут.
Лимонад... А перед каждым водка.
Доблестный у вас, конечно, труд,
у меня же — так себе, работка!

Ах, и мне б костюмчик на заказ,
крашеную девку напоказ,
тонкую усмешку, толстый бас,
но едва взгляну на ваши лица —

чтобы души выросли у вас,
кто-то ж должен, думаю, молиться!

* * *

За руки белые меня
берут, как хулигана.
Две гимнастерки, два ремня,
два вежливых нагана.

На все четыре сапога
подкована свобода.
Я сразу вырос во врага
перед лицом народа.

Меня сгибают пополам,
пихают в «черный ворон».
А вся Россия по углам
за нищим разговором.

Толкует про житье-бытье,
пьет мертвую со скуки,
пока мне именем ее
выкручивают руки.

РОДИНЕ

Иду, столбы считаю,
ни встречи, ни привала.
Взметни воронью стаю,
чтоб даль не пустовала.

Швырни проселок в ноги
от большака налево.
Да трактор у дороги
поставь ржаветь без гнева.

Да в час похмельной злобы
каблук в грязи оттисни.—
Как мало нужно, чтобы
своим прослыть в отчизне!

Как много нужно, дабы
мою судьбу сыновью
пронзило навсегда бы
той странною любовью!

МОЛИТВА

Разнотравье... солнце... благодать...
воля... всех ко всем
благоволенье...—
Господи!
Дай силы совладать
с проливным восторгом говоренья!

Прикажи — и онемею!
Покажи, что права не имею
говорить вот так вот — задыхаясь
от желанья видеть только небо,
слышать только жаворонка в нем...
Господи!
Верни меня, потребуй
в первозданный коммунальный хаос,
пахнущий постелью и жраньем.
Окуни в корыто перебранок,
чтоб повадно не было;
ключи
отбери отдельные;
под краном
голову на кухне намочи.
Научи не огрызаться —
облегчи, о господи, казаться
ничего не любящим на свете,
так вот и живущим не любя!
Все мои стихи — хотя бы эти! —
спрячь подальше, даже от себя...
Взгляд мой погаси,
и вздоху
вырваться наружу не давай;
корку припаси — не каравай;
поднеси на блюдечке эпоху:
лучшую —
заблудшую — мою...
Господи...
Молю и слезы лью!

Марк ШЕХТЕР

(1911—1963)

Родился в 1911 году в Екатеринославе в семье врача. Печататься начал с 1929 года. Первый сборник, «Конец Екатеринослава», вышел в 1936 году. Работал в редакции армейской газеты на Брянском и Первом Украинском фронтах.

* * *

Зачем глаза и губы мне,
И всепрощающие уши?
Душа кричит наедине,
А ты ее не вправе слушать.
Глухонемой, веселым стань:
Тебе подобных в мире много!
Прилипла к языку гортань,
И камни окликают бога.

ЕЩЕ НЕДАВНО

...Из собственного пить бокала?..
— Вести беседы не при всех?..
В те годы Правда не сверкала,
Грехом считался даже смех.
Плелось усталых мыслей стадо,
Мечта была не по плечу:
В республике искусства — «надо»
Преобладало над «взлечу».

Павел ШУБИН (1914—1951)

Родился в семье сельского мастерового Орловской губернии. Первые две книги «Парус» и «Ветер в лицо» вышли еще до войны. В годы Великой Отечественной работал во фронтовой печати на Волховском, Карельском фронтах. Стих Шубина несентиментальный, крепкий, иногда переходящий в жесткость, но всегда на профессиональном «мастеровом» уровне.

ПОЛМИГА

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только
До той вон канавы
Полмига,
Полшага прожить:
Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.
Мне б только
Вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!
1943

Василий ФЕДОРОВ (1918—1984)

Сын каменщика, Федоров вырос в сибирской деревне. Во время войны работал в Сибири на авиазаводе мастером кузнечного цеха. Окончил Литинститут. Автор ряда эпических поэм, из которых наибольшую известность приобрела «Проданная Венера».

РАБСКАЯ КРОВЬ

Вместе с той, что в борьбе
проливалась,
пробивалась из мрака веков,
нам, свободным, в наследство
досталась
заржавелая рабская кровь.
Вместе с кровью мятежных,
горячих,
совершавших большие дела,
мутноватая жижица стряпчих,
стременных —
в нашу жизнь затекла.
Не ходил на проверку к врачу я,
здесь проверка врача не нужна.
Подчиненного робость почуя,
я сказал себе:
это она!
Рос я крепким,
под ветром не гнулся,
не хмелел от чужого вина,
но пришлось —
подлецу улыбнулся,
и почувствовал:
это она!
Кровь раба, презиравшая верность,
рядом с той,
что горит на бегу:
как предатель,
пробравшийся в крепость,
открывает ворота врагу.

Алексей НЕДОГОНОВ (1914—1948)

Учился в Литинституте (1935—1939). Участник Великой Отечественной. Получив в 1948 году Сталинскую премию за поэму «Флаг над сельсоветом», где были талантливые куски, как, например, отобранный для этой антологии, погиб под трамваем. Трудно предугадать, как мог бы развиваться Недогонов — либо в сторону бесконфликтности, уже обозначенной в канве этой поэмы, идеализирующей жизнь послевоенной деревни, либо в сторону настоящей поэзии. А ее блестки нет-нет и выныривали из холодноватого ремесленного потока его поэзии, под которым, возможно, скрывалась так и не исповеданная Недогоновым человеческая трагедия.

ФЛАГ НАД СЕЛЬСОВЕТОМ
(фрагмент из поэмы)

От зари до зари
через сотни синих рек,
сквозь чужие пустыри
едет, едет человек.

Тишина оглушена,
бьют копыта в тишине;
едет, едет старшина
по Европе на коне.

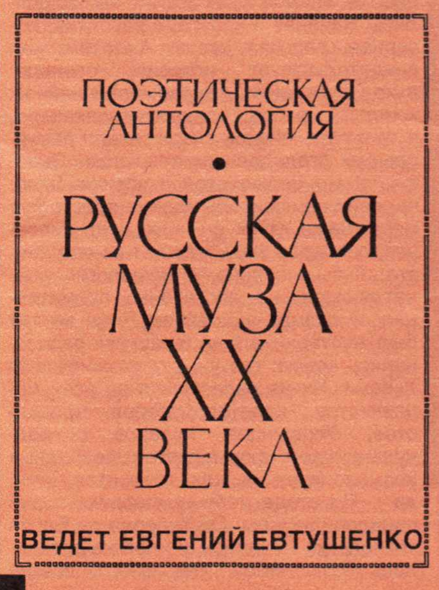
Впереди — холмы, холмы,
да костелы, да мосты;
сзади — горькие дымы,
да могильные кресты.

За плечами — тишина,
пред очами — путь прямой.
Едет, едет старшина
Из Германии домой.

Едет молча на Десну
мимо леса, вдоль села —
той дорогой, что в войну
на Германию вела.

И повеяло степным,
луговым,
лесным,
цветным,
чем-то дальним и родным —
откровением земным.

Тишина оглушена,
бьют копыта в тишине;
едет, едет старшина
по России на коне...

Владимир ТУРБИН

«ЗАПРЕТИТЬ ПИСАТЬ И

НАД ДНЕВНИКОМ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Шевченко огромен. Шевченко категоричен: и природа, и люди, и вещи, как правило, явлены у него вне состояний промежуточных, переходных. Вне колебаний, полутонов. У него нет мерцания: только горение — пожарищ, костров, страстей. У него нет сумерек: тьма так уж тьма. Что в природе, то и в душе: тьма отчаяния, которая разрешается то мученическими мужскими слезами, то не знающим удержу бунтом его героев.

Нам, утонченным или, может быть, несколько преждевременно претендующим на утонченность, Шевченко кажется пусть и уважаемым, достойным всяческого почтения, но в чем-то оставшимся в прошлом: трудно связуется он с разветвленным индустриальным миром, с расщепленностью наших знаний, с нарастающей раскрепощенностью нравов. Но — связуется. И очень наглядно, естественно. Органично. Связь здесь — в удивительно поставленном у поэта чувстве сущей или нарастающей катастрофы.

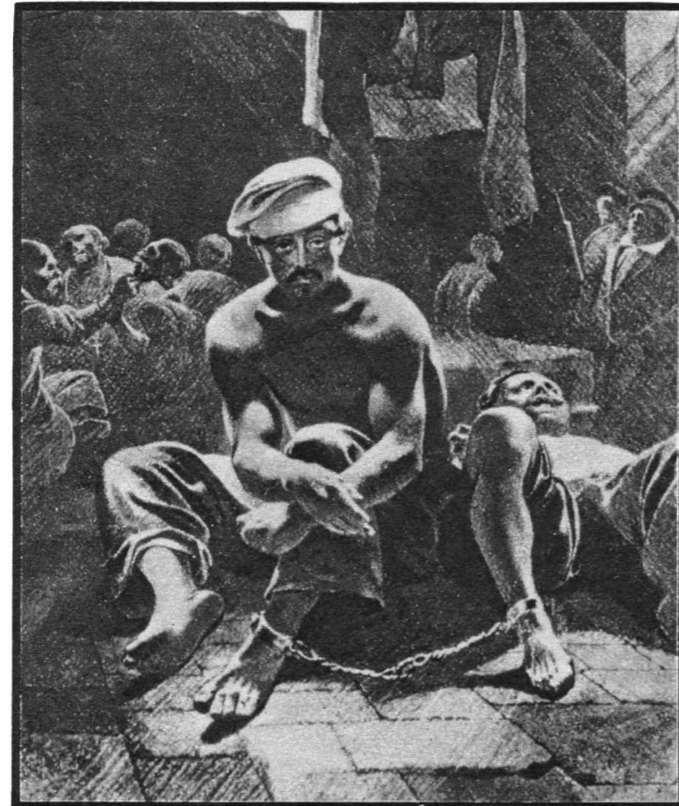
Опомнитесь! Будьте люди
Иль горе вам будет:
Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы,
Детей ваших кровь польется
В далекое море
Сотней рек. Вам ниоткуда
Помощи не будет:
Брат от брата отречется;
Сын про мать забудет;
И дым тучею закроет
Солнце перед вами,
И прокляты вы будете
Своими сынами.
Умойтеся! Образ Божий
Грязью не поганьте! —

возвещает поэт в послании «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим...» (перевод В. Державина). Что именно предрекает Шевченко? Подставлять в его апокалипсические провидения некие конкретные события, социальные происшествия, совершившиеся потом, неразумно. Тут как в музыке: гремит она гласом свыше, и границы ее применения безмерны в пространстве и времени. В наши дни провидения поэта могут быть отнесены и к Чернобылю, и к потенциям внутриславянских раздоров, хотя в равной степени и «всего лишь» к каким-нибудь единичным случаям, скажем, к преуспевающему взрослому сыну, мать которого доживает свое в богадельне. Не Чернобыль. И не Хиросима. Но негоже измерять катастрофичность числом жертв.

А такого не хотите? «Как быстро и горячо исполняется приказание арестовать. Так, напротив, вяло и холодно исполняется приказание освободить... Отчего же эта разница?» Про кого это он? Про какие он времена?

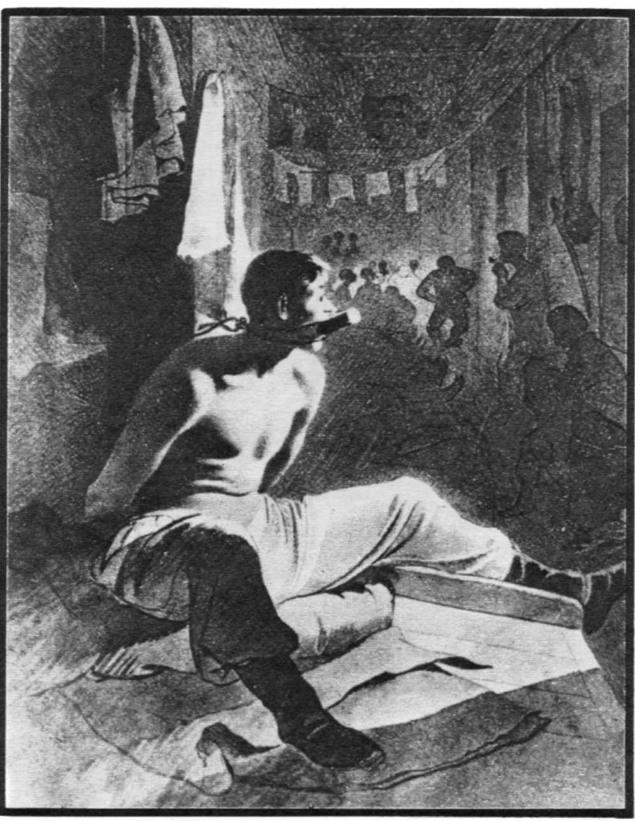
Не объять мне творчества поэта, конечно. И я — только о его дневнике 1857—1858 годов, о документе интимном. Он слагался на грани солдатчины, узничества и свободы, в ее ожидании, а потом — в путешествии пароходом по Волге. Документ этот — ключ к творчеству Тараса Шевченко. К его поэтике. К пониманию образа самого Шевченко. Как-то казаки-уральцы, увидев поэта «с широкою, как лопата, бородою, тотчас смекнули делом, что — непременно мученик за веру». Опустим смешное: есаул-старовер бухнулся на колени, испросил у поэта благословения, и тот благословил его «самым раскольничьим крестным знамением». Шевченко казаков разыгрывал, но они, может статься, не так-то уж и не правы были. Они что-то почувствовали: в политическом мученике они применительно к своим представлениям усмотрели мученика религиозного. Ничего, простим их темноту. Но каким-то народным чутьем они в пришлом человеке мученика прозрели; и они нашли слово, связующее Шевченко и с глубокими традициями, и опять-таки с нашими днями.

Образ мученика, увы, выдвигается ныне на первый план, тесня образ строителя, хлебопашца или интеллектуала-мыслителя, проникая в них, подсвечивая их небывалым трагическим освещением. И искусственно ограничивать его невозможно. Пройдет время, все, думаю, сладится, гармонизируется. А пока наиболее актуальным произведением русской литературы прошедших веков остается «Житие протопопа Аввакума», им самим же и сложенное,— тоже, если угодно, дневник. Его отзвуки — и в леденящих «Колымских рассказах» Варлама Шаламова, и в поэзии, и в научной историографии. От принятия терниев мученичества за веру Шевченко, посмеиваясь, открещивается. Но традиция бывает сильнее ее носителей, и она овладевает ими прежде того, как они — порою не без удивления — могут ее осознать. И дневник Шевченко — тоже фрагмент жития. Ироничного по отношению к себе самому. Саркастического, но в то же время и на удивление спокойного там, где речь идет о мучителях, а где мученик, там должны же быть и мучители.

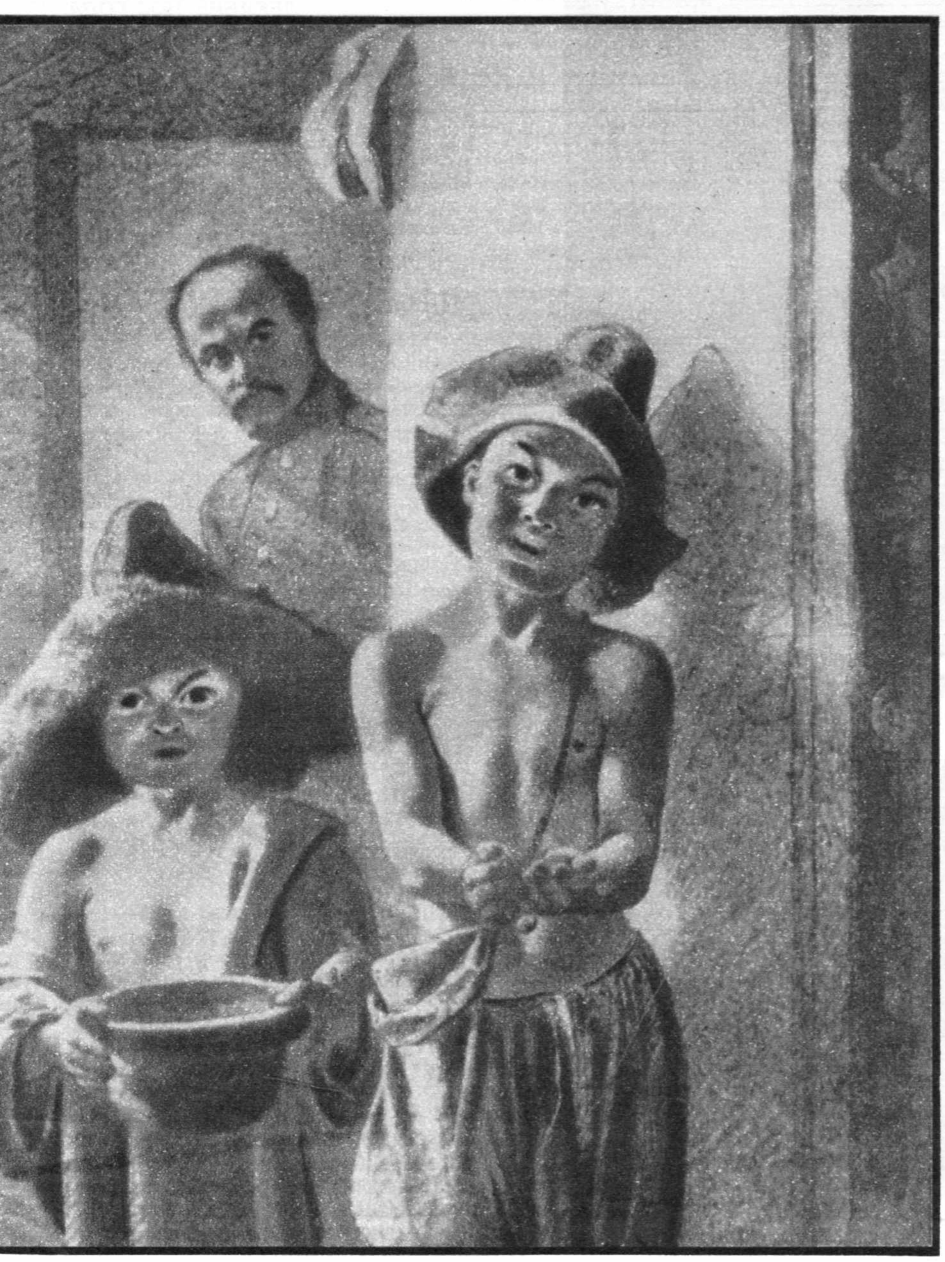

В ТЮРЬМЕ. 1856—1857.

НАКАЗАНИЕ КОЛОДКОЙ. 1856—1857.

Их хватало. И надо сказать, что мучительство — тоже в своем роде искусство: оно требует, во всяком случае, и какой-то изысканности, и дара изобретательности. Жертву мало уничтожить, убить; ее надо унизить, не позволив ей войти в историю в сверкающем ореоле. И уж тут как только не изощрялись! Начиная с креста, с распятия: позорная, рабская казнь. А потом, как свидетельствует история, осенило: в ход пускали и... львов: невиннейших христиан, рабов, вольноотпущенников, а то и патрицианок скармливали разъяренным оголодавшим зверюгам. Экзотично! Но целью этой экзотики было: человек не носитель идеи, а просто кус мяса. Даже гаже: он — то, что животное, пообедав им, исторгнет из-под хвоста. Львы, конечно,— технология впечатляющая, но достаточно примитивная. И размах в Древнем Риме не тот был, кустарничали. А в наш век размахнулись вовсю, где уж тут разживешься львами. Их не напасешься на всех монархистов, кадетов, эсеров, троцкистов, бухаринцев, кулаков с подкулачниками, формалистов, безродных космополитов и, как говорится, «мн. др.». Тут стада, табуны, фабрики львов понадобились бы. От Тиберия до Берия технология менялась, но логика оставалась незыблемой: уничтожить всегда

Т. ШЕВЧЕНКО. КАЗАХСКИЕ ДЕТИ-БАЙГУШИ. 1853.

гонителей Шевченко слова «солдат» и «кукла» — синонимы. Поэт, напротив,— олицетворение души, душевности, выразитель жизни души; тем более таковым был поэт-живописец и поэт, несомненно, повышенной музыкальности. Обратить поэта в солдата — посвоему любопытный эксперимент: Полежаева было мало, Шевченко для политического террора тогдашних времен был просто-таки драгоценной находкой. Единичным объектом эксперимента. Подопытным. И он сознает отведенную ему роль, сознавая одновременно, что она, хотя и в меньшей степени, уготована и другим: «Бедная рота... умытая, причесанная, нафабренная, выстроилась на полянке, точно игрушка, вырезанная из картона». К счастью, дело происходило в России: начертавши запрет, государь-император здесь и остановился. А как реализовать высочайшую волю? Приставить к солдату-крамольнику другого солдата, каких-то унтер-офицеров, командира роты и батальона? Предписать им неустанно следить за каждым движением эксцентричного малороссиянина: мол, а что он там пишет, в строчку или же в столбик, сиречь стихи? А отняли ли у него карандаш? Находились и «бездушные исполнители приговора», исполняли его «с возмутительною точностью». В остальном же поэта окружают люди, живущие как-то спустя рукава. Очень надо им было за поэтом следом ходить, своих делишек хватало: женились, рядились и переругивались из-за приданого, поторговывали, в картишки играли да пили, пили и пили. То поэта выручала доброта сострадавших ему, то обычная безалаберность, воистину оказавшаяся спасительной.

Что еще? Террору важно инфантилизировать жертву. Представить ее ребенком. Несмышленышем. Младенцем, дитятей. И террор наказует «отечески», действуя на лоне якобы дружной семьи. «Сын» не слушается «отца»? Перечит ему? В семье его ставят в угол. А в семье, которая якобы создается и сплачивается террором, непослушных ссылают — ставят в угол. «У нас нет Сибири,— посмеиваясь, говорил мне

для того, чтобы сохранять ее в целости. Победителей не судят? Но, перефразируя поговорку, можно сказать и так: победители не судят. Зачем это им? И Шевченко не помышляет замутить свою душу даже тайным судом над мучителями.

Проходящее перед ним ему видится «отвратительным спектаклем». Он видит «балаганную сцену». Он записывает: «Третьего дня вечером был я случайным зрителем... водевиля...»

В какой мере эти спектакли, балаганы и водевили локальны? И только ли на непосредственно окружающее поэта распространяется его уподобление жизни театру с кривляками-актерами и с бездарнейшей режиссурой?

Подводя итоги томительной ссылке, поэт говорит: «Правда, в продолжение этих десяти лет я видел даром то, что не всякому и за деньги удастся видеть. Но как я смотрел на все это? Как арестант смотрит из тюремного решетчатого окна на веселый свадебный поезд».

Жизнь — свадебный поезд, наблюдаемый через решетку. Жизнь — зрелище. Вся она, включая сюда и планомерный террор императора, и пьяный дебош самодура-вояки,— предмет медитаций. Глубокого осмысления; несомненно, у Шевченко и задатки естествоиспытателя были, и он реализовал их в ссылке: не судил — изучал. Результаты оказывались благими.

«Странно еще вот что,— записывает Шевченко.— Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня... Хорошо ли это? Хорошо. По крайней мере, мне так кажется. И я от глубины души благодарю моего всемогущего создателя, что он не допустил ужасному опыту коснуться... моих убеждений, моих младенчески светлых верований».

Как назвать это? Силой духа? Невозмутимостью веры, не допустившей поэта до участия в балаганах и в водевилях, до препирательств с мучителями на их языке, в их понятиях? Так ли, иначе ли, но он неустанно благодарил «всемогущего человеколюбца, даровавшего» ему «силу души и тела пройти этот мрачный, тернистый путь, не уяз-

РИСОВАТЬ»

успеется, прежде важно доказать предельную невзрачность, неприглядность, отвратительный характер враждебной или просто непонятной идеи. Подчиняясь той же логике, о художниках-авангардистах надо кричать: «Пачкуны!» Словом, всякий террор — это не просто, так сказать, машинообразное уничтожение. Это сложный социально-психологический, а в конечном счете и богоборческий эксперимент. Цель его — уничижение, прижизненное низвержение инакомыслящих. В преисподнюю, верша таким образом некий страшный суд, опережающий суд, предстоящий всем нам: никакой не Бог, а мы, земные властители, вольны вершить окончательный суд над идеями, верованиями, науками и художествами. И террор — это страшный суд в плагиативном, в земном его варианте. Оттого-то, кстати, он и содержит в себе некое непристойное обаяние, привлекательность, провоцирующую на участие в нем широчайших масс: соблазн, прелесть, прельщение — оказаться в числе судей, даже судей над судьями, и требовать от суда растерзания уготованной жертвы.

Приговор, высочайше вынесенный Тарасу Шевченко, характерен некоторой изысканностью; был проявлен, понынешнему сказать, индивидуальный подход: «Строжайше запретить писать и рисовать». И Шевченко прав, говоря слова, которые неизменно цитируют, не всегда, смею думать, вникая в их глубину: «Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора». Сатана упомянут не зря. Прошло время средневековых пыток, отрубания рук, выкалывания очес. Тогда грубо работали: человек, у которого выкололи глаза,— уже мученик. Руки отрубить — мученик вдвойне и втройне. Миллионы жертв, убиенных, груды опознанных и неопознанных трупов — это, конечно, ужас, но все же основным объектом террора была и остается душа. Ее-то и надо выбить. Так сказать, выдуть из человека. Не дать ей выявить себя. Взрасти. А что надо? Превратить человека в куклу. Как Шевченко отвечает на посягательства на душу его? Не судом: он не судит своих мучителей. Не взрывами ярости. Он дает нам поистине непревзойденные образцы спокойного, почти научного наблюдения над тем, как из него пытаются сделать куклу, заставить его «стать навытяжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина».

С точки зрения тиранов всех мастей, испокон веков идеальный солдат — это прежде всего солдат нерассуждающий и выполняющий все, что приказано, почти полное приближение к кукле.

На современном языке говоря, роботизация — мечта тирана. То есть для в 1970 году мой товарищ из Чехословакии.— У нас некуда ссылать провинившихся, поэтому палачи и жертвы продолжают жить рядом, на одной лестничной площадке».

Но у нас Сибирь есть — до Колымы простирается. На худой конец нашли Мангышлак. И Шевченко поставили в угол — сослали. Все было последовательно: сначала как бы вернуть человека в детство, потом обращать его в куклу. По замыслу сатанинского трибунала эволюция совершается как бы в обратном порядке: от зрелости — к детству, от детства — к кукле, проделывающей «ружейные приемы». А далее — к кукле растерзанной: и глаза прокололи, и руки повыдергали; не рисует, не пишет.

А Шевченко что же? А Шевченко боролся. Бороться можно по-разному. Русский — очевидно, и украинский тоже — бунт, по Пушкину, не лучшая форма борьбы. И никак уж не абсолютная. Гениальные «Гайдамаки» Шевченко запечатлевают бунт его соотечественников отнюдь не исключительно в положительном свете; и недаром же в изгнании вспоминает он «и своих кровожадных Гайдамаков». Он может в сердцах обругать своих палачей и гонителей: «Мерзавцы!» Но в целом борьба его сейчас направлена не вовне, а вовнутрь себя: тирания хочет отнять, растоптать его душу, а он делает все вив себя и не унизив в себе человеческого достоинства». И преобладающие интонации того, что писал Шевченко,— интонации продуманные и твердые: «Мимо, пройдем мимо, минувшее мое, моя коварная память! Не возмутим сердца... недостойным воспоминанием, забудем и простим темных мучителей наших...»

Шевченко, если так можно сказать, катастрофопредвидящ. И, возможно, закономерно, что его привлекает сюжет живописного полотна, на котором «Иван Богослов проповедует на острове Патмосе во время праздника вакханалий». Те места, куда был заброшен Шевченко, пародийно напоминали остров, на котором слагались дивящие мир пророчества, симфония Апокалипсиса; но поэтика гениального ссыльного, все его мироощущение по-серьезному родственны этой симфонии. Говорят, что русское мышление апокалипсично. Украинское, думаю,— еще более. Но при этом собственную свою катастрофу поэт день за днем, то скорбя, то поселянски посвистывая, обращал в противоположность катастрофы: в нарастающий победный триумф. Он спокойно анализировал происходящее с ним и вокруг него. Он осмысливал свое место в истории родной Украины и ее место в истории государств и народов.

И душу свою поэт отстоял: эксперимент, проделанный с ним, провалился.

ДЕКАБРЬ 1930 ГОДА. ВСЕХ ВЗВОЛНОВАЛ ПРОЦЕСС «ПРОМПАРТИИ», ПЕРВЫЙ ИЗ СЕРИИ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ НАД «ВРАГАМИ НАРОДА». ПРОШЛО ПОЧТИ 60 ЛЕТ, МАЛО КТО ЗНАЕТ О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕПРАВОГО СУДИЛИЩА НАД «ЧЛЕНАМИ» МИФИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. В ЛИТЕРАТУРЕ, ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ СУТЬ ПРОЦЕССА ИСКАЖЕНА, ДАВАЛОСЬ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЕ ЕГО ОПИСАНИЕ.

ТРАГЕДИЯ РАМЗИНА

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Георгий ХУДЯКОВ

Страна жила напряженно. В 1929 году с новой экономической политикой покончили. Прекратилась частная торговля, закрылись кустарно-промышленные производства, были национализированы последние частные фабричонки, даже и церковное имущество. В том же 1929 году началась массовая — сплошная, как тогда писали — коллективизация деревни. Она осуществлялась быстро, с применением репрессивных мер не только к зажиточным хозяевам, но и к середняку.

Начатые работы по плану первой пятилетки были плохо подготовлены: на строительных площадках не хватало материалов, отсутствовали грузовые автомашины, бульдозеры, бетономешалки... Не хватало инженеров, техников и рабочей силы. Тогда для работ на стройках провели мобилизацию городских коммунистов и комсомольцев. Были приглашены иностранные специалисты из фирм, поставлявших оборудование.

Часть старых отечественных инженеров и специалистов, которые работали у фабрикантов, относилась к новым условиям строящей социализм страны без энтузиазма, плохо и даже озлобленно. Поэтому и многие трудящиеся — рабочие, служащие, особенно молодежь — относились к специалистам как к классовому врагу. Более того, в 1928 году началась кампания по запрещению ношения форменной одежды (пальто, костюм, брюки и фуражка) со значками — кокарды и петлицы,— отражающими техническую специальность инженеров и техников, а также профессоров, преподавателей и студентов, обучающихся в институтах и техникумах. В высших и средних учебных заведениях провели кампанию проверки на благонадежность профессорско-преподавательского состава.

Партией был выдвинут лозунг: «Лицом к технике, к техническим знаниям». Однако сложности в стране все нарастали и нарастали. Среди населения было много обиженных. Потерялось чувство доверия друг к другу. В народе нарастали сомнения в правильности политики столь поспешной ломки, начали открыто говорить и о неправильном курсе Сталина.

И тогда Сталин совместно с преданными ему сотрудниками аппарата ЦК ВКП(б) решил организовать показательный судебный процесс. В качестве подсудимых привлекли лиц из круга старой инженерно-технической интеллигенции. Эти специалисты работали на ответственных постах, но якобы без надлежащего контроля со стороны партии...

Судебный процесс должен был показать народу, что трудности возникли по вине «вредителей», которые якобы объединились в подпольную организацию. Осуществление неслыханного процесса позволило бы, по замыслу автора, отвлечь внимание людей от реальных, серьезных трудностей в стране; и одновременно суд будет устрашением для специалистов, будто бы мечтавших о реставрации капитализма в России.

И вот начались аресты инженерно-технических работников, других специалистов, работающих в разных ведомствах, на заводах и стройках. В конце 1930 года начался процесс некоей «промпартии». Как дружно сообщили газеты, бдительными органами ОГПУ, наследником ЧК, была «раскрыта» подпольная контрреволюционная шпионско-диверсионная организация, действовавшая в СССР с 1926 по 1930 год. Цель — свержение Советской власти и реставрация капитализма в России при помощи иностранной военной интервенции.

Руководителем «промпартии» объявили профессора Леонида Константиновича Рамзина. Известие о раскрытии «промпартии» всколыхнуло всю партийную и советскую общественность: так это они, вредители, создали трудности в нашей стране! Они, только они в тяжелой промышленности, на транспорте, на стройках исхитрились создать диспропорцию между отраслями народного хозяйства, стремились омертвить капиталы, сорвать индустриализацию страны!.. Вредительские группы готовили диверсии на фабриках, заводах и на транспорте!..

Читатели, участники митингов верили, верили...

Кто же такой он, профессор Рамзин? Из сохранившейся автобиографии узнаем, что Леонид Константинович родился в селе Сосновке Тамбовской губернии, русский, отец и мать были учителями там же, в Сосновке под Моршанском. Окончил Тамбовскую гимназию с золотой медалью, а в 1914 году также с отличием окончил МВТУ, был оставлен аспирантом на кафедре теплотехники, вел работы в лаборатории паровых турбин. В общем, стал выдающимся специалистом. А в 1920 году его избрали (!) профессором. Он был и членом комиссии ГОЭЛРО, и членом Госплана СССР, а с 1927 года — член ВСНХ СССР.

В одном из судебных заседаний подсудимый Рамзин обрисовал «свою» организацию как весьма конспиративную. Тут и система обособленных связей по цепочке, никто ничего не знал друг о друге: контакт только через верховные звенья. Но и в одной и той же цепочке высшее звено не имело кон-

такта со звеньями периферии... Центр «промпартии» состоял из пятидесяти человек, непосредственно к центру примыкали еще пятьсот человек... Скажете, бред? Но тогда все сошло за чистую монету...

7 декабря 1930 года Верховный суд СССР приговорил участников по делу «промпартии» к различным срокам тюремного заключения, а профессора Рамзина, а также Ларичева, Калинникова, Федотова, Чарновского — к расстрелу. Однако 9 декабря расстрел заменили десятилетним сроком тюремного заключения.

После объявленного приговора начались по стране митинги трудящихся. За раскрытие вредительской организации выступающие благодарили работников ОГПУ, клеймили позором преступную банду, обещали быть бдительными на своих местах. И еще лучше работать на благо Родины, не считаясь с трудностями жизни...

Я в 1930 году работал на строительстве Челябинского тракторного завода — на четвертом промучастке и на себе испытал тяжелые условия того времени. Но я был комсомольцем и верил, что в газетах писали правду, что трудности вызвали классовые враги, которые жили вместе с нами, но умели маскировать свое грязное дело. А приговор Верховного суда СССР по делу «промпартии» только усилил мою веру в правильность моих убеждений. И все же помню, что у многих товарищей, в том числе и у меня, возникали непрошеные вопросы: как так случилось, что в ответственных учреждениях страны оказались главари вредительства, да еще в лице таких талантливых специалистов? И какими такими путями удавалось им, крупным знатокам науки и техники, осуществлять скрытую деятельность своей вредной партии с 1926 по 1930 год? И она никем не была замечена — ни руководителями или сотрудниками Госплана, ВСНХ? Ни даже органами ОГПУ? Хотя вредители работали под наблюдением всех этих организаций?.. А почему же не привлекли к судебной ответственности работников ОГПУ за недосмотр?..

Как показывает фальсифицированная история тех времен, провокационный судебный процесс над членами «промпартии» будто бы сыграл положительную роль. Он якобы мобилизовал энтузиазм трудящихся, народ перестал высказывать недовольство и отныне терпимо относился к имеющимся недостаткам; процесс помог привлечь к трудовой деятельности старую техническую интеллигенцию...

В обвинительном акте по делу «промпартии» отмечалось, что к ней тяготели около двух тысяч инженеров страны. Органам ОГПУ и прокуратуре пришлось с ними познакомиться... Была проведена большая «воспитательная работа», и все они перестроились, уже не думали о реставрации старого режима в России... Как показывает та же история, опыт с процессом над «промпартией» вдохновил Сталина на проведение новых судилищ в стране, организация которых теперь уже не согласовывалась даже с членами Политбюро.

Позднее — после окончания института — я работал в лаборатории № 2 Энергетического института имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР. Туда же поступил на работу и профессор Рамзин, где я с ним познакомился. Для меня встреча была неожиданной. Я буду работать в одном коллективе с человеком, осужденным на десять лет тюремного заключения!.. А как же срок, который, очевидно, еще продолжается? Леонид Константинович появился в лаборатории без охраны, он был хорошо одет, активный в движениях, общительный с нами, работниками лаборатории. Но мне не было известно, что профессор еще в феврале 1936 года был амнистирован, а в тюрьме он вообще не сидел и работал в особом заведении, в режимных условиях.

Рамзин был человеком среднего роста, седой, энергичный, общительный, но как бы с маской на лице. По выражению его лица невозможно было понять его внутренние переживания: радость или печаль, недовольство или безразличие к собеседнику... Очевидно, сказалось на характере и то, что он дал согласие «возглавить» несуществующую партию. Сломанная жизнь — это трагедия личности... Он освоился в лаборатории, принимал участие в обобщении экспериментального материала, давал квалифицированные советы.

В июне 1941 года началась война, наш институт был эвакуирован в Казань. В лаборатории выполнялась работа, связанная с нуждами фронта. Мне приходилось встречаться по работе с разными специалистами. Некоторые из них, как они рассказывали, в свое время привлекались по делу «промпартии». Обычно разговор на эту тему начинался с имени Рамзина.

Профессор М. В. Кирпичев, которого много позднее избрали академиком, рассказал мне, что он был арестован и судим по делу «промпартии», а обвинили его в том, что он под руководством Рамзина выполнял контрреволюционные задания по свержению Советской власти, руководил «группой вредителей» в промышленности. Он рассказал: «Я сын профессора, и наша семья никогда не была реакционно настроена к Советской власти. В нашей семье никто не думал о политической карьере. После учебы я работал только в области науки и техники. На следствии я все обвинения категорически отклонил и говорил, что это клевета; может быть, вкралась ошибка и перепутали мою фамилию. Я просил и требовал устроить мне очную ставку с Рамзиным. Очная ставка была прокурором разрешена. Перед встречей на очной ставке с Рамзиным я много думал (волновался и переживал) над вопросами, какие я должен задать Рамзину, чтобы доказать мою невиновность и неучастие в «промпартии». Сильно волнуясь, я сразу задал Рамзину несколько вопросов: «Встречались ли мы наедине? Бывали ли мы дома друг у друга? Знакомы ли мы семьями? Мы знакомы по опубликованным трудам и докладам, а встречались на совещаниях и конференциях...»

Встал Рамзин, опрятно одетый, в белой рубашке, с красивым галстуком, спокойно сказал следующее: «Я подтверждаю, что мы не встречались наедине, я у Вас на квартире никогда не был, и Вы не были у меня. Ни я, ни Вы не были знакомы с членами наших семейств. Да, мы встречались на совещаниях и конференциях, знаем друг друга по опубликованным трудам в технических журналах и книгах».

Второй мой вопрос Рамзину: «Меня арестовали по вашим клеветническим показаниям, что я состою членом «промпартии» и активно выполняю ваши задания по контрреволюционной работе, по вредительству. Это же клевета! Я не состоял в этой партии и ваше руководство мною по вредительству категорически отвергаю».

Рамзин встал и спокойно сказал: «Да, я был главным в «промпартии» и был активным руководителем ее деятельности. Вы являетесь членом этой партии. Вы принимали активное участие в работе по моему заданию. В этой работе нам лично встречаться не нужно, так как из-за условий конспирации работа в нашей партии была организована по группам — тройки, пятерки и семерки. Вы состоите в одной из пятерок, и я ею руководил, давал Вам задания вредительского характера. Да, наша партия разоблачена органами ОГПУ, и Вы должны признаться в содеянном, это поможет смягчить нашу участь в приговоре суда».

Далее Кирпичев сказал: «От этой неправдоподобной и наглой лжи мне стало плохо, я не смог даже выругаться... Вот, дорогой Георгий Никитич, на этом и закончилась моя очная ставка. Я оказался «вредителем» и был судим, получил шесть лет тюремного заключения. Советую вам быть осторожным и не работать с ним. Он способен любого человека оклеветать. Уйдите от беды».

В мае 1942 года дирекция командировала меня в одно из управлений ВМФ СССР для согласования плана научно-исследовательских работ лаборатории, связанных с тематикой этого наркомата. Управление предлагало расширить работы и включить в план новую тематику. Я выступил и сказал, что не уполномочен решать такие вопросы. Желательно вызвать в Москву профессора Рамзина. Услышав эту фамилию, председательствующий оживился, спросил: «Это какой Рамзин работает у вас в институте, не тот ли провокатор и клеветник из «промпартии»?» Я ответил: «Да, это он».

Председатель совещания Уваров сказал: «Я с Рамзиным не был знаком (при этом он перекрестился), никогда с ним не встречался, но я был арестован, у меня отняли партбилет из-за клеветнического показания Рамзина. Я многое пережил, находясь в тюрьме, на допросах у следователей в течение восьми месяцев. В конце концов меня выпустили из тюрьмы, вернули мне и партбилет. А вот моего начальника по службе, старого члена партии, участника революции по клевете Рамзина арестовали. Он энергично протестовал против ложных обвинений и от сильного волнения в процессе допросов на следствии умер».

По доносу Рамзина был арестован М. А. Михеев — после войны он был избран член-корром Академии наук СССР, позднее и академиком. Он подвергался допросу девять месяцев. Все обвинения, которые предъявляли следователи к нему, были ложными, клеветническими. Его отпустили... Многие специалисты, узнав, что я работаю вместе с Рамзиным, искали случая встретиться со мной. Таких встреч было много. Все меня предупреждали, чтобы я не работал вместе с ним, что рано или поздно он со мной расправится, что он очень опасный человек, имеет поддержку спецорганов... Я встречался со специалистами, которые вызывались на допрос к следователям. Все они говорили, что процесс «промпартии» был придуман и сценарий этого процесса составлен органами и прокуратурой по указанию Сталина.

В конце мая 1943 года я вернулся с фронта из части Первой воздушной армии в Москву, и мне передали телеграмму от Г. М. Кржижановского: «Организуй вызов Рамзина Москву».

Столица в это время находилась на чрезвычайном положении, для въезда в нее нужен был специальный пропуск. Мне посоветовали обратиться к уполномоченному ГКО Кафтанову. Он принял меня, а сам ушел в соседнюю комнату, очевидно, согласовать вопрос по телефону. Через десять минут вернулся и сказал:

— Пошлите от себя телеграмму Кржижановскому: «По не зависящим от меня причинам вызов Рамзина не состоится».

Я пошел на телеграф. Через десять дней получил вторую телеграмму от Кржижановского: «Встречай Рамзина сегодня выехал Москву»... Я встретил профессора Рамзина на сортировочной станции Казанского вокзала. Специальный вагон, в котором он ехал, не был подан на платформу вокзала. Он мне сообщил, что приехал в Москву по телеграмме ЦК партии, подписанной Маленковым, а завтра мы едем в ЦК ВКП(б).

На следующий день пошли к Маленкову; мне выдали разовый пропуск, а Рамзину на десять дней. В приемной Маленкова нас встретил его секретарь и сказал, что по указанию товарища Сталина Леонида Константиновича вызвали в Москву по служебным делам...

Через несколько дней я прочитал в газетах постановление Совнаркома СССР, что профессору Л. К. Рамзину присуждена Сталинская премия первой степени. Вне очереди. Указом Президиума Верховного Совета СССР Рамзин был также награжден орденом Ленина. После этих наград ВАК утвердил Л. К. Рамзину без защиты диссертации ученую степень доктора технических наук.

Осенью 1943 года институт вернулся в Москву. По указанию Сталина Совет Министров СССР выделил для Рамзина штатную единицу на ученое звание члена-корреспондента АН СССР. Большому вниманию к нему со стороны Сталина он был рад и взволнован настолько, что после всего этого Леонид Константинович заболел. А Глеб Максимилианович Кржижановский вызвал меня к себе в кабинет и просил срочно оформить документы «личного дела Рамзина» для баллотирования на выборах его в члены-корреспонденты АН СССР.

До нашего личного знакомства я Рамзина знал мало, но в своей инженерной работе часто пользовался его трудами при расчете процессов сушки материалов и горения топлива для конструирования промышленных топок. По газетным статьям я знал его как врага нашего народа. Сотрудники лаборатории ЭНИНа почувствовали в лице Рамзина талантливого научного руководителя. Он обладал уникальной памятью, обширными знаниями, особенно в области теплоэнергетики. С ним работать было легко и плодотворно, как при проведении опытов, так и при обобщении экспериментальных данных. Он своим тактом, знаниями и энергией умел мобилизовывать коллектив сотрудников.

В 1943 году профессор Рамзин занял должность заведующего лабораторией, а я стал его заместителем. Он был доволен моей работой, мне доверял. Я часто по делам службы бывал у него дома и был знаком с его женой, старшей его сестрой и дочкой. Я познакомился с материалами личного дела Рамзина и был удивлен и восхищен его деятельностью. Он своим трудом как специалист и общественный деятель внес большой вклад в индустриализацию нашей страны. Когда я получил от него материалы личного дела и уже собирался уехать в президиум АН СССР для передачи документов, он попросил меня задержаться, решил поговорить со мной. Он был в хорошем настроении, но больной. Его жена, Эра Багдасаровна, накрыла стол и подала кофе. Мы продолжали непринужденный разговор о работе. Он был рад, что будет баллотироваться в член-корры. Затем сказал, имея в виду Сталина: «Хозяин помнит обо мне. Я благодарен ему за высокую оценку моей деятельности...» Задумался и еще сказал: «С выборами меня в член-корры не должно быть затруднений. Хотя все может случиться при тайном голосовании...»

Я внезапно и впервые спросил его: «Ваш большой вклад в советскую технику и науку хорошо известен. Но не помешает ли ваше участие в «промпартии»?» Он нервно передернулся, повернулся в мою сторону и, смотря на меня в упор, сказал: **«Это был сценарий Лубянки, и хозяин это знает»...**

Я поблагодарил Эру Багдасаровну за угощение, пожелал Леониду Константиновичу быстрейшего выздоровления и попрощался.

Через несколько месяцев в Академии наук состоялись довыборы. Голосование тайное. В голосовании принимало участие двадцать пять академиков и член-корров Академии наук СССР. За кандидатуру Рамзина проголосовали: за — 1, против — 24. Таким образом, ученые наказали Рамзина. Сталину не удалось внедрить Рамзина в Академию наук СССР.

Умер профессор Рамзин в 1948 году. Судьба страшная и поучительная.

АФГАНИСТАН: ПОДВОДЯ ИТОГИ

Начало на стр. 6.

обе стороны имели по равному числу объектов. В этих условиях при контроле органов ООН можно было бы действовать по схеме: уходит одна советская часть или подразделение из Афганистана — через некоторое время ликвидируется какой-то объект вооруженной оппозиции на территории Пакистана. Мы взяли на себя обязательство вывести все наши части и подразделения к 15 февраля 1989 года и полностью выполнили свои обязательства. Пакистан обязан был ликвидировать на своей территории все военные объекты афганской вооруженной оппозиции. Но он не только этого не сделал, он даже не допустил контрольные органы ООН к этим объектам. Таким образом, мировая общественность сейчас вправе потребовать дальнейшего выполнения женевских соглашений. Не получилось «зеркальных действий», давайте в таком случае настоим на последовательных: советские войска выведены, то есть СССР и Республика Афганистан свои обязательства выполнили,— теперь ответный ход за Пакистаном и США.

Хочу отметить еще один важный момент: за период реализации политики национального примирения (а в этом процессе участвовали и советские войска) удалось в ряде районов добиться лучшего отношения к нам со стороны афганского народа. Последнее время в таких местах советские офицеры и солдаты свободно, без боязни общались не только с местным населением, но и с теми, кого ранее наша пресса окрестила «душманами» (то есть бандитами).

— Как руководитель Оперативной группы Министерства обороны СССР в Афганистане, вы практически занимались решением всех вопросов — политических, экономических, военных и других. Какой группе проблем вы уделили больше времени и внимания?

— Все зависело от конкретной обстановки в тот или иной период времени. Однако определенно могу сказать, что на протяжении последних двух лет Оперативная группа основные усилия сосредоточила на оказании помощи афганцам в претворении в жизнь политики национального примирения. Естественно, большое внимание было уделено проблемам боевой подготовки афганских вооруженных сил, развитию армии. Что касается экономических и политических проблем, то они решались в единстве с военными вопросами, и это дало свои положительные результаты. Но в целом деятельность Оперативной группы была подчинена политическим целям, умиротворению.

— Валентин Иванович, какие годы войны были более других насыщены боевыми действиями?

— Пик боевых действий в Афганистане следует отнести к рубежу 1984—1985 годов. Потом началась переориентация в сторону политического решения проблемы.

— Почему же этого не произошло раньше?

— Этот вопрос нельзя анализировать в отрыве от всех тех изменений, которые произошли в нашей стране, начиная с апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Рассматривая тупиковую ситуацию в Афганистане, Михаил Сергеевич Горбачев сразу же после своего избрания Генеральным секретарем определил новый подход к проблеме, высказавшись за поиск политического, а не военного решения вопроса. Кроме того, Михаил Сергеевич поставил задачу — максимально беречь людей, снизить потери. Это стало программой наших действий. Мы пересмотрели нашу тактику в Афганистане. По-новому взглянули на способы наших действий.

Ход войны свидетельствовал: военный путь решения проблемы бесперспективен. На определенном этапе это стало понятно всем. Хотя к военным мерам афганское руководство вынуждено прибегать и по сей день.

Говоря о политических мерах, можно было бы для иллюстрации взять пример с охраной госграницы. Линия Дюранда — так называется граница между Пакистаном и Афганистаном — проходит через зону расселения свободных пуштунских племен. Племена, хотя и находятся по разные стороны этой линии, связаны между собой традициями, историей, родоплеменными отношениями. Поэтому нельзя на этой условной границе ограничиваться службой только пограничников. Важно, чтобы свой участок границы пуштуны охраняли сами. Между прочим, именно так обстояло дело при короле. Но для этого сейчас требуется проводить с племенами большую работу. Такая работа налицо, но пока еще не везде привела к желаемому результату.

— Мы выводили войска из Афганистана тремя основными этапами: осень 1986-го, лето 1988-го и январь — февраль 1989-го. Какой был самым сложным?

— Действительно, вывод войск оказался поделенным на три основных этапа: первый — до женевских соглашений и два других — уже на основании договоренности. Осенний вывод 86-го оказался делом новым. В соответствии с решением нашего правительства мы выводили тогда шесть боевых частей. В ходе подготовки этого важного мероприятия наша разведка следила и за действиями оппозиции. Экстремистская часть мятежников по требованию «Альянса-7» готовилась организовать нам «кровавую баню». Естественно, мы вынуждены были предпринять контрмеры: объявив за две недели срок вывода и по каким конкретно маршрутам пойдут наши части, мы начали открыто готовить войска к выводу. Одновременно вели усиленное наблюдение за отрядами оппозиции. Как и предполагалось, они изготовились к бою, в больших количествах сконцентрировались вдоль коммуникаций. В связи с этим мы вынуждены были вместе с афганскими вооруженными силами обрушить на них удары артиллерии и авиации и «перенести» срок вывода. Через 10 дней мы еще раз предприняли такие же меры, но в более жесткой форме, потому что оппозиция выводов для себя не сделала. На этот раз мятежники понесли исключительно большие потери (было также уничтожено значительное количество военных советников иностранных государств, которые, по нашему мнению, были основными организаторами этих действий).

Мы сделали последнее предупреждение, оповестив «охотников повоевать», что в случае открытия с их стороны огня нами будут применены все имеющиеся в нашем распоряжении силы и средства. Причем эти вопросы широко комментировались в печати, по радио и телевидению. Тяжелый итог и строгое предупреждение, видно, подействовали, поэтому первые шесть полков были выведены в 1986 году без единой царапины.

Думаю, что опыт 1986 года послужил для оппозиции хорошим уроком и в последующем — вывод советских войск летом 1988 года и в январе — феврале 1989 года прошел очень организованно, четко и без боевых потерь личного состава и техники.

— Какие боевые операции оставили в вашей памяти наибольший след и почему?

— Если вы имеете в виду чисто военную область, я бы ответил на ваш вопрос так. В 1985 году — Кунарская операция. Боевые действия проводились на всем протяжении Кунарского ущелья — от Джелалабада до Барикота. В общей сложности — 170 километров. Были затронуты и отроги гор в районе ущелья Печдара. Оба ущелья сложные, напоминают Панджшер. В ходе операции десантировалось более одиннадцати тысяч человек вертолетами. При этом не был потерян ни один вертолет, хотя уже тогда мятежники начали применять американские «Стингеры» и английские «Блоупайпы».

1986 год запомнился боями в провинции Пактия, на Парачинарском выступе и особенно в округе Хост — разгром базы мятежников Джавара. Эта база строилась более 10 лет по всем правилам современной фортификационной науки. Расположена база в горном массиве вблизи госграницы и считалась неприступной. Фактически Джавара являлась олицетворением могущества всех сил оппозиции на юго-востоке. Но никакие усилия мятежников их не спасли, в том числе массированное применение современных западных зенитно-ракетных комплексов.

В этом же, 1986 году успешно прошла совместная советско-афганская операция западнее Герата, включая базу-арсенал Какари-Шашари, расположенную у границы с Ираном. После разгрома главных сил оппозиции в том районе начался процесс массового перехода мятежных отрядов на сторону госвласти.

Для 1987 года — года объявления политики национального примирения — наиболее характерными были боевые действия в самом остром районе Афганистана — провинции Кандагар. Дело в том, что мятежники уверенно держали здесь инициативу в своих руках и терроризировали все население. Трижды была уничтожена Чрезвычайная комиссия по примирению в провинции (такие комиссии создавались по всей стране). Школы были закрыты. Магазины и госучреждения работали только с разрешения мятежников. Словом, в течение апреля — сентября 1987 года была проведена совместная операция по ликвидации бандформирований непримиримой оппозиции в самом Кандагаре и в прилегающих к нему уездах Аргандаб, Панджваи и Даман. Условия были тяжелые: сильный противник, температура воздуха в тени 50 градусов и выше, местность очень сложная. Но мятежников сломали. Наши войска блокировали районы, а афганские части входили внутрь и при поддержке советских огневых средств «чистили» соответствующие районы. С тех пор прошло полтора года, а народная власть там держится уверенно и сегодня.

На рубеже 1987 и 1988 годов наиболее важной стала операция «Магистраль»: тогда совместными действиями советских и афганских войск удалось открыть, обезопасить стратегическую дорогу из Гар-

деза на Хост и предоставить городу все, в чем он нуждался.

— Валентин Иванович, восьмидесятые годы для вас — это не только Афганистан, но и Ангола, Чернобыль... Я знаю, что вы вылетали из Афганистана на Чернобыльскую АЭС, верно?

— Да, занимался этим вопросом. Авария произошла в конце апреля 1986-го. Обстановка требовала самых решительных и срочных мер, которые и были приняты нашим правительством. Основным военным руководителем здесь был генерал армии Иван Александрович Герасимов, который очень активно взялся за дело. Учитывая, что войска подтягивались с разных направлений, а также из центра, требовалась соответствующая координация действий и организация соответствующих мероприятий. Первые дни Чернобыль полностью поглотил все время С. Ф. Ахромеева. Но Генеральному штабу надо было заниматься и многими другими крупными проблемами. Поэтому мне поручили решать все вопросы военного порядка, связанные с аварией на АЭС, в течение мая — июля и второй раз — в осенне-зимний период.

— Валентин Иванович, теперь мне хотелось бы затронуть один тяжелый вопрос — о проблемах психологического привыкания человека к идее своей смерти. Я много часов подряд говорил об этом с капелланом Дональдом Тэйлором, находясь прошлым летом в американской армии. Он специалист в этой области, защитил диссертацию на тему «Капеллан и проблема оказания моральной помощи смертельно раненным и безнадежно больным в госпиталях». Любопытную работу написала американка Елизавета Кублуросс, назвав свою книгу «Смерть и умирание». Работа содержит ряд рекомендаций, касающихся того, как помочь безнадежно больному или раненому человеку избавиться от страха перед смертью. Уместно вспомнить Толстого. Лев Николаевич как-то заметил, что вся жизнь человека есть постепенная подготовка к смерти и освобождение от страха перед нею.

— Печальная тема, но крайне важная для военных.

— Печальней нет. Валентин Иванович, вам приходится часто летать по всему Афганистану, а каждый взлет или посадка здесь — уже огромный риск. Ваш синий автомобиль знает каждый житель Кабула. В любой момент вы можете ожидать террористического акта, нападения. Я уже не говорю про многочисленные боевые действия, которыми вам приходилось руководить. Как вы боретесь со страхом?

— Своя «тактика» в этом вопросе у меня выработалась еще в период Великой Отечественной войны. Когда опасность повышается и я вижу, скажем, противника, который бьет в меня прямой наводкой, во мне вскипает такая злость, что она подавляет все остальные оттенки чувств.

Говоря об этом, хочу подчеркнуть, что поэтому-то у нас в Вооруженных Силах уделяется столь большое внимание физической и морально-психологической закалке личного состава. Особенно хорошо это дело поставлено в воздушно-десантных войсках. Солдат, сержант и офицер должны владеть навыком преодоления трудностей, опасных ситуаций, они должны уметь, как говорят военные, расчетливо рисковать.

— Валентин Иванович, сейчас одиннадцать тридцать вечера, а вы все еще на рабочем месте. Каков распорядок вашего дня? Когда отдыхаете? Успеваете ли читать прессу?

— С первых дней нашей работы в Афганистане мы договорились с офицерами Оперативной группы: трудимся без выходных, ежедневно. И никаких праздников. Мы же на войне! Большая часть времени у нас была связана с выездами и работой в провинциях. В Кабуле рабочий день формально очерчен так: с семи утра до десяти вечера. Но часто приходится выполнять различные задачи и по ночам: звонят афганские товарищи, срочные донесения и так далее...

Конечно, пытаюсь поспеть за нашей прессой, «толстыми» журналами. Сейчас печать стала такой, когда без нее человеку невозможно жить, как без хлеба или воды.

— Что вам запомнилось из прочитанного за последнее время?

— Было несколько очень ярких вспышек. Среди них — «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана.

— Что из нашей военной прозы прошлых лет вы особенно любите?

— «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова — одна из лучших вещей о войне. Тем более что мне пришлось участвовать в боях под Сталинградом. А Константин Симонов в военной литературе глыба; употребляя военные ранги — маршал. С интересом прочитал воспоминания Константина Михайловича «Глазами человека моего поколения».

Уверен, новая жизнь, за которую сейчас борются наша партия и народ, позволит во всю силу раскрыться существующим и поднимающимся талантам. И это обеспечит нам успех в перестройке.

— Валентин Иванович, скоро начнется сокращение Вооруженных Сил. Как сделать так, чтобы избежать повторения ошибок, допущенных при аналогичном сокращении почти тридцать лет назад?

— Конечно, нам в первую очередь надо избежать огульного увольнения кадровых военнослужащих. Министром обороны СССР генералом армии Дмитрием Тимофеевичем Язовым даны конкретные указания руководящему составу посвятить максимум времени и внимания выработке оптимального варианта в этой области. Очевидно, надо помочь исправить ошибку тем, кто считает себя в армии случайным человеком. С другой стороны, нельзя допустить, чтобы офицеры, желающие служить, оказались вынужденными покинуть ряды Вооруженных Сил, хотя возраст, здоровье и знания позволяют им успешно решать поставленные задачи.

Сокращение Вооруженных Сил потребует от нас еще раз пересмотреть систему и программу подготовки офицерских кадров. Будет делаться все, чтобы развивать у офицеров творческое начало и самостоятельность.

Говоря о сокращении Вооруженных Сил, мы одновременно должны позаботиться о решительном повышении их качества. И в этом важнейшее место занимает повышение уровня подготовки офицерского корпуса. Офицеры наших Вооруженных Сил — это педагоги, инженеры, ученые, строители, высокого класса организаторы. Естественно, сейчас будет иначе рассматриваться и такая проблема, как подготовка молодежи к службе в армии. Поэтому всем, в том числе и Вооруженным Силам, надо бы активнее работать с молодежью уже в школах. Особенно важно создание условий для физподготовки школьников. Конечно, должны быть обновлены подходы к идеологическому воспитанию молодежи. От этого и школа выиграет, и армия, и страна в целом.

— Благодарю вас за беседу.

Тело последнего погибшего в Афганистане советского солдата.

ХОЧУ ПИВА!

СТРОГАЯ И НЕПЬЮЩАЯ ГОСТОРГИНСПЕКЦИЯ НАВЕСТИЛА ПИВНОЙ БАР ВОВСЕ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ НАРУШИТЬ ЗАРОК ТРЕЗВЕННОСТИ. ОНА РЕШИЛА ПРОВЕРИТЬ: НЕ ОБЛАПОШИВАЮТ ЛИ ТУТ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЯНТАРНОГО, УТОЛЯЮЩЕГО ЖАЖДУ МАЛОАЛКОГОЛЬНОГО НАПИТКА?

ПИВНОЙ БАР

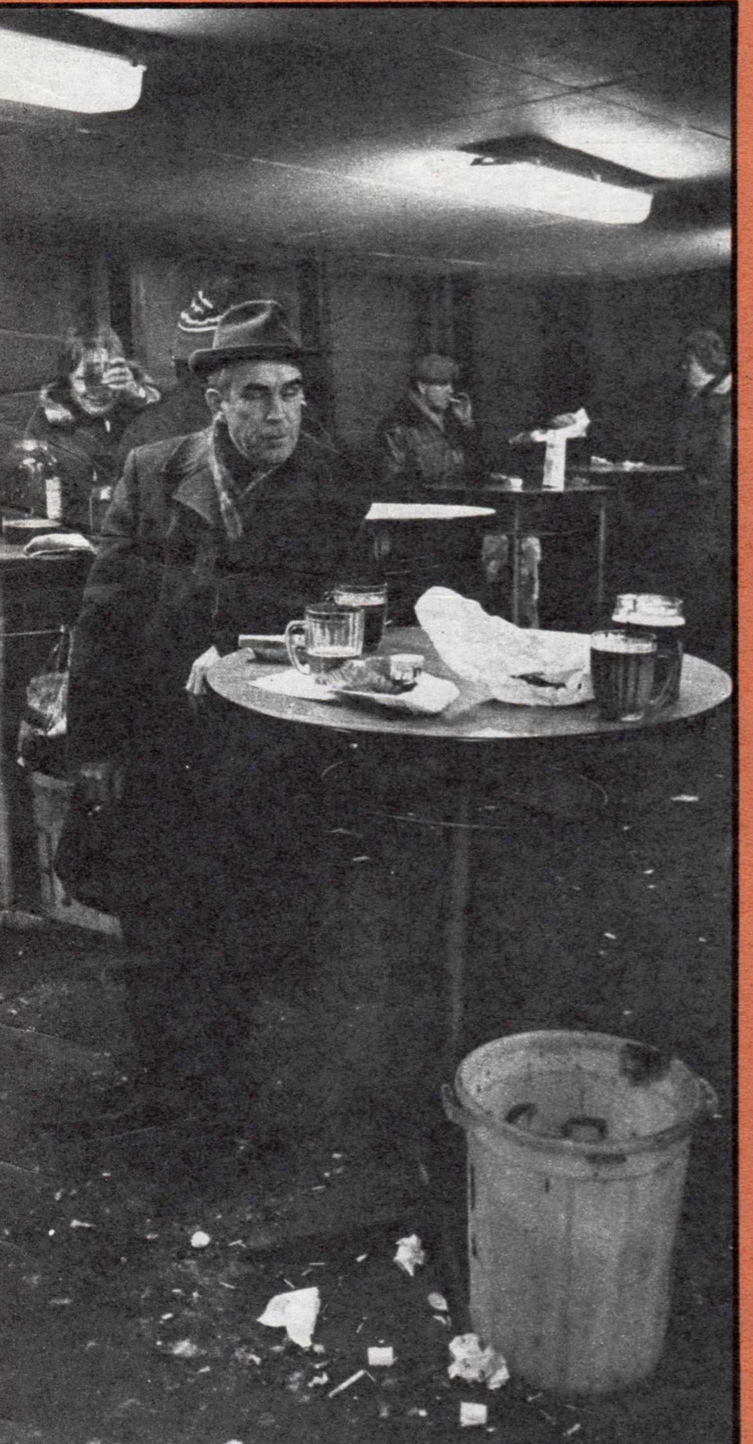

К. КОСТИН.
Фото М. ШТЕЙНБОКА

Пришла и сразу посуровела, ибо (цитирую): «Из двенадцати отобранных образцов восемь не отвечали стандартам». Были отмечены (и зафиксированы, документ передо мной) «факты порчи и фальсификации пива в предприятиях» московского торгового ведомства, которое прежде называлось Главторг, а ныне — Мосгорторг... Попросту сказать, пиво оказалось разбавленным, что не замечалось только потому, что наседавшая очередь не давала толком распробовать напиток. Да и как его продегустируешь, если «залив производится в технически неисправные, грязные емкости. Павильон не обеспечен моющими средствами (сказался мыльный дефицит? — К. К.) и инвентарем для мойки. Помещение находилось в антисанитарном состоянии».

Но и это цветочки. Так как на фоне «сокращенной увеличенности», неудовлетворенной потребности в пиве, мало кто обращает внимание на «сервировку»: у дефицита свои права и возможности, он диктует условия. И всегда они на руку тем, кто горазд на «случайный» недолив, на недовес и недовложение.

...И все же нечистые на руку специалисты торговли выглядят как недоучки на фоне общепитовских «знатоков пивного дела». Сколько раз укоряли тот же пивной зал от столовой № 7 Дзержинского треста столовых. Он — сарай сараем — расположился на ничейной земле: с одной стороны, вплотную, железная дорога, а напротив — детский садик. Пивной гулеж идет во весь рост, тут собрались серьезные мужчины (и дамы!). Пьют из трехлитровых баллонов, кружек не хватает. Кому трехлитровая емкость невмоготу, пользуются опорожненной от первоначального продукта молочной тарой — бумажные квадраты удобны; сложишь, и в кармане умещается. Пивному залу иногда пытается составить конкуренцию магазин № 74, да куда ему — размах не тот. Здесь пивом не торгуют, а лишь подторговывают. Хотя место кому-то показалось удачным: рядом — стена в стену — средняя школа.

Понимая, что хорошее пиво — это хорошее пиво, Министерство торговли РСФСР неоднократно обращалось в Госагропромы страны и Российской Федерации: сделайте милость, увеличьте выпуск бутылочного пива. Начните, наконец, производство пива безалкогольного — весь мир им торгует. Славный напиток, по вкусу — добротное пиво, а не пьянит!

— Положительного решения вопросы эти не нашли,— посетовали в Росоптпродторге.

Другими словами, как об стенку горох: Минторг хочет торговать хорошим пивом, а Госагропром всячески тому сопротивляется...

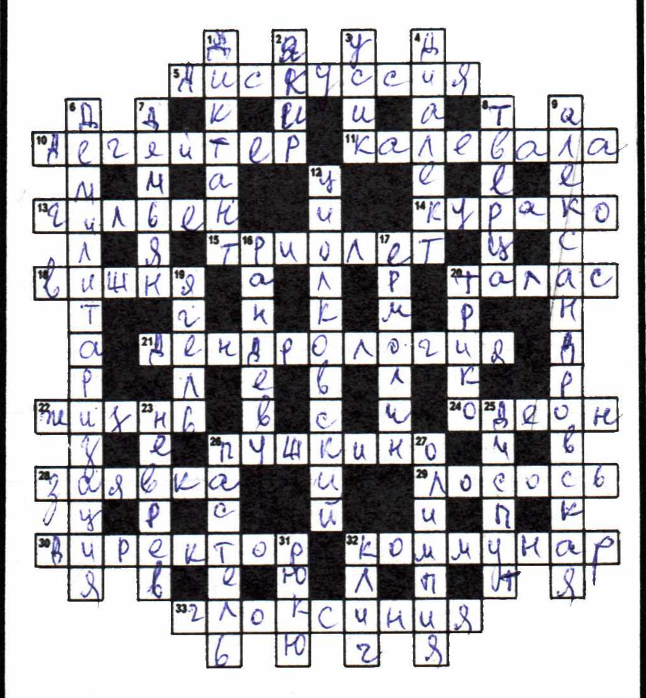
Начали сокращать и ассортимент пива с интересной тенденцией: недорогого «Жигулевского» все меньше, а «Ячменного колоса» — оно заметно дороже — побольше...

...Да, с пивом плохо. Тот же московский «зал», об антисанитарном состоянии которого знают все, одолел ныне еще один рубеж: помещение (снова цитирую) «поражено колониями черной плесени и ослизнено».

Не хочу я такого пива! И прошу считать заголовок ошибочным...

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Публичное обсуждение проблемы, вопроса. 10. Композитор, автор музыки «Интернационала». 11. Карело-финский эпос. 13. Кубинский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 14. Металлург, основатель школы русских доменщиков, активный участник революции 1905—1907 гг. 15. Восьмистишие. 18. Плодовое дерево. 20. Река в Киргизии и Казахстане. 21. Раздел ботаники. 22. Роман Г. Мопассана. 24. Античное круглое здание для выступления певцов. 26. Город в Московской области. 28. Сообщение с указанием на потребность в материалах. 29. Ценная промысловая рыба. 30. Руководитель предприятия, учебного заведения. 32. Участник первой пролетарской революции. 33. Южное декоративное растение, цветок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Школьная письменная работа. 2. Советский военачальник, командарм первого ранга. 3. Нитевидное образование на стебле растения для прикрепления к опоре. 4. Местное наречие, говор. 6. Ликвидация на основании международного договора военных укреплений на определенной территории. 7. Литературный герой басни И. А. Крылова. 8. Приток Волги в Калининской области. 9. Белорусская певица, народная артистка СССР. 12. Основоположник современной космонавтики. 16. Назначенная встреча военных кораблей. 17. Русский архитектор и скульптор XV века. 19. Олений мох. 20. Плотная ткань узорчатого плетения. 23. Русский художник-передвижник. 25. Спор на научные, литературные темы. 26. Рисунок или живопись, выполненные цветными карандашами без оправы. 27. Древнегреческий город. 31. Архипелаг вулканических и коралловых островов в Японии. 32. Призыв, возглас.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Батисфера. 10. Широкорот. 11. Перкаль. 13. Манизер. 14. Архимед. 17. «Манас». 19. Карабанов. 20. Гайдн. 21. Червонопартизанск. 24. Цапфа. 26. Рокировка. 27. Альпы. 31. Филатов. 32. Сартанг. 33. Кобальт. 35. Катамаран. 36. Филумения.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Укроп. 2. Гриль. 3. Шахразада. 4. Винница. 5. Офицер. 6. Болеро. 7. Горлица. 8. Созвездие. 12. Комбинаторика. 15. Сальников. 16. Коккинаки. 18. Севрюга. 20. Гранула. 22. Дварионас. 23. Успенский. 25. Флагман. 28. Лотерея. 29. Гончар. 30. Кактус. 33. Кварц. 34. Твист.

Много ли знаю о нашей
огромной планете?
Сколько морей, и пустынь,
и хребтов, и потоков на свете,
Сколько открытий и подвигов,
стран, городов и селений,
Сколько диковинных тварей
и редких растений...
...Скудны познанья мои,
и на каждом шагу
Их я богатством чужим
пополняю, насколько могу.

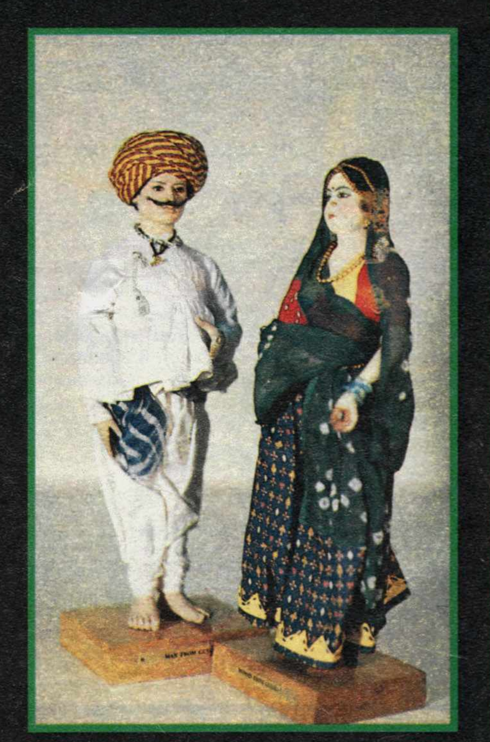
Так с любовью ко всему сущему писал когда-то индийский поэт Рабиндранат Тагор.

40 коп.
Индекс 70663

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Его учениками, последователями считают себя ребята из московской школы № 26, установившие прочную связь со своими ровесниками из Индии. Клуб интернациональной дружбы имени Тагора существует в школе уже 25 лет.

Когда отмечали 39-ю годовщину независимости Республики Индия и к ребятам пришли представители Дома дружбы Индия — СССР, в школе открылась временная экспозиция индийской выставки, гостившей в Москве. Некоторые экспонаты — фотографии, альбомы, куклы в национальных костюмах — были оставлены в дар школьному музею.

И. ЧИКОМАСОВА